

Научно-популярное приложение «Большой взрыв»

Выпуск 4

Содержание:

Николай Вольский	Загадка Агаты Кристи
Вит Ценёв	В руку со временем
Сергей Голубицкий	Убить дракона
Михаэль Лайтман	Правосудие и каббала - вместе к единой цели
Сергей Иванов	Невозможные миры Герберта Уэллса
Юрий Никонов	Шизотипический дискурс и эвереттика
Константин Жоль (окончание)	В звоне мечей и тиши монастырской обители

* * *

Николай Вольский

Загадка Агаты Кристи

Нет сомнений, что статья под таким названием уже существует. И даже, вероятно, не одна. Но обычно те, кто пишет о “королеве детектива”, называют так один эпизод из её жизни, который многократно описан в биографиях писательницы и хорошо известен всем её поклонникам. В 1926 году, будучи уже известным публике автором нескольких детективных романов, Агата Кристи внезапно исчезла из дому и была обнаружена (живой и невредимой) лишь через 11 дней в водолечебном санатории, в английском курортном городе Харроугейте. Эта история широко и подробно освещалась английской прессой того времени, вызвала многочисленные толки и, поскольку она происходила на фоне сложных, закончившихся разводом взаимоотношений писательницы с её первым мужем, полковником Арчибальдом Кристи, до сих пор рассказ о “таинственном исчезновении” занимает одно из центральных мест в популярных публикациях о её жизни и творчестве. Однако, никакой загадки в этой истории нет. По крайней мере, сейчас. Все подробности происшествия давно известны, и не вполне ясными остаются только мотивы исчезновения. И то только потому, что писательница не захотела поделиться ими с широкой общественностью. Впоследствии она объясняла причины своего ухода из дому

туманно и неубедительно: усталость, что-то вроде амнезии... Но почему это нужно было делать в столь мелодраматической форме, она не объясняет. Можно только предположить, что на склоне лет Агата Кристи не испытывала гордости за своё поведение в той ситуации и лишь вынужденно упоминала об этом эпизоде в своих мемуарах .

Как бы то ни было, всё же эта “загадка” взята из жизни реальной женщины, прожившей долгую и интересную жизнь, но имеющей лишь косвенное отношение к той Агате Кристи, которую мы обычно имеем в виду, вспоминая это имя. Для нас Агата Кристи - прежде всего автор любимых нами детективов. Только благодаря этому обстоятельству мы интересуемся подробностями её “мирской” жизни: её родителями, её замужествами, археологическими экспедициями, в которых она участвовала, и т.д. Следовательно, истинные загадки Агаты Кристи надо искать не в её личной жизни, а в её произведениях. Об одной из таких загадок и пойдет речь ниже.

Загадка кроется в сюжете одного из детективных рассказов Агаты Кристи под названием “Мотив против возможности” (“Motive v. Opportunity”) из сборника “The Thirteen Problems” [1932] (американское издание этого сборника вышло под названием “The Tuesday Club Murders”). Сюжет невероятной истории, которую рассказывает членам “Клуба вторников” профессиональный юрист мистер Петерик, внешне несложен, и его изложение занимает всего несколько страниц. Но он содержит одну из самых хитроумных и изящных загадок, придуманных Агатой Кристи.

Речь в рассказе идёт о завещании, оставленном одним из клиентов рассказчика, богатым престарелым джентльменом, Саймоном Клоудом. Мистер Клоуд был одинок и не имел прямых наследников. Его единственный сын погиб, оставив сиротой маленькую дочку, мать которой умерла при родах. Старик жил с внучкой и не чаял в ней души, но она тоже умерла в двенадцатилетнем возрасте. Ближайшими родственниками мистера Клоуда были трое детей его умершего брата, племянник Джордж и племянницы: Мэри, которая осталась жить в доме своего дяди и заботилась о его хозяйстве, и вышедшая замуж Грейс. Саймон Клоуд был щедр и заботлив по отношению к своим племянницам и племяннику, но не испытывал к ним особенной привязанности. Они не могли заменить ему потерянной горячо любимой внучки. Однако после её смерти мистер Клоуд составил новое завещание, в котором поровну разделил своё солидное состояние между Грейс, Мэри и Джорджем.

Всё шло тихо и мирно до тех пор, пока на сцене не появилась миссис Спрагг, которую адвокат охарактеризовал как “мошеницу самой высокой пробы”. Играя роль медиума, она вызывала на спиритических сеансах дух умершей девочки, по которой безумно скучал старик, и благодаря этому заняла в доме мистера Клоуда центральное место, полностью подчинив его своему влиянию. Вместе с ней в доме поселился и её муж, мистер Абсалом Спрагг, который также играет некоторую роль в излагаемом сюжете. Поскольку Саймон Клоуд был в восторге от Эвридики Спрагг, считал её замечательной и бескорыстной женщиной, действующей исключительно из сострадания и любви к ближним, и даже склонялся к тому, чтобы считать её членом своей семьи, почти что дочерью, сложившаяся ситуация не могла не беспокоить родственников старика: они чувствовали, что “медиум” нацелилась на богатство старика и вполне может обойти в этом законных наследников. Подобного же мнения придерживался и адвокат Петерик. По его совету муж Грейс пригласил поучаствовать в проводимых спиритических сеансах известного своей порядочностью исследователя спиритизма профессора Лонгмана. Именно вмешательство профессора и послужило непосредственной завязкой сюжета. Хотя учёный и усомнился в натуральности происходящего на сеансах, но он не нашёл и явных доказательств мошенничества миссис Спрагг, о чём честно признался в своём письме. Прочитав письмо, Саймон Клоуд увидел в этом проявление зависти и интриганства со стороны своих родственников и в ярости заявил, что не даст в обиду миссис Спрагг, эту святую

женщину, которая для него дороже всех в мире, включая собственную семью. Для племянника и племянниц дело приобрело совсем скверный оборот, особенно если учесть, что в результате всех этих событий здоровье старика резко ухудшилось, так что он мог умереть в ближайшее время.

Саймон Клоуд осознавал этот факт и имел твёрдое намерение завершить свои земные дела так, как он считал правильным и справедливым. Он вызвал адвоката и заявил ему, что намерен изменить своё завещание. Его последняя воля заключалась в том, чтобы оставить по пять тысяч фунтов племяннику и племянницам, а основную часть своего имущества - миссис Эвридике Спрагг “с благодарностью и любовью”. В присутствии двух свидетелей, горничной и кухарки, старик переписал поправленный адвокатом текст завещания и подписал его. Затем завещание подписали свидетельницы, и мистер Петерик спрятал его в подготовленный голубой конверт. Выполняя свой профессиональный долг, адвокат всё же довольно откровенно высказал своё неодобрение поступка Саймона Клоуда. По его мнению, нехорошо было “лишать наследства в пользу чужого человека собственную плоть и кровь”. Но старый джентльмен был непреклонен в своём решении, считая, что неодобрение мистера Петерика объясняется его предубеждением против миссис Спрагг, и сказал, что может теперь умереть с легким сердцем, так как сделал всё, что хотел.

Подписанию завещания сопутствовали две мелкие, но имеющие своё значение подробности: 1) когда горничная Эмма Гонт подавала старику его авторучку, которой он затем переписал набросанный карандашом черновик завещания, выяснилось, что ручка оказалась в левом ящике письменного стола, а не в правом, где она обычно лежала и где ей положено было находиться; 2) разговаривая с Клоудом, адвокат незаметно для себя выронил конверт с подписанным завещанием, и его подняла с полу и подала мистеру Петерику выходящая из комнаты Эмма Гонт.

Адвокат вышел из комнаты старика и ещё некоторое время пробыл в доме, разговаривая с Мэри и Джорджем, и именно в эти полчаса разыгрались события, позволившие дать рассказу название “Мотив против возможности”. Хотя разговор никак не касался нового завещания, можно предполагать, что все домашние догадывались, зачем Саймон Клоуд вызвал к себе адвоката. Естественно, что как Мэри с Джорджем, так и миссис Спрагг со своим мужем хотели бы ознакомиться с содержимым голубого конверта. Более того, у племянников мог быть и корыстный мотив для того, чтобы уничтожить это завещание. Но у них не было такой возможности: всё это время они были вместе с адвокатом и не могли на его глазах вытащить конверт. Однако такая возможность была у миссис Спрагг. Незапечатанный конверт с завещанием находился в кармане пальто, которое мистер Петерик оставил в гостиной. И когда адвокат вместе с Мэри и Джорджем возвратились из кабинета, где они пробыли четверть часа, в гостиную, они застали там миссис Спрагг у кресла, на котором лежало пальто. Голубой конверт лежал на полу рядом с креслом, а “святая женщина” выглядела смущённой и растерянной. Складывается впечатление, что миссис Спрагг застали в тот момент, когда она знакомилась с завещанием, и она не успела положить конверт на место. Во всяком случае, она имела возможность что-либо сделать с завещанием, но ей не было никакого смысла уничтожать его. Такая же возможность была впоследствии и у мистера Спрагга: он несколько минут находился в одиночестве в кабинете адвоката, где на столе лежал незапечатанный конверт с завещанием, и также мог сделать с ним что угодно. Но зачем?

Все эти вопросы возникли через два месяца после описываемых событий. Когда Саймон Клоуд скончался и голубой конверт, пролежавший два месяца в сейфе мистера Петерика, был вскрыт, в нём обнаружился чистый лист бумаги. Юридически оформленное и заверенное свидетелями выражение последней воли Саймона Клоуда бесследно исчезло. Можно сказать, что справедливость восторжествовала. Мошенница

осталась с носом, и состояние старика досталось законным наследникам по предыдущему завещанию. Однако осталась загадка: как же это могло произойти?

Посмотрим, как объясняется это “таинственное исчезновение” в рассказе. Рассказ чётко делится на две части. Первая часть содержит очень краткое введение, предваряющее историю, рассказанную мистером Петериком (“Мистер Петерик начал с того, что откашлялся...” и т.д.), затем следует экспозиция его рассказа, описывающая взаимоотношения персонажей и ситуацию, в которой они оказались, и наконец, центральный сюжет: события, образующие собственно загадку. Во второй части мисс Марпл и другие участники “Клуба вторников”, то есть персонажи рамочного повествования, в которое включён рассказ адвоката, обсуждают предложенную им загадку, и здесь же даётся разгадка, которая косвенным образом стала известна рассказчику. Композиционно между этими двумя частями проведена ясная разделительная линия. В конце своего рассказа мистер Петерик подытоживает противоречивые данные, образующие загадку:

“Напомню основные моменты: завещание подписано мистером Клоудом, и я кладу его в конверт — первый этап. Затем кладу конверт в карман пальто. Пальто с меня сняла Мэри и отдала Джорджу — на моих глазах. Пока я находился в кабинете, у миссис Эвридики Спрагг было достаточно времени, чтобы вытащить конверт из кармана и ознакомиться с его содержимым. То, что конверт оказался на полу, а не в кармане, свидетельствует о том, что именно так она и поступила. И тут мы оказываемся перед любопытным фактом: у неё была возможность уничтожить завещание, но не было мотива. Ведь Клоуд почти всё оставлял ей! Заменяв завещание чистым листом бумаги, она тем самым лишала себя наследства, ради которого, собственно, и затеяла всю эту историю. У её супруга также была возможность подменить документ — когда он оставался один на один с этим документом у меня в офисе. Но здесь та же ситуация. Итак, перед вами любопытная задачка: два человека, у которых была возможность подменить завещание на чистый лист бумаги, но не было для этого мотива, и двое, у которых мотив был, но не было никакой возможности.

...Он, сияя, ещё раз оглядел слушателей.

- Вот моя маленькая загадка. Надеюсь, я изложил всё достаточно ясно”.

Это идеальная композиция для детективного рассказа. Все необходимые для разгадки данные изложены, никаких новых фактических уточнений не предвидится, осталось только напрячь свои “серые клеточки” и дать такое истолкование фактам, при котором кажущееся бессмысленным и необъяснимым сочетание событий приобрело бы рациональную и понятную нам форму.

Как следует из рассказа, мисс Марпл сразу же догадывается, в чём секрет исчезнувшего завещания. Но не она сообщает его читателям. Чтобы не мешать остальным членам клуба поломать голову над загадкой и обменяться своими соображениями по её поводу, мисс Марпл пишет своё решение задачи на листке бумаги и передает его адвокату. Единственное, что мисс Марпл говорит вслух, это её рассказ о маленьком Томми, подшутившем над учительницей. Можно сказать, что мисс Марпл, не оглашая известную ей разгадку, комментирует рассказ адвоката Петерика в форме притчи. Я бы истолковал её смысл как намёк на то, что ключ к загадке лежит за пределами тех событий, на которых акцентировал внимание мистер Петерик, резюмируя рассказанную им историю. Точнее сказать, смысл происшедшего надо искать в другой событийной плоскости нежели та, которая кажется очевидной. Прочитав записку, мистер Петерик подтверждает, что это решение верное (то есть такое же, какое известно ему самому), но делает это в косвенной форме, воскликнув: “Послушайте, для вас вообще существует что-нибудь неразрешимое?” (“My dear friend,” he said, “is there anything you do not know?”). И здесь же, в ответ на вопрос сэра Генри, он произносит довольно странную, если

рассматривать её в обсуждаемом контексте, фразу: "...Все гораздо проще. Не слушайте мисс Марпл. У неё особый взгляд на вещи" ("You must not pay any attention to Miss Marple. She has her own way of looking at things"). Каким образом можно совместить это утверждение адвоката с его восхищённым взглядом на мисс Марпл после прочтения её записки и с его восклицанием-вопросом, остается неясным. Дело в том, что автор не сообщает читателям, что именно было написано в записке мисс Марпл. Мы можем только догадываться об этом, хотя наиболее естественно считать, что решение мисс Марпл совпало с той отгадкой, которую заранее знал адвокат. И всё же внешней канве событий не противоречит и другое истолкование: мисс Марпл предложила другое решение загадки, не то, которое, в конечном итоге, становится известным читателю, но настолько остроумное, что оно восхитило мистера Петерика, и он мог бы признать его истинным решением проблемы, если бы он не знал, как оно было на самом деле. Это объясняло бы его замечание об "особом" взгляде мисс Марпл на вещи. Но так ли это, или не так, навсегда останется для нас неизвестным - автор не даёт нам достаточных оснований прийти к какому-либо однозначному выводу относительно этой маленькой проблемы. Проще считать, что решение, высказанное в записке мисс Марпл, и решение, воспринятое нами в конце рассказа из уст мистера Петерика, совпадают. Тем более, что мы и не сомневались в этом, когда дочитали рассказ до конца. Не сомневались бы и сейчас, если бы наше внимание не привлекло странное (но всего лишь единичное и мимолётное) замечание адвоката Петерика.

Обсуждая предложенную им загадку, члены клуба высказывают следующие версии происшедшего:

1) Текст завещания был подменён чистым листом бумаги кем-то из трёх человек, которые могли быть заинтересованы в его исчезновении (предполагается, что третьим заинтересованным лицом была горничная Эмма Гонт, симпатизировавшая молодым Клоудам); наиболее вероятным исполнителем является Джордж Клоуд, который положил пальто адвоката на кресло;

2) Подмену осуществила Мэри, которой сообщила о завещании Эмма Гонт.

Оба эти предположения отвергаются на том основании, что Джордж и Мэри не могли реально совершить такой, требующий профессионального мастерства фокус на глазах мистера Петерика. Почему-то участники обсуждения забыли про Эмму Гонт, хотя она вполне могла подменить находившийся в конверте лист бумаги в то время, когда Мэри и Джордж были с адвокатом в кабинете. Если считать её заинтересованной в исчезновении завещания, то она оказывается единственным лицом, у которого были одновременно и мотив, и возможность совершения этого преступления.

3) Исчезновение завещания дело рук Эвридики Спрагг, которая заподозрила, что Саймон Клоуд заменил уже существующее в её пользу завещание, поверив разоблачениям профессора Лонгмана. В спешке она бросила завещание в горящий камин, не прочитав его.

Ясно, что такая версия никуда не годится, поскольку со стороны миссис Спрагг было бы просто безумием уничтожить неизвестный ей текст, не ознакомившись с его содержанием.

4) Завещание уничтожил мистер Петерик, исправив, так сказать, ошибку своего клиента.

Принять это предположение совершенно невозможно, и не только потому, что адвокат по своему положению выше таких подозрений, но и, главным образом, потому, что в этом случае никакой загадки просто не было бы и адвокату нечего было бы рассказать своим слушателям.

5) Завещание изъяла из конверта миссис Спрагг, но она не успела прочитать его до возвращения в гостиную мистера Петерика и забрала его с собой. В таком случае у неё

был единственный выход из создавшегося затруднительного положения - после смерти мистера Клоуда она должна была подложить завещание в бумаги покойного. Так как оно там не было обнаружено, значит его уничтожила Эмма Гонт. (Почему именно она, а не Джордж, Мэри или Грейс?)

Это предположение также не выдерживает критики, хотя в тексте рассказа оно и не встречает серьёзных возражений со стороны участников дискуссии. Но мы можем его отвергнуть, поскольку у супругов Спрагг была реальная возможность вернуть столь ценное для них завещание на его место в голубом конверте. Именно необходимость возратить мистеру Петерику завещание после его прочтения могла бы объяснить странный и внешне немотивированный поход Абсалом Спрагга в адвокатскую контору. Но в конверте завещания не оказалось, следовательно, на место его не возвратили, и следовательно, супруги Спрагг не виновны в его исчезновении.

После изложения всех этих, прямо скажем, беспомощных версий мистер Петерик выдаёт собравшимся секрет исчезнувшего завещания. При этом он предварительно сознаётся, что сам он не мог разгадать эту загадку и вряд ли бы понял, что за этим кроется, если бы секрет “похищения” завещания Саймона Клоуда ему не рассказал сам “похититель”. Им оказался Филипп Гаррод (муж Грейс), то есть один из тех, кто имел мотив для уничтожения завещания. И не важно, сам ли он придумал и осуществил всю операцию или имел место сговор между ним и другими родственниками старика. Главное, виновным (или виновными) в исчезновении завещания оказался тот, на кого и падало подозрение. Старинное юридическое правило: “*Is fecit cui prodest*” и здесь оказалось действенным. Невольной (а может быть, и сознательной) пособницей злодея стала Эмма Гонт. Ей было поручено подать Саймону Клоуду в нужный момент авторучку, заправленную специальными чернилами. Суть разгадки адвокат выражает следующими словами:

“Вы уже догадались, в чём дело? Ручка была заправлена симпатическими чернилами - водным раствором крахмала, в который добавлено несколько капель йода. Это густая черно-синяя жидкость, практически неотличимая от чернил, только написанное ею исчезает через четыре-пять дней”.

Такова сюжетная загадка рассказа Агаты Кристи. И поскольку рассказ помимо содержащейся в нём загадки вряд ли может чем-то заинтересовать читателя, то именно она определяет общее впечатление от рассказанной нам истории. И впечатление, надо сознаться, весьма посредственное. В формальном отношении к рассказу трудно придаться, основные законы построения детектива здесь соблюдены. Есть загадочная история, есть её разъяснение, концы с концами как-то, худо-бедно, сведены. Правда, разрешение проблемы приходит извне, а не в результате наблюдательности и логических рассуждений сыщика, но это всё же только желательное, но не обязательное условие для детектива, и во многих классических детективах оно не выполняется. Так что перед нами, несомненно, детектив, но его качество оставляет желать лучшего. После его прочтения у читателя доминирует чувство разочарования. Как и после многих других не поднимающихся над средним уровнем детективов остаётся ощущение несоответствия между увлекательной завязкой (собственно загадкой) и банальной или, напротив, надуманной, вымученной концовкой произведения (разгадкой). Рядовому автору, как правило, оказывается легче заинтересовать читателя, чем оправдать этот интерес, придумав остроумное и изящное разрешение своей головоломке. Но загадка не существует без адекватной разгадки. И читатель, предвкушавший удовольствие от неожиданного и в то же время простого, убедительного и логически безупречного решения задачи, закрывает книгу с чувством неудовлетворённости. Опять автор детектива оказался не на высоте, хорошей загадки не получилось. А жаль. Начало было таким захватывающим и многообещающим.

Подобное ощущение испытываешь и после чтения рассказа “Мотив против возможности”. И хотя это всего лишь непосредственное ощущение, интуитивная оценка прочитанного, правильность её можно подтвердить некоторыми вполне рациональными соображениями, возникающими при детальном анализе текста. Первое, что можно поставить в упрек писательнице и что сразу же бросается в глаза, это вычурность и неправдоподобность способа, которым герои рассказа осуществляют свою цель - исчезновение написанного завещания. Такой способ могли избрать дети, желающие подшутить над своим добродушным и необидчивым дядюшкой, но он совершенно не годится для выполнения проделки, за которую можно получить много лет тюрьмы. Даже технически он вряд ли выполним: авторучка, заполненная раствором крахмала и оставленная хотя бы на час, непременно засохнет, и ей нельзя будет ничего написать. Кроме того, если посмотреть на такое “исчезновение” завещания не как на милую шутку, а всерьёз, то сразу возникнет вопрос об исследовании “чистого” листа бумаги, оставшегося в конверте, и о возможности восстановить текст. Ясно, что нет никакой сложности в том, чтобы отличить исписанный, пусть даже бесцветными чернилами, лист бумаги от нетронутого листа, а дальнейшее исследование позволит и прочитать то, что было написано. Необходимо только, чтобы был некто, заинтересованный в таком исследовании. И такие заинтересованные лица есть.

В первую очередь, это сам мистер Петерик, ведь речь идёт о его профессиональной репутации. Писательница благоразумно не упоминает о том, как происходило официальное оглашение завещания: кто на нём присутствовал и что при этом произошло. Но мы можем не сомневаться, что, если бы такой случай действительно произошёл, это было бы шоком для почтенного юриста. Хорош же оказывается адвокат, который на вопрос: “И где же доверенный вам документ ценностью во много тысяч фунтов стерлингов?”, отвечает: “Да куда-то подевался”. И сразу же возникает подозрение (высказанное, кстати, одним из участников обсуждения загадки) в том, что завещание уничтожил сам адвокат и, вероятно, не бескорыстно. Опровергнуть это подозрение мистеру Петерику нечем. Он сам, будучи честным человеком, упрямо утверждает, что никто не мог похитить завещание из конверта, а те, у кого была такая возможность, никогда бы этого не сделали, ведь это бы противоречило их интересам. Но тем самым адвокат копает яму для себя самого. Мы приходим к выводу, что, если бы такой случай действительно произошёл, мистер Петерик должен был бы рассказывать о нём в совсем другом ключе. В его рассказе он должен был бы выступать в качестве одной из потерпевших сторон: сам он знает о своей невинности, но все улики, которые он сам же и представил следствию, указывают на него как на исполнителя преступления. Чтобы обелить себя, он должен разгадать эту загадку. Но в этом случае не приходится ожидать, что действительный преступник поделится с ним секретом пропавшего завещания. Ему пришлось бы докапываться до истины самому и, призвав на помощь полицию с её криминологическими методами, он легко бы добился своей цели, отправив по пути Филиппа Гаррода с компанией за решётку. Во всяком случае, мистер Петерик не мог бы чувствовать симпатии к тем, кто в погоне за богатством поставил под удар его самого и навлёк позор на его голову.

Есть и ещё одно заинтересованное в раскрытии истины лицо - Эвридика Спрагг. Она знала о существовании завещания и о том, что она является законной наследницей Саймона Клоуда. Когда она знакоилась с содержанием голубого конверта, текст завещания ещё не мог обесцветиться. И хотя завещание исчезло, тот факт, что оно действительно существовало, могли официально подтвердить мистер Петерик и подписавшие завещание свидетели. В такой ситуации интересы миссис Спрагг и адвоката Петерика совпадают. Зная о пропаже завещания, миссис Спрагг, несомненно, не оставила бы этого дела так и тоже обратилась бы в полицию. Даже если адвокат попытался бы из

страха за свою репутацию как-то замять это дело, миссис Спрагг ему бы этого не позволила - ей в этом случае терять было нечего, а приобрести она могла огромное состояние. Следовательно, никаких шансов на сокрытие своей проделки у Филиппа Гаррода не было, его план выглядит глупым и обречённым на провал. То, что в рассказе он оказался успешным, объясняется исключительно своеволием автора, который сводил концы с концами в своей загадке, не считаясь с логикой описываемых событий. Отсюда ощущение натянутости и неправдоподобности прочитанной нами истории.

Другая претензия, которую мы можем предъявить Агате Кристи и которая обуславливает нашу невысокую оценку рассказа, заключается в следующем. Когда мы читаем рассказ, мы ещё не можем вполне оценить смысл и значение тех отдельных эпизодов и деталей описания, из которых состоит текст, так как мы ещё не знаем истинных очертаний художественного целого, частями которого они являются. В детективном жанре это общее правило выступает особенно явственно. Пока мы не знаем, в чём состоит загадка сюжета и как она разгадывается, мы при заинтересованном чтении должны исходить из того, что любая, на первый взгляд самая незначительная деталь повествования может, в конечном итоге, оказаться существенной для обоснования загадки и, следовательно, для полноты нашего художественного впечатления. Мы не можем заранее отвергать самый неестественный и излишний, на наш взгляд, эпизод, потому что мы не понимаем - и до разгадки не должны понимать - многое из того, что происходит перед нашими глазами. Исходя из того, что в детективе идеальный читатель видит только то, что ему показывают, и готов к тому, что в конце повествования его взгляд на то, что он узнал о событиях и героях прочитанной им истории, должен существенно измениться (именно в этом и состоит главное удовольствие при чтении детективов), он невольно сомневается во всех своих предварительных оценках и откладывает окончательное суждение до того, как он узнает разгадку. Но уже зная, в чём состоит загадка и её разрешение, мы вполне можем оценить роль каждого эпизода в целостной сюжетной конструкции.

С этой точки зрения, в разбираемом нами рассказе есть несколько эпизодов, которые, по сути, никак не связаны с прочитанной нами историей, не играют никакой роли в сюжете и не представляют самостоятельного интереса. Их можно охарактеризовать как “сюжетный мусор”, который лишь запутывает читателя и отвлекает его внимание от существа дела. Одним из таких эпизодов является визит Абсалома Спрагга в адвокатский офис мистера Петерика. При чтении нам оставалось непонятным, зачем мистер Спрагг посещал контору адвоката, но это не должно было слишком нас беспокоить, мы могли надеяться (и, действительно, надеялись, хотя, вероятно, не обращали на это своего сознательного внимания), что у него был какой-то скрытый для нас мотив и что впоследствии всё это разъяснится и займет своё место в сюжете. Однако даже после того, как разгадка и, следовательно, подоплёка происшедших в рассказе событий стали нам известны, цель посещения адвокатского офиса персонажем, о существовании которого вообще можно было бы не упоминать в рассказе, если бы не его участие в этом эпизоде, не стала для нас ни на йоту яснее. Выше было предположено, что он отправился в офис, чтобы возвратить на место завещание, которое Эвридика Спрагг вытащила из голубого конверта. Но теперь, когда мы знаем разгадку и знаем, что миссис Спрагг не забирала завещание из конверта, это предположение отпадает, а никакого другого рационального мотива, объясняющего внезапное посещение адвоката мистером Спраггом, из текста рассказа вычитать не удаётся.

Ясно, что в реальной жизни люди совершают множество поступков, которые они сами затруднились бы объяснить рациональными причинами. Они могут действовать так из прихоти, каприза, по глупости, от нечего делать или поддаваясь влиянию каких-либо неосознаваемых внутренних импульсов, и поэтому мы во многих случаях не можем

понять мотивов поведения окружающих нас людей. Но, включая такие эпизоды в ткань художественного произведения, автор должен дать им некое эстетическое обоснование, придать им смысл и значение элементов художественного целого. Они должны играть какую-то, пусть небольшую, но необходимую роль в общей конструкции произведения. В противном случае они становятся инородными телами, случайно вклинившимися в художественную ткань и разрушающими её целостность и завершённость. В детективе, где связь элементов художественной конструкции в значительной мере основывается на логике явно выраженных причин и следствий, а тем более в коротеньком детективном рассказе, конструкция которого не предполагает никаких сюжетных отступлений, отрицательное влияние таких излишних, не имеющих никакой сюжетной функции эпизодов на общее эстетическое впечатление от рассказа проявляется особенно сильно.

Аналогичным образом можно оценить и тот, непонятно зачем введённый в текст рассказа эпизод, в котором Эмма Гонт подаёт мистеру Петерику выпавший из его кармана конверт с завещанием. Правда, это событие даёт мистеру Петерику повод включить Эмму Гонт в число подозреваемых, имеющих мотив для похищения завещания (и, как мы потом узнаем, это подозрение не напрасно - горничная действительно оказывается соучастницей преступления). Но связь между описанным событием и павшим на Эмму Гонт подозрением имеет исключительно внешний характер. Вспомнив об Эмме Гонт, адвокат вспоминает также о том, что и она могла иметь мотив украсть завещание. Сам по себе этот эпизод никак не свидетельствует о наличии (или отсутствии) у горничной такого мотива, а с другой стороны, это маленькое происшествие, как сознаётся сам мистер Петерик, ничего не добавляет к имевшейся у Эммы Гонт возможности завладеть завещанием. Отсутствие этого эпизода в тексте рассказа ничего бы не изменило в нашем восприятии загадки и никак не повлияло бы на наше суждение о героях рассказа.

Вообще, наличие в рассказе этого персонажа, Эммы Гонт, и её роль в сюжете, роль многолетней преданной слуги, которая настолько близко к сердцу принимает интересы хозяев, что готова пойти ради них на преступление, вносят значительный вклад в то ощущение вычурности и одновременно невнятности, скомканности, логической нестройности сюжетной загадки, которое создаётся после прочтения рассказа. Сюжет строится на том, что Эмма Гонт является соучастницей преступления, без неё Саймон Клоуд не получил бы в нужный момент ручку с симпатическими чернилами. Даже если предположить, что Филипп Гаррод говорил правду, и горничной было неизвестно, в чём именно заключается фокус с авторучкой, всё же она должна была понимать, что речь идёт о попытке воспрепятствовать явно выраженной воле мистера Клоуда оставить своё состояние Эвридике Спрагг и, таким образом, об уголовном преступлении. Тем более, что после того, как обнаружилась бы пропажа завещания, её любые сомнения по этому поводу должны были превратиться в уверенность. Следовательно, независимо от того, понимала ли Эмма Гонт до конца сущность запланированного трюка, её согласие следовать полученным инструкциям и в ещё большей мере её последующее молчание основывались на её готовности рискнуть своим добрым именем и благополучием ради благополучия своих молодых хозяев. Следовательно, Филипп Гаррод мог довериться горничной и положиться на точное выполнение данных ей указаний только в том случае, если он был полностью уверен в абсолютной преданности Эммы Гонт хозяевам и её решимости преступить закон, если это понадобится для их счастья. Но наличие у Филиппа Гаррода такой уверенности делает все его дальнейшие экзерсисы с авторучкой глупыми и смешными. С этой точки зрения, поведение “молодого, но уже подающего большие надежды химика” напоминает игру в приключения Тома Сойера, который роет подземный ход в сарайчик, где сидит взаперти сбежавший от хозяйки негр Джим, и передает узнику запечённую в пироге веревочную лестницу, хотя в любое время может зайти в этот сарайчик через дверь и, более того, знает, что освободить Джима вообще не нужно - он

уже отпущен хозяйкой на свободу. Как уже говорилось, у Эммы Гонт были все возможности забрать завещание из конверта, подменив его чистым листом бумаги. Если предполагать у неё наличие мотива и решимость пойти на преступление, не нужны никакие симпатические чернила. Достаточно, чтобы Мэри и Джордж отвлекли адвоката от конверта с завещанием, как это и произошло на самом деле, а Эмма Гонт завершила операцию, изъяв завещание. Именно поэтому вопрос о возможностях, имевшихся у Эммы Гонт, выпал, по воле Агаты Кристи, из обсуждения загадки членами клуба. Такое простое решение проблемы просто разрушило бы загадку, ведь она строилась на том, что только два человека из присутствовавших в доме - Джордж и Мэри - имели мотив, а другие два - миссис и мистер Спраг - имели возможность. Наличие ещё одного персонажа, у которого были и мотив, и возможность, делает решение задачи настолько тривиальным, что она теряет право называться загадкой, а рассказ теряет право на существование в качестве детектива.

Вышеперечисленных логических неувязок и сюжетных несообразностей, остающихся при обычном чтении за пределами нашего сознательного внимания, но, безусловно, влияющих на нашу оценку рассказа, вполне достаточно, чтобы объяснить то разочарование, которое возникает у читателя, когда он понимает, в чём заключался ответ на предложенную ему загадку. И все же я считаю, что главная причина такого неблагоприятного читательского суждения о рассказе лежит, если так можно выразиться, в этической плоскости.

Сама по себе конструкция детектива не опирается на положения этики, детектив как жанр не берёт на себя каких-то определённых моральных обязательств и его законы не требуют неперемennого торжества сил добра в финале. Исходя из общетеоретических представлений, вполне можно представить себе существование аморального, но не нарушающего законы жанра детективного произведения, где сочувствие автора оказывается на стороне героев, которые по общепринятым меркам должны быть признаны злодеями. И тем не менее подавляющее большинство классических детективов кончается разоблачением преступников, снятием необоснованных подозрений с честных людей и восстановлением попорченной справедливости, то есть тем, что порок получает по заслугам, а добродетель торжествует. Традиционность такого детективного сюжета связана, главным образом, с тем, что стандартная детективная загадка - это загадка преступления, и, следовательно, разгадка неминуемо ведёт к разоблачению преступника и, как правило, к его наказанию, что соответствует требованиям нашего морального чувства. Достаточно часто сюжет детектива строится на том, что стечение обстоятельств или прямой замысел преступника навлекают подозрения на невинного человека, и тогда раскрывающий истину сыщик должен спасти честь, а может, и жизнь этого человека, что также ведёт к восстановлению справедливости. Детективный сюжет не может закончиться тем, что честный человек садится на много лет в тюрьму за несовершенное им преступление, а жестокий злодей радостно потирает руки и продолжает пользоваться плодами своих противозаконных действий. Такой конец возможен в любом реалистическом, романтическом или фантастическом рассказе, но вряд ли он годится для детектива. И понятно, что дело здесь не в большем по сравнению с другими жанрами моральном ригоризме детектива, а в его конструктивных особенностях. Ведь такая развязка в детективе значила бы, что загадка осталась неразгаданной. Сама структура детектива предрасполагает к тому, что несмотря ни на какие сюжетные перипетии преступник, в конечном итоге, проигрывает, а победа остаётся за сыщиком, выступающим на стороне закона и порядка. И, что очень важно для нашего рассуждения, читатель детективов знаком с этой традиционной сюжетной схемой и при чтении всякого нового литературного произведения, рассматриваемого им как детектив, учитывает её в своих ожиданиях. Поэтому, хотя законы построения детектива и не запрещают прямо торжества

преступников, всё же такой поворот сюжета требует каких-то обоснований в тексте; читатель должен быть формально предупреждён о возможности такой развязки, иначе он будет чувствовать себя обманутым.

Именно этот случай мы и имеем в рассказе “Мотив против возможности”. Это рассказ об удавшемся преступлении, причем разгадка - разоблачение преступников - не сопровождается в рассказе их заслуженным наказанием или хотя бы моральным осуждением. Более того, главный виновник исчезновения завещания, Филипп Гаррод, судя по его признанию адвокату, не чувствует за собой большой вины и не боится разоблачения. Он считает, что был лишь не слишком щепетилен в выборе методов, но цель у него была благая, и, добившись её, он может даже гордиться своей ловкостью и изобретательностью. Надо сказать, что его уверенность в безнаказанности (наивная, с внешней, незаинтересованной точки зрения) в тексте рассказа вполне оправдывается: адвокат Петерик, посвятивший всю свою жизнь служению закону, не роняет ни единого слова, осуждающего поступок Гаррода; он, как можно предположить, тоже доволен тем, как ловко лишили его клиента права распоряжаться собственным имуществом, заодно надув и заслуженного юриста. Никакого удивления по поводу моральной позиции Филиппа Гаррода и прочих лиц, выигравших от того, что завещание старика обманным путем было аннулировано, не высказывают и члены клуба, выслушавшие эту историю. Всё происходит так, как если бы никакого нарушения моральных норм не произошло. Хорошие люди, придумав остроумный трюк, не дали крупному состоянию уйти в руки плохих людей, за что и были вознаграждены, поделив между собой это самое состояние. Но если посмотреть на вещи непредвзято, то ясно, что речь идёт о тяжком уголовном преступлении. Тот факт, что Филипп Гаррод и его соучастники - самые настоящие преступники, в рассказе несколько затушевывается тем обстоятельством, что моральный облик противостоящей им стороны - миссис Спрагг и её мужа - также выглядит далеко не безупречно. В изложении мистера Петерика всё выглядит так, что нельзя не подозревать в миссис Спрагг обыкновенную мошенницу, с корыстной целью беззастенчиво играющую на лучших чувствах Саймона Клоуда. Если основываться на том, что мы узнали о ней из рассказа, так оно скорее всего и есть. Но даже в этом случае сюжет рассказа сводится к истории о том, как вор у вора дубинку украл. Можно сказать, что шайке прохвостов, которые всё же “чтут уголовный кодекс” и боятся возмездия закона, а потому действуют в основном убеждением, привлекая на помощь голоса из потустороннего мира (их ведь к делу не подошьёшь), в рассказе противостоит другая компания мошенников, которые ничего не боятся и добиваются своей цели прямой подделкой юридического документа.

Но не исключено и другое толкование этой ситуации. Если в мошенничестве Гаррода нельзя сомневаться, не поставив под сомнение истинности всей рассказанной адвокатом истории, то с мошенничеством миссис Спрагг дело обстоит не так просто. Собственно говоря, какие приведённые в рассказе факты неоспоримо свидетельствуют о том, что эта женщина - мошенница? Таких фактов нет. Всё, что говорит о ней мистер Петерик, указывает лишь на то, что миссис Спрагг адвокату не понравилась. Да, она - иностранка (что само по себе, как неоднократно писала Агата Кристи, лишает человека всякого доверия со стороны коренных англичан), её манеры оставляют желать лучшего, она крикливо и вызывающе одета, она использует в речи слащавые, умильные выражения, коробящие слух мистера Петерика, у её мужа “глазки бегают”, но всё это нельзя рассматривать в качестве хотя бы косвенных доказательств её мошенничества. Даже специалист по вопросам спиритизма не обнаружил фактов, которые подтверждали бы осознанный обман с её стороны. А что касается её манер и внешнего вида, то Саймон Клоуд, общавшийся с этой женщиной несравненно чаще и ближе, чем адвокат, был совершенно другого мнения о её внутренних достоинствах и не сомневался в её искренности. Почему же мы должны довериться мнению мистера Петерика и

игнорировать мнение другого умудрённого жизнью джентльмена? Исходя из презумпции невинности, мы должны принять как возможность, что миссис Спрагг была вполне порядочной, внутренне честной женщиной и сама, как и многие миллионы других участников спиритических сеансов, искренне верила в своё общение с духами. При этом она действительно стремилась помочь страдающему старику и действительно приносила ему утешение, хотя бы и основанное на иллюзии. Саймон Клоуд имел полное юридическое и моральное право отблагодарить её за это утешение так, как он считал это нужным, и, следовательно, миссис Спрагг по праву должна была стать владелицей крупного состояния, которого была лишена обманном путем. При таком раскладе действия Филиппа Гаррода с компанией лишаются всякого морального оправдания.

Независимо от того, была ли миссис Спрагг мошенницей или же Саймон Клоуд был прав, считая её честнейшей из женщин, открытие того, что наследники мистера Клоуда оказываются замешанными в уголовную историю, производит разочаровывающее впечатление на читателя рассказа. И опять же дело здесь не в какой-то особенной моральной чувствительности поклонников детективного жанра, ведь это те же самые люди, которые в другое время восхищаются веселым жуликом Остапом Бендером и изобретательным мошенничеством героев О'Генри. Жуликоватость этих героев не портит испытываемого при чтении удовольствия даже тем, кто в реальной жизни терпеть не может мошенников и не склонен любоваться их проделками. Почему же в детективе, сам жанр которого, казалось бы, должен приучить читателей снисходительно относиться к преступлениям морали и права, ведь в этом жанре они чаще всего не воспринимаются буквально и выступают лишь в качестве элементов литературной игры, мошенничество героев вызывает столь резкую и нетерпимую реакцию читателей? Потому что здесь этическое отношение к героям непосредственно связано с эстетическим восприятием сюжетной конструкции произведения, и реакция читателей возникает в ответ на разрушение ожидаемой эстетической гармонии. В рассматриваемом нами случае читатели реагируют на то, что автор не выполняет условий "честной игры" и в своей разгадке несколько "передергивает", давши ответ на не совсем ту задачу, условия которой были известны читателю.

Всё очарование загадки строилось на том, что те, кто стремился предотвратить появление завещания в пользу Эвридики Спрагг, не имели возможности добиться своей цели. Испытав все доступные им способы воздействовать на решение старика, они лишь ухудшили положение и были вынуждены смириться с тем, что наглая и бессовестная мошенница восторжествует, получив то, на что не имеет никакого права. В аналогичном положении оказался и адвокат Петерик, исчерпав все разумные доводы и закулисные маневры, не выходящие за пределы того, что может себе позволить порядочный человек, он должен был юридически оформлять законность документа, который сам же считал результатом злостного обмана со стороны миссис Спрагг. Короче говоря, добродетельные законопослушные граждане потерпели полное поражение в борьбе с теми, для кого моральные преграды не играют в жизни никакой существенной роли. Читатель легко представляет себе их досаду и чувство беспомощного унижения, которые должны были усугублять их горечь по поводу утраты своих прав на наследство. Вряд ли они были бы сильно огорчены, если бы внучка старика Клоуда осталась живой и ей досталось бы всё его состояние, это было бы естественно и нормально. Но отдать богатство в руки гнусных мелких мошенников, которых не следовало бы пускать и на порог их порядочного дома, было для них особенно обидно. Неспособность наследников Саймона Клоуда и сочувствующих им лиц справиться с влиянием миссис Спрагг, их слабость в борьбе с пороком не в последнюю очередь обусловлены именно их порядочностью: миссис Спрагг могла лгать и притворяться, втираясь в доверие к старику Клоуду, а они не могли воспользоваться ложью, клеветой и другими аморальными приемами, что резко

ограничивало их возможности. Именно в этом надо видеть основную причину того, почему они не могли похитить завещание. Для них это было не только технически неосуществимо, но и морально неприемлемо. И вот, в то время, когда поражение добродетели уже свершилось и никаких сомнений в этом быть не может, происходит чудо: злополучное завещание само собой исчезает, злодеи остаются ни с чем, а благородные герои могут праздновать неожиданную для них победу над злом. Правда, радость торжества несколько омрачается тем, что на них теперь падает подозрение: ведь именно они выиграли от исчезновения завещания. И сложились обстоятельства несколько иначе, опровергнуть эти подозрения было бы невозможно, особенно, если учесть, что подозреваемых было несколько человек. Всю оставшуюся жизнь их мучила бы мысль, что богатство досталось им несправедливым путем и что один из них - любимый брат или сестра - вор. К счастью, ситуация сложилась так, что похитить завещание оказалось для них физически невозможно, и поэтому подозрения в отношении них следует признать беспочвенными. Однако, нельзя обвинить в исчезновении завещания и никого другого. Остается красивая и совершенно необъяснимая загадка: каким образом могло исчезнуть завещание, если никто из тех, кто был к нему как-то причастен, не могли приложить к этому руки - одни по причине отсутствия у них мотива, другие по причине отсутствия у них возможности?

Так или приблизительно так воспринимает представленную ему в рассказе картинку читатель. Это оригинальный вариант хорошо знакомой каждому любителю детективов традиционной сюжетной схемы: совершается преступление, подозрение падает на невинного человека, которому грозит осуждение, на его счастье фактические данные складываются в противоречивую картину, которая не позволяет без сомнений утвердиться в виновности подозреваемого и в то же время не даёт возможности найти истинного виновника. Читатель несколько не сомневается, что разрешение загадки снимет все подозрения с невинного и обличит преступника. В рассказе “Мотив против возможности” эта стандартная схема усложняется тем, что преступник, кто бы он ни был, ничего не выиграл, похитив документ, поскольку заранее известно, что в выигрыше оказались те, кто не брал завещания. Такая формулировка придаёт загадке вид принципиально неразрешимой проблемы и тем самым делает её исключительно интересной. Рассказав свою историю именно так, а не иначе, Агата Кристи должна была считаться с легко вычислимыми ожиданиями читателей. Однако в финале рассказа, воспользовавшись тем, что формально невинность наследников прямо не утверждалась, а читательская уверенность в этом достигалась косвенным образом (через явно не выраженную в тексте отсылку к традиционной детективной схеме сюжета), она совершает подмену в условиях задачи, сводя её к вполне разрешимой, но гораздо менее интересной проблеме технического характера: как уничтожить завещание незаметно от мистера Петерика. Предположим, что писательница решила бы придерживаться правил “честной игры” с читателем и ввела бы в текст рассказа какое-то предупреждение, разрушающее неоправданные читательские ожидания: например, описала бы, как Джордж и Филипп Гаррод пытаются придумать способ уничтожения завещания. Ясно, что в таком случае читатель не испытал бы разочарования после знакомства с разгадкой, но только потому, что загадка заранее была бы воспринята им как примитивная и скучная. На деле же повторяется, можно сказать, ситуация, описанная в рассказе: захватывающая дух загадка легким незаметным движением пера превращается, если не в чистый лист бумаги, то в другой намного более прозаический и неинтересный текст. Эту-то подмену и регистрирует эстетическое чувство читателя, даже если он до конца и не понимает, каким образом шарик перескочил из-под одного напёрстка под другой.

Здесь можно подвести предварительный итог. Если непосредственные впечатления от чтения нас не обманывают и наш анализ текста достаточно корректен, мы вынуждены

констатировать, что в рассказе “Мотив против возможности” Агате Кристи не удалось сконструировать хорошую загадку и это привело к нелогичным и неубедительным сюжетным решениям. Рассказ приходится признать, как говорил Зощенко, “маловысокохудожественным”.

Но признав этот факт, я должен объяснить, почему, заводя разговор о загадке Агаты Кристи, я выбрал именно этот рассказ. Как выяснилось, изложенную в нём загадку нельзя отнести к достижениям писательницы, но, с другой стороны, в её занимающем целую полку собрании сочинений можно найти множество произведений, где качество загадок не вытягивает даже на тот посредственный уровень, который мы видим в рассматриваемом рассказе. Общеизвестно, что не так уж редко сюжеты Агаты Кристи прямо нарушают писанные и неписанные “законы детективного жанра”, или страдают явной нелогичностью, бессвязностью, компенсируя отсутствие логики нагнетанием мелодраматических эффектов, причем среди таких “неправильных детективов” есть и произведения, пользующиеся наибольшей популярностью среди широкой публики. При желании можно найти в этом собрании сочинений и образцы самой обыкновенной литературной халтуры. Несомненно, мировая слава Агаты Кристи и её титул “королевы детектива” вполне заслуженны, она была гением изобретательности в области детектива и далеко опережала в этом отношении всех своих, даже самых талантливых собратьев по цеху. Но она писала очень много, и неизбежно количество время от времени переходило в качество. Так что, если механически сложить все именуемые детективами произведения Агаты Кристи и высчитать некий средний уровень качества детективного сюжета, то рассказ “Мотив против возможности” займет, по-видимому, место, близкое к этой воображаемой средней величине. Рассматриваемый в том виде, в котором мы его читаем, рассказ нельзя отнести к числу тех шедевров, которые создали писательнице репутацию мастера детективных загадок, но его нельзя считать и беспомощной халтурой; он профессионально построен, но неинтересен. И всё же в этом рассказе есть нечто, отличающее его от великого множества других детективов, прочитав которые на сон грядущий, вряд ли можно вспомнить их сюжет на следующее утро. Как я постараюсь показать далее, это рассказ с двойным дном. Именно это привлекает к нему внимание.

У Агаты Кристи есть небольшой рассказ, в котором дама из высшего общества просит Эркюля Пуаро отыскать в доме одного шантажиста тайник, где спрятано компрометирующее эту даму письмо. Тщательно обыскав дом, Пуаро находит в кухне обыкновенное с виду, но выдолбленное изнутри полено, в котором обнаруживается шкатулка с искомым письмом. Казалось бы, задача, образующая сюжет рассказа, разрешена, но это лишь ложная концовка. Зацепившись за некоторые мелкие подробности, не вяжущиеся с рассказанной дамой жалостливой историей о шантажисте и о вызывающей сочувствие читателя его жертве, Пуаро не останавливается на выполнении того, что ему поручено, и выявляет истинную подоплёку данного ему задания. Тайник в полене, оказывается, имеет двойное дно, и в потайном отделении шкатулки спрятаны драгоценные камни, ради которых, собственно, и создан тайник, а пресловутое “письмо интимного характера” всего лишь фальшивка, которая должна замаскировать истинное содержимое тайника. Какое-то подобие такого “двойного тайника” представляет собой и сюжет рассказа “Мотив против возможности”: загадка завещания мистера Клоуда разрешается двояким образом, и тот вариант решения, который открыто предлагается читателю, играет роль фальшивого дна, внушающего мысль о том, что мы уже якобы достигли самой глубины и выяснили, как объясняется история с завещанием, но на деле скрывающего истинную тайну рассказа.

Взглянув на историю с завещанием под этим углом зрения, можно сказать, что прочитав рассказ и познакомившись с разгадкой № 1, читатель оказывается в положении Пуаро, обнаружившего письмо. В этот момент можно удовлетвориться достигнутым и

остаться с тем решением, которое досталось нам без особенных усилий (оно не результат наших собственных размышлений над загадкой, а подано нам автором “на блюдечке с голубой каемочкой”), но можно последовать примеру великого сыщика и скептически отнестись к открывшемуся нам секрету. Как и у Пуаро, у читателя есть для этого основания: ценность скрытого в рассказе секрета (удовольствие от решения загадки) оказывается несоответствующей читательским ожиданиям - в хитроумно устроенном тайнике мы обнаруживаем вещь, которую не стоило так тщательно прятать. Об этом нам сигнализирует эстетическое чувство, и верность интуитивной оценки подтверждается детальным анализом сюжета. Предположим, что загадка, изложенная в первой части рассказа и возбудившая наш читательский интерес, имеет адекватное решение (разгадку № 2), которое могло бы удовлетворить наши эстетические предчувствия и попробуем самостоятельно найти это решение. Будем считать, что Агата Кристи утаила от нас более ценный в эстетическом отношении вариант разгадки, но дала нам некоторый вспомогательный намёк, указав направление, на котором нам следует сосредоточить поиски истины. Таким намёком может быть притча, рассказанная мисс Марпл.

Если следовать смыслу этого намёка, для отыскания ключа к разгадке необходимо выйти из того круга подозреваемых (или их роли в рассказанной истории), который очертил в своем резюме мистер Петерик, и посмотреть на ситуацию с какой-то более широкой точки зрения. Мы знаем, что использованное адвокатом разделение персонажей, имевших отношение к завещанию, на двоих (или троих), которые были заинтересованы в исчезновении документа, и двоих, которые могли изъять его из конверта, заводит рассуждение в тупик. В разгадке № 1 выход из этого тупика обеспечивался тем, что исчезновение завещания было истолковано не как его изъятие каким-то физическим лицом, а как его “самопроизвольное” исчезновение в результате использования симпатических чернил. Если мы отвергаем эту разгадку как неудовлетворительную, то такой выход для нас исключается - мы должны полагать, что кто-то, действительно, забрал завещание из конверта адвоката и заменил его чистым листом бумаги. Попытки вычислить этого “кого-то”, анализируя возможности, имевшиеся у персонажей рассказа для осуществления данного действия, вряд ли могут привести нас к цели. Загадка остаётся интересной только до тех пор, пока постулируется невозможность похищения документа теми, кто имущественно (наследники и Филипп Гаррод) или эмоционально (мистер Петерик и Эмма Гонт) заинтересован в его исчезновении. Поскольку обосновать это положение физической невозможностью похищения заинтересованными лицами завещания не удаётся (этого нельзя, например, утверждать в отношении мистера Петерика, а попытка утверждать это в отношении Эммы Гонт приводит, как мы видели, к логическим несообразностям), то данный постулат зиждется на нравственной неприемлемости такого поступка для указанных действующих лиц. Правда, среди персонажей рассказа есть и такие, которых мы заранее подозреваем в моральной нечистоплотности, но это как раз те люди, которые не заинтересованы в исчезновении завещания. Все остальные персонажи - порядочные люди и не могли похитить завещание, так как это означало бы попрание последней воли Саймона Клоуда и нарушение закона. Предположение, что завещание украл кто-то со стороны, то есть лицо, не упоминающееся в рассказе, было бы просто издевательством над здравым смыслом и не вписывается ни в какую литературную конструкцию. Таким образом, анализ “возможности” ничего нам не даёт, и мы возвращаемся к исходному утверждению, формулирующему суть загадки: те, кто мог, были не заинтересованы, а те, кто был заинтересован, не могли.

Рассмотрим теперь ситуацию с точки зрения мотивов поведения действующих лиц. Будем считать, что тот, кто забрал завещание из конверта, действовал вполне осознанно и преследовал при этом какую-то, вытекающую из его интересов цель (материал рассказа не даёт нам никакой возможности объяснить поступок персонажа воздействием гипноза,

настойки опия, как в “Лунном камне”, или временным умопомешательством). Мотивы поведения миссис Спрагг и её мужа настолько очевидны, что мы можем смело исключить этих лиц из числа подозреваемых. Даже если у них существовала какая-то дополнительная потребность в изъятии завещания, она не могла перевесить их основной мотив, требующий, чтобы завещание осталось на месте. У племянника и племянниц, а также у Филиппа Гаррода, мистера Петерика и Эммы Гонт, формально говоря, были мотивы, по которым завещание могло быть изъято из конверта, то есть исчезновение завещания совпадало с их интересами. Но действительного мотива, мотива, непосредственно ведущего к поступку, у них быть не могло, так как эта форма исполнения их желаний - похищение завещания - была для них неприемлема по моральным соображениям. И это, ещё раз подчеркну, условие разгадываемой нами загадки. Пренебрежение этим условием ведёт к тому, что загадка становится плоской и неинтересной (как мы уже убедились на примере разгадки № 1). Из наших рассуждений вытекает, что обе партии персонажей, между которыми идет противоборство в рассказе, должны быть исключены из числа подозреваемых в похищении, так как все они не имеют реального мотива для такого поступка. Похитителя надо искать за пределами этого круга лиц. К счастью, число персонажей в рассказанной адвокатом истории невелико, и нам остается рассмотреть возможные мотивы двух человек: Саймона Клоуда и кухарки Луси Дейвид. Про кухарку в тексте сказано только, что это “пышущая здоровьем особа тридцати лет”, и, следовательно, мы не можем приписать ей никакого связанного с завещанием мотива - это было бы чистой выдумкой с нашей стороны. Другое дело Саймон Клоуд - он описан достаточно подробно, и, основываясь на этом описании, мы вполне можем проанализировать возможные мотивы его поведения.

Дни Саймона Клоуда сочтены, он знает об этом, и поэтому у него не может быть каких-то сугубо личных интересов в этой жизни, все мотивы его поведения связаны с интересами других лиц, которые он хотел бы обеспечить, пока имеет такую возможность. Одно его желание очевидно и явно выражено: он хочет вознаградить миссис Спрагг за ту бескорыстную помощь и утешение, которые получил от “медиума” в тяжкую пору своей жизни. При этом он не хочет обижать племянника и племянниц и оставляет им в своем завещании вполне приличные суммы, достаточные для безбедного существования, - так он выполняет свой долг по отношению к родственникам. Оставшейся же частью своего состояния, свободной от моральных обязательств, он вправе распорядиться как ему угодно, и он избирает миссис Спрагг в качестве своей основной наследницы. Именно это решение, отдающее большую сумму денег в руки недостойного, по мнению окружающих, человека, и вызывает конфликт между Саймоном Клоудом и другими персонажами рассказа. Родственники и друзья не одобряют выбор старика и всячески пытаются заставить его изменить свое решение. Мистер Клоуд остаётся непреклонным, он считает свой выбор правильным и справедливым и составляет в соответствии с этим новое завещание, но неодобрение близких, обусловленное, по его мнению, их предубеждением против миссис Спрагг и непониманием её истинного морального облика, не может не беспокоить умирающего. Он хотел бы, чтобы окружающие признали его не только юридическое, но и моральное право сделать эту женщину своей наследницей, а не считали бы его впадшим в наивную доверчивость стариком, который позволил нахальной мошеннице обвести себя вокруг пальца. И здесь мы можем вполне естественно и обоснованно предположить наличие у Саймона Клоуда еще одного дополнительного мотива, связанного с оставляемым им завещанием. Он хочет, чтобы получение наследства стало не только материальным вознаграждением миссис Спрагг, но и послужило причиной её морального триумфа. Он изобретает простой, но остроумный и эффективный, с его точки зрения, план для достижения этой цели. Согласно этому плану, завещание, содержание которого будет известно адвокату и которое будет составлено в

присутствии свидетелей, должно затем таинственным образом исчезнуть из адвокатского сейфа, подменённое чистым листом бумаги. Само завещание, изъятое незаметно для мистера Петерика, должно храниться в каком-то надёжном месте, известном только самому мистеру Клоуду и его доверенному лицу. (Саймон Клоуд должен довериться кому-то из домашних, поскольку сам он не в состоянии сдать завещание на ответственное хранение, и, вероятнее всего, роль такого доверенного лица выполняет Эмма Гонт). После того, как он умрёт и обнаружится пропажа завещания, рассуждает мистер Клоуд, события могут разворачиваться только по одному сценарию: обескураженная миссис Спрагг свяжется с потусторонним миром и вызовет Саймона Клоуда, чтобы выяснить, что же всё это значит. И вот тут-то, будучи уже бесплотным духом, он расскажет ей о своей маленькой хитрости и разъяснит, где и как она может получить законное завещание. При этом сценарии само появление завещания неопровержимо докажет, что миссис Спрагг действительно способна вступать в общение с душами умерших, и снимет с неё все подозрения в мошенничестве. Окружающие должны будут признать, что мистер Клоуд был прав, поверив миссис Спрагг, и согласиться с его последней волей.

Так Саймон Клоуд представлял себе будущие события, но в жизни сложилось иначе: миссис Спрагг оказалась всё же банальной обманщицей и, конечно, не могла ничего узнать о судьбе пропавшего завещания. Можно сказать, что посмертная проверка, устроенная ей Саймоном Клоудом, окончательно её разоблачила. Мы не можем обоснованно решить вопрос о том, считался ли мистер Клоуд в своём плане с такой возможностью, - мне кажется, что правдоподобнее предполагать его полную уверенность в способностях и честности миссис Спрагг. Однако, стремясь убедить в этом всех сомневающихся, Клоуд построил безупречный план эксперимента и фактически поставил получение наследства миссис Спрагг в зависимость от результатов этой проверки. По плану мистера Клоуда торжество миссис Спрагг должно было стать и разъяснением тайны исчезнувшего завещания. Но, так как это торжество не состоялось, загадка осталась неразгаданной. И хотя в материальном плане всё произошло в соответствии с ожиданиями читателя, прозорливость которого объясняется его знакомством с классической детективной схемой, и приз (наследство) достался честным героям рассказа, а мошенники понесли сокрушительное поражение, до выяснения разгадки “таинственного исчезновения завещания старика Клоуда” мы не можем говорить о полном торжестве справедливости: мошенничество миссис Спрагг не доказано, а те, кого мы считаем честными людьми, остаются под подозрением. Только разгадка, как и требует традиционная сюжетная схема, может снять все сомнения в этих вопросах, одновременно принося читателю и эстетическое, и моральное удовлетворение.

Такова разгадка № 2 в рассказе “Мотив против возможности”. Её существование (хотя бы и скрытое) позволяет отнести загадку этого рассказа к числу наилучших загадок в наследии Агаты Кристи. Разрешение данного в ней противоречия, которое на первый взгляд кажется совершенно неразрешимым, сочетает в себе очевидную простоту и полную неожиданность, а именно это сочетание и гарантирует высшее эстетическое удовлетворение читателя. Мнимая неразрешимость загадки строится на том, что рядовой читатель, как бы он не относился к различным “загадочным явлениям в мире психики”, в своей повседневной жизни, а, следовательно, и в своих рассуждениях фактически не считается с возможностью общения с душами усопших; он либо вообще отвергает такую возможность, либо теоретически признает возможность таких явлений, но рассматривает их как особую сферу реальности, как нечто таинственное, чудесное, паранормальное. Можно сказать, что читатели детективов в массе своей стихийные материалисты: трансляция футбольного матча по телевидению для них обыденное явление, а общение с духом Наполеона - чудесное, хотя большинство телезрителей представляет себе устройство телевизора так же туманно, как и способ существования душ в загробном

мире. Благодаря этому спиритические сеансы находятся для нас в одной плоскости, а обыденная жизнь - в другой, и эти плоскости практически не пересекаются в нашем сознании. Пока такого пересечения не происходит, загадка остается для нас неразрешимой. Но достаточно стать на точку зрения человека, который не только теоретически “верит” в спиритизм, но и фактически исходит из этой веры в своих поступках, как все события легко укладываются в осмысленную картину, и у читателя, только что недоумевавшего, как же такое может быть, появляется ощущение, что по-иному и быть не могло, настолько естественно ход событий вытекает из характера и мотивов главного действующего лица услышанной нами истории. Отсюда впечатление художественной завершенности, гармоничности и элегантности загадки, на которой построен сюжет рассказа. Это одна из тех загадок, которые создали Агате Кристи репутацию непревзойдённого мастера детектива.

Отдав должное красоте и изяществу загадки, посмотрим теперь, как она соответствует тексту рассказа, действительно ли на этой загадке строится сконструированный Агатой Кристи сюжет. Для начала посмотрим, имелась ли у мистера Клоуда возможность подменить завещание листом бумаги. Весь сюжет рассказа, начиная с его названия, подчеркивает тот очевидный и учитываемый в юриспруденции факт, что обвиняемый в чём-либо человек (в рассказе - “похититель” завещания) должен иметь как мотив для совершения инкриминируемого ему поступка, так и возможность его осуществления. Убедительный мотив у старого Клоуда мы обнаружили, но как обстоит дело с возможностью? Текст рассказа даёт ему такую возможность, но предполагает, что и здесь он действовал чужими руками - руками Эммы Гонт. Говоря о плане мистера Клоуда, мы уже предположили, что его доверенным лицом должна была стать преданная ему служанка, но она же должна была и вытащить завещание из конверта. Со слов мистера Петерика мы знаем, что сразу же после того, как адвокат спрятал подписанное завещание в голубой конверт, а конверт положил в карман пальто, Саймону Клоуду внезапно стало плохо (“...Клоуд с перекошенным от удушья лицом рухнул на подушки. Я в испуге отшатнулся, а Эмма Гонт, не раздумывая, бросилась к кровати”). В свете того, как мы представляем себе план мистера Клоуда, можно не сомневаться, что этот кратковременный “приступ удушья” был задуман заранее и разыгран с одной вполне понятной целью - отвлечь внимание адвоката от действий Эммы Гонт, которая, находясь в сговоре со стариком и следуя его указаниям (это очень важно, так как, похищая документ по указанию самого автора завещания, горничная не преступает никаких моральных и юридических норм и не должна чувствовать за собой никакой вины), вытащила у адвоката конверт, заменила завещание листом бумаги и бросила конверт на пол, после чего обратила на него внимание мистера Петерика, не усомнившегося в том, что он сам нечаянно выронил конверт. Вся эта сценка, как уже говорилось, оказывается совершенно излишней в сюжете, который завершается разгадкой № 1, но является одним из ключевых моментов в той загадке, которая имеет разгадку № 2.

Практически то же самое можно сказать и об эпизоде появления мистера Спрагга в офисе адвоката. Исходя из разгадки № 1, ему, как мы выяснили, совершенно незачем было туда идти, более того, этот персонаж вовсе не имел оснований появляться на сцене - в данном сюжете для него не предусматривалось никакой роли. Совершенно иначе обстоит дело в сюжете, завершающемся разгадкой № 2. Согласно этой разгадке, к тому моменту, когда миссис Спрагг получила возможность ознакомиться с содержимым голубого конверта, в нем уже находился чистый лист бумаги. И это, кстати, объясняет реакцию “медиума”, которую нельзя описать иначе, как растерянность и смущение. (Если придерживаться хода событий, вытекающего из разгадки № 1, то подобную реакцию трудно объяснить. Мистер Петерик, правда, считает, что её растерянность обусловлена неприличным положением, в котором оказалась миссис Спрагг, - её, можно сказать,

“застукали” в тот момент, когда она подглядывала в чужие документы. Но это, годящееся для большинства приличных людей объяснение противоречит тому психологическому портрету, который дан миссис Спрагг в рассказе. Она обрисована как наглая, беззастенчивая женщина, которую трудно чем-либо смутить и которая идёт к своей неблагоприятной цели, не обращая внимания на мнение окружающих. Почему она должна смущаться, обнаружив в конверте завещание в свою пользу, ведь она добилась того, ради чего она лгала, лицемерила, терпеливо сносила презрение окружающих, боясь, что старик не решится пойти наперекор мнению родных и знакомых. Но теперь настал момент её торжества. Можно даже особенно не стараться, разыгрывая роль бескорыстной добродетельной женщины, сейчас это уже не столь важно. Чтобы о ней не думали адвокат и Мэри с Джорджем, это уже ничего не изменит. Дело сделано, и наследница старика она, а не те, кто её презирает. В такой ситуации мы скорее можем ожидать от миссис Спрагг выражения радости и торжества над своими соперниками, нежели растерянности и смущения.) Не понимая, что, собственно говоря, произошло и почему на месте предполагаемого завещания оказался чистый лист бумаги, миссис Спрагг делится своим открытием с ожидающим новостей мужем и, явно, наталкивается на его недоумение и недоверие: что значит “чистый лист бумаги”? как это может быть? Стремясь получить хоть какую-нибудь дополнительную информацию о происшедшем, мистер Спрагг отправляется на разведку в контору адвоката, и здесь счастливый случай даёт ему возможность самому заглянуть в голубой конверт. Состояние Абсалома Спрагга в кабинете мистера Петерика выражает растерянность ещё больше, чем вышеописанное поведение его жены. Он не может придумать, что ему говорить и о чём спрашивать адвоката. Все его заранее заготовленные вопросы потеряли смысл - ведь он собственными глазами убедился в том, что в голубом конверте нет ничего кроме белого листа бумаги. Зная уже разгадку № 2, мы видим, что эта картинка хорошо вписывается в сюжет рассказанной нам истории, ярко и убедительно обрисовывая то положение, в котором оказались незадачливые мошенники.

Только в предположении, что сюжетная развязка строится на разгадке № 2, тема спиритизма оказывается не случайным элементом рассказа, а фундаментальной частью всей его конструкции. При разгадке № 1 способ, которым воспользовалась мошенница для того, чтобы очаровать старика Клоуда и втереться к нему в доверие, не играет особой роли в сюжете и спиритические сеансы можно было бы без всякого ущерба для композиции заменить фронтовым братством мистера Спрагга с погибшим сыном Саймона Клоуда или ещё чем-то подобным, но для разгадки № 2 миссис Спрагг может быть только “медиумом”, и ничто другое здесь не годится. Помимо этой, можно сказать, сюжетообразующей функции тема спиритизма используется Агатой Кристи ещё и для тонкой игры с читательскими ожиданиями. Чтобы разъяснить художественную сущность этой игры, позволю себе длинную цитату из другого варианта уже цитированной программной работы Л.А. Мазеля “Эстетика и анализ”:

“Все принципы художественного воздействия, приёмы выразительности так или иначе обращены к восприятию. Но некоторые из них особенно тесно связаны с самим его процессом, с его ходом. Речь идёт о следовании инерции восприятия и о её нарушениях. Действительно, по ходу восприятия произведения (прежде всего во временных искусствах) возникают осознанные или неосознанные ожидания тех или иных естественных продолжений. Если бы эти ожидания никогда не оправдывались (или даже не возникали), произведение не могло бы быть воспринято, осталось бы непонятным. Наоборот, если бы они всегда оправдывались, то есть если бы угадать продолжение было слишком легко, — произведение оказалось бы скучным, вялым, инертным (ещё Шуман иронизировал по поводу пьес, в которых, “едва мелодия началась, уже знаешь, как она кончится”). Владеть вниманием воспринимающего, держать его интерес в напряжении —

значит не только рассказывать ему о чём-то достойном этого интереса, но и соблюдать в самом построении рассказа соответствующие (и разные в разных условиях) пропорции между оправданием возникающих ожиданий (то есть следованием инерции восприятия) и их обманом (то есть нарушением инерции восприятия), активизирующим внимание воспринимающего и повышающим его интерес к произведению.

...Нарушения же инерции могут создавать новые ожидания, но, кроме того, они нередко компенсируются в дальнейшем: ожидавшееся, но не наступившее событие все же впоследствии в том или ином виде наступает, часто опять-таки неожиданно.

Долгожданное, оно оказывается узнаваемым и желанным даже при его сильной трансформации или замене чем-либо родственным. Таким образом, “долги” по отношению к восприятию обычно раньше или позже возвращаются, иногда ценой новых “займов”, причём, однако, к моменту завершения произведения “концы с концами” большей частью “сводятся”. Эта игра с восприятием, повышающая напряжение и интерес развития посредством разного рода оттяжек и обманов, выступает в некоторых случаях в обнажённой, открытой для самого воспринимающего форме (например, во многих скерцо, комедиях, детективных романах), но подспудно присутствует в произведениях любого жанра”.

Агата Кристи использует в рассказе этот, описанный Мазелем прием игры на инерции восприятия, и “Мотив против возможности” оказывается прекрасной иллюстрацией к вышеприведённой цитате из теоретического труда по эстетике. Исходное читательское ожидание, которым пользуется писательница, связано с тем, что во множестве уже знакомых читателю детективах центральная загадка строится на описании каких-то событий, которые невозможно воспринимать иначе как вмешательство в нашу жизнь чего-то мистического, чудесного, потустороннего, противоречащего известным законам природы, в то время как последующая разгадка даёт им вполне рациональное и реалистическое объяснение (классический пример - “Собака Баскервилей” Конан Дойла). Благодаря инерции восприятия начитанный любитель детективов, дойдя в рассказе до описания увлечения Саймона Клоуда спиритическими сеансами, подспудно ожидает, что и в этом рассказе сюжет сворачивает на разоблачение какого-то рационально не объяснимого феномена. Однако к моменту формулирования загадки он убеждается (опять же не обращая на это своего осознанного внимания) в том, что его ожидания не оправдались и что загадка оказалась не связанной со спиритизмом. Спиритизм воспринимается теперь как малозначающий элемент фона, на котором разыгрываются основные события рассказа. И это создаёт новую инерцию восприятия, которая, возникнув из контекста данного рассказа, вытесняет предыдущие ожидания, сформированные ещё до знакомства с этим рассказом в контексте всех ранее прочитанных детективов. Согласно такой новой инерции восприятия тема спиритизма отодвигается в тень и перестаёт занимать внимание читателя (что, кстати, делает его практически неспособным самостоятельно найти решение загадки). В разгадке № 2, требующей взгляда на события с точки зрения Саймона Клоуда и, следовательно, со “спиритической точки зрения”, эта инерция восприятия также нарушается, зато подтверждается прежний читательский взгляд на спиритические сеансы, как на элемент сюжета, тесно связанный с загадкой. Но в то же время форма связи между спиритизмом и загадкой оказывается совершенно непредсказуемой для читателя, можно сказать, что она прямо противоположна той, которую ожидал читатель в начале рассказа, впервые столкнувшись в тексте с темой спиритизма. Исходные читательские ожидания сбылись бы полностью, если бы иррациональный “спиритический” феномен, образующий загадку, нашел бы своё рациональное объяснение в разгадке, не имеющей никакого отношения к спиритизму. Но в рассказе всё происходит наоборот: не имеющая прямого отношения к спиритизму загадка разрешается способом, который непосредственно связан со спиритическими

сеансами. Спиритизм оказывается не нужным для загадки (нарушение ожидания), но необходимым для разгадки (нарушение ожидания и, одновременно, подтверждение исходного ожидания, предполагавшего необходимость спиритизма в общей сюжетной конструкции). Параллельно с этим текст подтверждает читательское ожидание более высокого уровня: выглядевшее иррациональным сочетание фактов находит свое рациональное объяснение в разгадке. Все эти подтверждения и нарушения читательских ожиданий можно суммировать в виде следующей таблички:

Такое сложное переплетение “да” и “нет”, отражающее то, что на каждом этапе чтения какие-то читательские ожидания подтверждаются, а какие-то нарушаются, создавая новые ожидания, хотя и не осознаётся читателем, но, несомненно, воспринимается им и формирует общее эстетическое впечатление от рассказа. В сюжете, завершающемся разгадкой № 1, вся эта игра с инерцией читательского восприятия, создающая захватывающее ощущение “ловко закрученного” сюжета, исчезает, так как исходное ожидание, связанное с темой спиритизма, не выполняется, и эта тема перестаёт играть какую-либо роль в сюжете.

Уже одного этого факта было бы достаточно, чтобы не сомневаться в том, что разгадка № 2 образует органическое единство с сюжетом рассказанной истории; только с ней сюжет становится увлекательным и эстетически совершенным, тогда как без неё он теряет большинство своих достоинств. Но об этом же говорит и логическая стройность сюжета, заканчивающегося этой разгадкой, он идеально построен и свободен от малейших логических неувязок, в изобилии имевшихся в сюжете с разгадкой № 1.

Реконструированный нами сюжет совершенно естественен, как это и должно быть свойственно истинным произведениям искусства, в нём нет ничего вычурного и надуманного. Всего его части функциональны и необходимы для существования рассказа как художественной целостности, те эпизоды, которые были излишними в сюжете с разгадкой № 1, находят своё законное место в сюжете с разгадкой № 2. Единственным инородным включением в этом сюжете оказывается эпизод с авторучкой, лежавшей на несвойственном ей месте, но ясно, что его появление обусловлено желанием автора привязать к уже сконструированной истории разгадку № 1. Всё это вместе взятое убеждает нас в том, что разгадка № 2 не выдумана нами и не втиснута искусственным образом в чуждую ей историю, нет, она является органической частью прочитанного нами рассказа, как ключ с замком совпадая с той частью, в которой излагается загадка. Такая согласованность между загадкой и разгадкой по множеству взаимообусловленных характеристик (а именно она создает ощущение стройности и естественности) не может быть объяснена случайным совпадением - мы можем с полной уверенностью утверждать, что данный рассказ был создан Агатой Кристи с разгадкой № 2 и лишь затем к нему была пристроена разгадка № 1, которая как по эстетическим критериям, так и по степени согласованности с остальными частями сюжета не идёт ни в какое сравнение с исходной разгадкой.

Мы приходим к выводу, что не только рассказ “Мотив против возможности” содержит в себе скрытую загадку, но и история его создания выглядит весьма загадочно. Придумав замечательный сюжет с загадкой, которая могла бы стать одним из бриллиантов в короне “королевы детектива”, Агата Кристи прячет эту драгоценность в недоступной рядовому читателю глубине рассказа, закрываемого под банальный детективный ширпотреб. Фактически, она уродует отличный рассказ, приделывая к нему фальшивую разгадку, а то, что рассказ имеет двойное дно, остаётся никому не известным, поскольку никому не приходит в голову поинтересоваться внутренними возможностями сюжета - внешняя неказистость и нескладность рассказа не дают для этого никакого повода. Чем можно объяснить столь странное, если не сказать больше, поведение автора? По степени иррациональности и непредсказуемости её поступок вполне может соперничать с теми

происшествиями, которые сама Агата Кристи и сотни её коллег-писателей сочиняли с целью озадачить и вывести из равновесия читателей. С моральной точки зрения поведение писательницы также непохвально. Скрыв от миллионов читателей одну из своих лучших загадок, она, безусловно, совершила антиобщественный поступок, если не преступление. Но что выиграла при этом сама Агата Кристи, остается неясным. Какова мера её вины за происшедшее и есть ли у неё смягчающие обстоятельства, также остаётся без ответа. За истечением срока давности (с 1932 года прошло более семидесяти лет) и ввиду смерти автора рассказа предъявить обвинение некому, но интересно было бы понять мотивы, побудившие Агату Кристи так поступить со своим замечательным сюжетом.

Чтобы не возбуждать у читателя данной статьи неоправданных ожиданий, я должен сразу сознаться, что решения этой “загадки Агаты Кристи” у меня нет. Истинный смысл происшедшего остаётся для меня тайной. Но я надеюсь, что кто-то из читателей, пользуясь неизвестной мне или даже вообще недоступной для меня информацией о жизни и творчестве писательницы, или, просто, озарённый внезапной догадкой, сумеет понять, почему Агата Кристи повела себя в этом случае столь непредсказуемо. Так что, всю мою статью можно рассматривать как обращённый к любителям детективов призыв поломать голову над этой загадочной историей.

И всё же, не зная ответа на загадку, попробуем обсудить те гипотетические обстоятельства и мотивы действующих лиц, которые могли бы стать причиной появления рассказа “Мотив против возможности” в том виде, в каком он был напечатан в 1932 году в книге Агаты Кристи “The Thirteen Problems”.

1. Первое предположение заключается в том, что причиной изменения сюжета рассказа и замены разгадки № 2 на разгадку № 1 (с симпатическими чернилами) была попытка угодить вкусам основной массы читателей.

Я думаю, ни для кого не секрет, что основная масса “читателей детективов” не особенно ценит жанр классического детектива. Все эти силлогизмы и дедукции вызывают у среднего (подчёркиваю, не идеального, а среднестатистического) читателя скорее скуку, нежели воодушевление. Не того ищет он в книжках серии “Черная кошка” или им подобных. Сегодня это стало очевидным, и во всём мире издатели и производители текстов (старинное слово писатели к ним неприменимо и могло бы только привести к терминологической путанице) исходят из этого в своей практике, учитывая вкус массового потребителя печатной продукции. Однако в те далекие и баснословные времена, которые получили наименование Золотого века детектива, ещё было принято ориентироваться не на вкус общей массы читателей, а на мнение некой, гораздо более узкой референтной группы читателей и литературных критиков - обозначим их как ценителей детективного жанра, более просвещённых и эстетически продвинутых по сравнению с основной массой читателей. Среднестатистический читатель вынужден был волей-неволей следовать за общественным мнением, в формировании которого он принимал тогда минимальное участие. Только благодаря такой, существовавшей в двадцатые-тридцатые годы прошлого века расстановке сил сегодняшний поклонник классического детектива имеет достаточный выбор произведений любимого жанра, созданных в подавляющем большинстве именно в эти годы расцвета детектива. Тем не менее, процесс, чьи результаты в полной мере проявились лишь после второй мировой войны и чьи наиболее ядовитые плоды довелось вкушать ныне живущим, уже пошел: голосование рублем (точнее, фунтом стерлингов и долларом) уже не давало возможности полностью игнорировать подспудные и из стеснительности открыто не выражаемые вкусы читающей массы, вынуждая издателей и писателей, работающих в жанре детектива, идти на серьёзные уступки в этом направлении.

Не избежала этого и Агата Кристи. Во множестве своих сочинений она в большей или меньшей степени учитывала запросы тех слоев читателей, успех у которых определял

тиражи её книг. Секрет её несравнимой ни с кем популярности основывается не только на её литературном мастерстве и изобретательности, позволившем создать шедевры детективного жанра, которые удовлетворяют самым высоким эстетическим критериям, но в не меньшей степени и на её гибкости по отношению к этим критериям и способности поступиться ними, если того требует рыночная конъюнктура. Массовый читатель любил (а, может быть, и до сих пор любит) подземные ходы, ведущие из библиотеки старинного замка в склеп на заброшенном кладбище, братьев-близнецов, расставшихся в младенчестве и не знающих о существовании друг друга до роковой встречи в зале суда, китайские курильни опиума, экзотические, неизвестные судебной медицине яды, записки, написанные симпатическими чернилами, могущественные преступные организации, опутавшие полмира своей сетью и прочие аксессуары бульварного романа, использование которых в детективах строго-настрого запрещается писаными и неписаными законами детективного жанра, но которые неизбежно встречаются в произведениях практически всех классиков этого жанра, не решившихся совсем уж не обращать внимания на успех у широкой публики. В романе Кристи “Карты на стол” есть примечательный пассаж, в котором работающая в детективном жанре писательница Ариадна Оливер (персонаж, появляющийся в нескольких произведениях Агаты Кристи и, несомненно, чем-то ей близкий) объясняет эту ситуацию Эркюлю Пуаро:

“Доктор Робертс поднялся.

- Что-нибудь ещё?

Пуаро отрицательно покачал головой.

- Тогда, спокойной ночи. До свидания, миссис Оливер. Вам надо использовать этот материал для будущей книги. Это лучше, чем все не оставляющие следа яды, а?

Доктор Робертс вышел из комнаты таким же пружинящим шагом, как и вошёл.

Когда дверь за ним закрылась, миссис Оливер ехидно заметила:

- Материал! Тоже мне, материал для книги! Какие все стали умники! Я в любое время могу придумать убийство получше, чем случится в жизни. У меня никогда не бывает недостатка в сюжетах, но моим читателям нравятся яды, не оставляющие следа”.

А впоследствии она добавляет:

“...читателям нравятся и яды, не оставляющие никаких следов в организме, и идиоты - полицейские инспекторы, и девушки, связанные по рукам и ногам где-нибудь в погребе, который заполняют газом или заливают водой (вот уж действительно трудный и мучительный способ убийства!), и герой, в одиночку расправляющийся с бандой негодяев от трех до семи человек”.

Если основной причиной подмены сюжета в рассказе “Мотив против возможности” предположить желание угодить вкусам публики, подкинув ей её любимые симпатические чернила, то здесь также возможны варианты:

а) изменения сюжета и внесения в него какой-то “изюминки” потребовал от Агаты Кристи издатель, посчитавший рассказ слишком интеллектуальным и “скучным” с точки зрения потенциального читателя (за стандарт которого издатель мог взять самого себя);

б) писательница могла сама посчитать нерациональным “истратить” такую замечательную загадку на маленький рассказ, тем более, что он должен был появиться в книге, которая в целом вряд ли могла вызвать восхищение знатоков детективного жанра: из остальных двенадцати рассказов, входивших в этот сборник, лишь четыре или пять можно считать построенными по классической детективной схеме, но даже они по качеству не поднимаются выше среднего уровня, а в прочих отсутствие явно выраженной загадки компенсируется наличием неожиданной для читателя концовки; поэтому Агата Кристи решила замаскировать свой сюжет и при этом потрафить читателям, дав такую разгадку, которую они восприняли бы как “эффектную”;

в) она могла прийти к решению намеренно “испортить” рассказ, приблизив его тем

самым к уровню, требуемому эстетически неискушённой массой читателей, из опасения, что включение в сборник такого шедевра детективного жанра сразу же обесценит другие рассказы в этой книге.

Все эти не слишком убедительные соображения предполагают, что окончательная форма рассказа была выбрана писательницей под давлением внешних обстоятельств и что у неё не было исходного замысла написать рассказ с двойным дном. Я не знаю, как обстояло дело в действительности, но вряд ли можно считать такое объяснение удовлетворительным. Против него говорит по крайней мере один, но, на мой взгляд, очень весомый аргумент. Агата Кристи никогда больше (насколько я знаю) не использовала сюжет с разгадкой № 2 в своих произведениях, хотя возможности у неё для этого были: она жила и работала после этого еще сорок с лишним лет. Казалось бы, если какие-то соображения вынудили её отказаться от публикации рассказа с этим сюжетом (а, можно утверждать, что скрытый вариант сюжета остался незамеченным читателями и, следовательно, его открытая публикация не состоялась), то впоследствии, при других обстоятельствах писательница должна была вернуться к нему и либо возратить рассказ в исходное состояние, либо написать другое произведение, взяв этот, фактически неиспользованный сюжет за основу. Тем более, что в своём творчестве Агата Кристи не гнушалась использовать некоторые из своих наиболее удачных загадок по несколько раз, лишь немного изменяя антураж, в котором появлялась одна и та же, в сущности, загадка. Почему же писательница, которая не считала, по-видимому, большим грехом даже прямой “плагиат” у самой себя, оставила лежащей втуне отличную загадку, которая фактически ни разу не появлялась в печати. Никакого объяснения здесь нет (во всяком случае, у меня). И потому любые ссылки на внешние по отношению к творчеству обстоятельства, в том числе и на потакание дурному вкусу публики, будут лишь псевдорешением проблемы.

2. Можно предположить, что появление замечательного сюжета в таком замаскированном виде отражает попытку писательницы непосредственно, как бы из-за спин литературных героев, фигурирующих в тексте, обратиться к своим читателям, причём в данном случае к той части читателей, которую мы обозначили как истинных знатоков и ценителей детектива. Одним из распространённых в критической литературе упреков писателям-детективщикам является обвинение в чрезмерной простоте и примитивности загадки. Какой бы хитроумный сюжет не изобрёл писатель, всегда найдется критик, который в своем отклике на книгу будет утверждать, что он уже с двадцать шестой страницы романа догадался, кто убийца и как ему удалось, вонзив нож в спину жертвы, выбраться из комнаты, запертой изнутри на все задвижки и засовы, а потому, дескать, читать роман дальше ему было невыносимо скучно. Особенно страдают от таких упреков писатели-классики, и это понятно, всякому лестно продемонстрировать превосходство своего ума над авторитетом в этой области. (Кто только не обвинял Шерлока Холмса в банальности его дедукций, а доктора Уотсона так и вовсе в полном идиотизме). Писателю трудно что-либо противопоставить такому мнению, но поскольку суждение критик выносит уже после прочтения детектива, возникают обоснованные сомнения в его проницательности. Ведь хорошие детективные загадки отличаются именно тем, что до того, как вы узнаете разгадку, задача кажется принципиально неразрешимой, а после этого она представляется настолько простой, что её может решить и ребёнок. Предположим, что рассказ “Мотив против возможности” задуман Агатой Кристи как коварная и тщательно продуманная реплика в её заочном диалоге с критиками, которые, по должности, считают себя специалистами в области детектива и его знатоками. Обычно писатель отвечает своим критикам тем, что пишет следующее произведение, не вступая в прямую полемику по поводу уже опубликованного. Но в данном случае Агата Кристи могла ответить на упрёки подобного рода, предложив своим читателям и критикам

своеобразный тест в виде рассматриваемого нами рассказа. Если вы такие умные и щёлкаете мои загадки как орешки, а мои разгадки нужны вам только для того, чтобы в конце рассказа убедиться в своей правоте, так не угодно ли будет вам разгадать ещё одну загадку, но уже без моей помощи. Как выяснилось, тест не прошёл никто из читавших её рассказ, и если такая проверка, действительно, была целью Агаты Кристи, то она могла праздновать полную победу в этом необъявленном и внешне незаметном турнире с читателями-знатоками.

Это предположение кажется мне интересным и, в какой-то степени, правдоподобным. Однако цена, которую Агата Кристи и, в конечном итоге, все любители детективов заплатили за победу писательницы в споре с современной ей критикой, представляется чрезмерно высокой: одна из замечательнейших загадок “королевы детектива” осталась никому неизвестной. Опять же остаётся непонятным, почему писательница скрыла от публики не только выпад против тех, кто безо всяких на то оснований публично похлопывал её по плечу, но и результат этого выпада, ведь, напечатав через некоторое время произведение с тем же, но несколько измененным сюжетом, можно было не только сделать аутентичную загадку достоянием читателей, но и, косвенным образом, сообщить им о результатах своего тестирования, указав воображающим себя знатоками их реальную позицию в той литературной игре, в которую вовлекается всякий раскрывающий детектив читатель и в которой она была непревзойдённым мастером.

3. И наконец, третья приходящая в мою голову возможность: Агата Кристи, на самом деле, хотела построить детектив с двойным дном, причём обнаружение второго тайника и его содержимого оставила на долю читателей. Мотивом для создания такого, еще не имевшего прототипов произведения могло быть формальное экспериментаторство писательницы. Она прославилась не только тем, что сумела создать множество оригинальных и красивых детективных сюжетов, конструкции которых строго вписываются в жанровые границы классического детектива, но и тем, что неоднократно и, по-видимому, вполне сознательно переступала эти границы. Не пытаясь оправдать такое непочтительное отношение к законам жанра, нередко приводившее к явному нарушению правил честной игры с читателем, всё же можно понять стремление писательницы выйти за традиционные рамки, в которых до того развивался жанр детектива. Бурный расцвет литературы этого направления в первые десятилетия XX века быстро привел к оскудению естественных сюжетных ресурсов: сотни писателей в течение десятков лет неутомимо изобретали хитроумные загадки и неожиданные сюжетные ходы, и неудивительно, что к тридцатым годам золотая жила классического детектива, на которую набрели и которую застолбили Эдгар По и его преемники, оказалась практически выработанной. Тем, кто продолжал работать в этой области и должен был ежегодно выдавать в печать, по меньшей мере, один-два детективных романа, оставалось только, фигурально выражаясь, промывать отвалы - найти настоящий самородок, то есть придумать оригинальную и интересную загадку, удавалось редко и немногим. Агата Кристи справлялась с этой задачей намного лучше других своих коллег, и тем не менее она не могла не чувствовать острой необходимости в расширении сюжетных возможностей детектива - жанру для своего благополучного дальнейшего существования требовались новые пути и направления развития.

Именно поэтому мастера детективного жанра той эпохи, включая и Агату Кристи, делали неустанные попытки обновить традиционные схемы построения сюжета таким образом, чтобы, не изменяя сущности детектива, открыть для него новые, ещё не освоенные жанром пространства, где можно было бы плодотворно работать дальше, увлекая за собою читателей. Ясно, что большинство таких попыток оканчивалось плачевно: изменения, вносимые автором в детали традиционной сюжетной конструкции только нарушали функционирование сложно устроенного организма детективного

романа, не приводя к появлению нового жизнеспособного целого. Искушённый читатель с досадой выяснял в конце романа, что его попросту надули, пообещав в начале нечто новенькое и интересное, а затем дав такое решение поставленной проблемы, которое делает загадку просто бессмысленной. Произведения, в которых выход за пределы традиционной схемы привел не к её обновлению и возникновению ещё одного способа построения сюжета, а к разрушению сюжетной конструкции, есть и у Агаты Кристи - наиболее известный пример “Убийство Роджера Экройда”, в котором убийцей оказывается рассказчик и за опубликование которого писательницу чуть было не исключили из Клуба детективных писателей. (Правда, некоторые критики, и их немало, восторгаются этим романом как смелым новаторством и революцией в детективном жанре. Но это лишь подтверждает уже высказанный выше тезис о том, что подавляющее большинство читающих детективы и пишущих о них критические статьи не понимают сути детектива и не способны интуитивно отличить хороший детектив от плохого, вследствие чего они в своих оценках вынуждены опираться на какие-то косвенные, формальные и не имеющие существенного значения признаки. Так человек, не знающий, для чего предназначаются часы, и воспринимающий их только как деталь интерьера, способен восторгаться “часами” без циферблата и стрелок как новаторским изобретением, а то что такие “часы” не могут показывать время, для него неважно - ему и обычные часы ничего не показывают.) Однако, было бы неверно считать, что все попытки такого рода были обречены на провал, - это значило бы, что жанр детектива, на самом деле, полностью исчерпал свои потенциальные возможности и ничего принципиально нового в этой области появиться не может. К счастью, это не соответствует действительности, и доказательством может служить истинное новаторство самой Агаты Кристи. В качестве примера такой удачной попытки создать новый тип детективного сюжета можно привести её знаменитый рассказ “Свидетель обвинения”. Если не ограничиваться внутренним ощущением огромного удовольствия, испытанного от чтения этого рассказа, и попытаться проанализировать, как сконструирован его сюжет, то приходишь к выводу, что в определённом смысле его можно назвать “антидетективом”, так как построенный на сложной и психологически тонкой игре с читательскими ожиданиями этот рассказ переворачивает все наши исходные интуитивные представления об устройстве “правильного” детектива. Он абсолютно “неправилел”, и в то же время остаётся блестящим детективом. Те “нарушения” традиционных правил, которые разрушили бы стандартную детективную конструкцию, уравновешиваются другими “нарушениями”, и в целом это привело к созданию оригинальной и внутренне совершенной сюжетной схемы. Другой пример - это уже упоминавшийся роман “Пропавшая весной”. Строго говоря, это, конечно, не детектив. Роман можно назвать скорее “реалистическим” или “психологическим”, он по справедливости должен быть отнесен к “серьёзной прозе”, ничем внешне не связанной с развлекательным детективным жанром. И, пожалуй, только принадлежность его перу “королевы детектива” позволяет заметить, что глубинной основой сюжета этого произведения служит классическая детективная схема, которая, будучи неожиданно приложена к материалу, казалось бы, совершенно ей не свойственному, дала замечательный результат, сделав роман своеобразным, увлекательным и запоминающимся. Хотя в данном случае попытка реформировать жанр и вывела Агату Кристи за рамки детектива, выход этот оказался плодотворным, и, следовательно, он открывает новые измерения для внутренней эволюции исходного жанра.

Возможно, что выдумав замечательную загадку, которой одной было бы достаточно для успеха рассказа, Агата Кристи решила всё-таки не идти уже проторенным путем, но, резко изменив и усложнив сюжет (в окончательном варианте он допускает две разгадки: плохую и хорошую), попробовала создать не ещё один хороший детективный рассказ, а

новый тип детективного рассказа, предполагающий ещё невиданную активность читателя, которому для правильного прочтения рассказа и получения ожидаемого удовольствия нужно усомниться в истинности декларируемой в тексте разгадки и самому найти верное решение задачи.

Такое предположение находит своё косвенное подтверждение в том, что главным элементом фальшивой разгадки (разгадки № 1) оказались симпатические чернила. Точнее сказать, их наличие в тексте склоняет к мысли, что сначала существовал исходный сюжет с разгадкой № 2, а лишь затем он был замаскирован разгадкой № 1, в которой подоплёка видимых событий объяснялась совсем по-другому, но одна деталь первоначального сюжета, оказавшаяся для него излишней, была использована автором для изменённого сюжета при дальнейшей работе над рассказом - и такой деталью являются пресловутые чернила. Дело в том, что симпатические чернила могут, в принципе, использоваться в обеих разгадках, и вполне вероятно, что впервые они пришли на ум Агате Кристи, когда она обдумывала способ, каким Саймон Клоуд собирался осуществить незаметное для адвоката “исчезновение” завещания. Однако, затем она вполне резонно решила, что такой надуманный трюк, будучи совершенно излишен для простого и естественно развертывающегося сюжета, придаёт ему кроме того специфический привкус, характерный для бульварных романов, эстетика которых строится на сочетании вычурности с банальностью. Симпатические чернила исчезли из исходного (скрытого в тексте рассказа) сюжета, но “всплыли” в маскирующей его разгадке № 1, где они оказываются совершенно на месте, подчеркивая её фальшь. Фактическим подтверждением этих догадок могли бы стать черновики Агаты Кристи, но мне ничего неизвестно об их судьбе (существуют ли они? где они находятся? есть ли какие-то публикации на эту тему и литературоведческие работы, содержащие информацию о творческой истории сборника “The Thirteen Problems” и интересующего нас рассказа?), и я могу только надеяться, что читатели, которым доступны материалы такого рода, захотят пролить свет на эту темную историю.

Сейчас, по прошествии многих лет, мы можем уверенно сказать, что если, действительно, у Агаты Кристи было сознательное намерение ввести в обиход новый тип детективных произведений (рассказов, романов), то попытка эта не удалась. Хотя рассказ с двойным дном и был ею написан, но в задуманном качестве он не состоялся, так как читатели не смогли его адекватно прочесть - для них он существует как обычный средненький детектив.

Интересно, что подобная идея приходила в голову Х.Л.Борхесу. Герой его рассказа “Анализ творчества Герберта Куэйна”, написанного в 1944 году, писатель Куэйн сочинил и издал книгу рассказов, в каждом из которых занимательно выстроенный сюжет был намеренно испорчен бестолковой и безвкусной концовкой. Этот вымышленный Борхесом автор предполагал, что читатель, раздосадованный неожиданно плохой и ранящей его эстетическое чувство сюжетной развязкой, сам найдет безупречное окончание для прочитанных рассказов. Авторская хитрость заключалась, по мысли Борхеса, в том, что, подталкивая читателя различными приёмами к верному решению, Герберт Куэйн даёт ему возможность испытать пусть иллюзорное, но такое приятное чувство своего творческого могущества .

Действительно ли Агата Кристи готовила своим читателям подобное удовольствие, когда писала рассказ “Мотив против возможности”, нам вряд ли удастся когда-либо узнать наверняка. А обратиться к её духу за разъяснениями по поводу этого интересного вопроса мы, к сожалению, не можем.

2004

Текст дается по изданию:
Вольский Н.Н. Легкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра.
Новосибирск, 2006, с. 127-172

Postscriptum

После появления текста этой статьи в Интернете Дарья Булатникова (сама писательница и поклонница детективного жанра; она - одна из основателей Детектив-клуба “Презумпция виновности” на сайте Самиздат - <http://zhurnal.lib.ru/d/detektiwklub>) нашла гипотетический, но вполне вероятный и разумный ответ на поставленный в статье вопрос: “Почему же писательница... оставила лежащей втуне отличную загадку, которая фактически ни разу не появлялась в печати?”

По мнению Д.Булатниковой, загадочное поведение Агаты Кристи может объясняться тем, что, отложив публикацию своего замечательного сюжета до лучших времен, писательница неожиданно для себя узнала о более раннем использовании придуманной ею загадки кем-то из других писателей, и ей пришлось отказаться от своих первоначальных замыслов, чтобы не быть обвиненной в плагиате. Такое решение внутренне непротиворечиво и удовлетворяет всем требованиям задачи. Можно сказать, что я получил желаемый ответ на мучивший меня вопрос. Единственное, чего остается желать, это выяснения того, где (у какого автора? в каком произведении?) и когда был опубликован сюжет, принципиально сходный с той загадкой, которая обсуждалась в статье. Я не теряю надежды дожить до того времени, когда кто-то из читателей статьи даст ответы и на эти вопросы, тем самым окончательно разрешив “загадку Агаты Кристи”.

Вит Ценёв

В руку со временем

Правильно ли носить часы на левой руке?

Партизанская РРавда

Все знают, что Владимир Владимирович Путин носит часы на правой руке. Почему так, никто точно не знает. На этот счёт есть разные версии. Предполагается, например, что на запястье левой руки есть несколько биологически активных точек, и «перекрывать» их крайне нежелательно. А на запястье правой руки этих точек нет. Поэтому наручные часы целесообразнее носить именно на правой руке, как это делает Путин.

Некоторые биологически активные точки на теле человека действительно асимметричны. Так, например, на пальце правой руки есть точка снятия зубной боли. А на левой руке такой точки нет. Так что версия о полезности «праворуких» часов заслуживает внимания.

Сам Путин на вопрос о том, почему он носит часы на правой руке, ответил так: «Я ношу часы на правой руке, потому что заводная головка не натирает мне кисть. Вот и весь секрет».

Но вот вопрос. Все знают о том, что часы нужно носить на левой руке. Но почему? Кто и зачем это придумал? Какой в этом смысл? Вот Владимир Владимирович носит часы на правой руке, и вы видите в этом что-то необычное. Но как вы можете узнать, почему он носит часы на правой руке, если вы не знаете, почему вы носите часы на левой руке? Почему?

Не крутись под руками

Ответ отчасти содержится в самом вопросе. На левой потому, чтобы не на правой. Потому что правая рука у нас какая? Полезная для деятельности.

Большинство людей (примерно 90%), которых называют «правшами», при выполнении любых повседневных операций пользуются преимущественно правой рукой.

Закрывать дверь. Разрезать бумагу. Пришить пуговицу. Включить телевизор. Написать записку. Набрать номер телефона. Тысячи и тысячи операций ежедневно.левой рукой «правша» тоже пользуется, но вспомогательно. Например, левой придерживает гвоздь, а правой бьет по нему молотком.левой придерживает лист бумаги, а правой пишет.левой держит колбасу, а правой режет ее ножом. Попробуйте (ради интереса) «поменять» руки, то есть, придерживать правой, а основное действие выполнять левой, и посмотрите, что из этого получится.

Вот почему у правшей часы на левой руке. Чтобы они не мешали ведущей руке работать. Если же человек левша, то он имеет обыкновение носить часы на правой (вспомогательной) руке, а левую (ведущую) руку освобождать для выполнения полезных действий.

Путин – правша, но и часы носит на правой руке. Почему? Психологи считают, что в подобных случаях человек является скрытым левшой, левшой, переученным пользоваться правой рукой. Переучить-то переучили, а предпочтение осталось, поэтому «скрытые левши» склонны носить часы на правой руке, освобождая ведущую для них левую руку.

Итак, левоположение часов на руке является не данью моды, а житейской необходимостью. И определяется это положение исключительно удобством использования ведущей руки. Если вы режете сыр или делаете записи в тетради, это удобно. Но никто не рассматривал вопрос о том, удобно ли следить за временем, если носить часы на второстепенной руке. Казалось бы, какая разница? А разница есть. И очень существенная разница.

Левое и правое время

Все, что «слева», обычно предполагается нами каким-то плохим. «Пошел налево», говорят. «У него левые заработки». «Правое» же обычно подразумевается хорошим. Православие. Правое дело. Правосудие.

Во многом здесь, конечно, играет роль то, что «правое» является не только топографическим (справа от меня), но и социальным (правота, правое дело) понятием. А вот «левое» – понятие преимущественно топографическое (за исключением «левши»). Не туда, куда надо, пошел, не с той ноги встал, не той рукой делал, не в ту сторону смотрел, и так далее.

Но даже если и так, и для большинства людей правота рифмуется с правильностью, почему от всего «левого» у нас такие нехорошие ассоциации? Что в нем такого плохого, в этом «левом»?

А дело в следующем. Психологи обнаружили, что наше восприятие времени во многом зависит от того, в какую сторону мы смотрим: вправо или влево. То, что слева, относится к прошлому, а то, что справа, относится к будущему. Наилучше всего это иллюстрирует реклама, в которой показан человек до и после применения какого-нибудь волшебного препарата для похудения. «До» – всегда слева. «После» – всегда справа. Почему?

Потому что «до» показывает, каким человек был (до применения препарата), а после – каким он (а, вернее, вы) можете стать в случае его применения.

Взгляд налево – взгляд в прошлое. Взгляд направо – взгляд в будущее. Эту особенность часто используют в рекламе и пропаганде. Какой рукой Ленин указывает нам на светлое будущее в ближайшей перспективе? Правильно, правой рукой.

В какой части плаката обычно размещают фотографию кандидата в депутаты? В правой части. Потому что когда человек смотрит вправо, он думает о будущем. Вот почему.

Когда психологи обнаружили эту закономерность – они стали применять ее в лечебных целях. И назвали это лечение «терапией движениями глаз». Вот, например, вы все время думаете на плохую тему, что-то вспоминаете и вспоминаете нехорошее, и никак не можете избавиться от этих навязчивых воспоминаний. И что делает психолог? Зная, что человек, погружаясь в свои воспоминания, имеет обыкновение смотреть в одну точку, психолог просит клиента смотреть в разные стороны. И ничего больше. Просто смотреть в разные стороны. И это реально помогает человеку избавиться от навязчивых воспоминаний.

Теперь, собственно, переходим к вопросу о наручных часах. То, что они на левой руке, очень удобно для ведущей правой руки. Но это совершенно неудобно, когда вы используете часы по своему прямому назначению, когда хотите узнать, который час.

Почему? Потому что когда часы на левой руке, вы смотрите влево, и, как следствие, думаете о времени с точки зрения прошлого.

«Уже час прошел, а его все нет и нет». «Прошло два часа, а я так ничего и не сделал». Когда человек смотрит в прошлое, его внимание фокусируется на том, сколько прошло времени. Не сколько есть времени, а сколько его уже нет. Часы на левой руке – это ощущение постоянной потери времени. Ощущение хронического неуспевания.

Как я сказал выше, психологи обнаружили, что многие проблемы из прошлого быстро

и очень эффективно решаются простым движением глаз. Без всякого психоанализа. Так может быть и проблемы потери времени, проблемы нашего хронического неупевания решаются переменной восприятия времени с «левого» на «правое»?

Попробуем это исправить

Замечено, что человек за компьютером очень часто теряет чувство времени. За компьютером, я подчеркиваю это. Сколько бы там времени не прошло, а он сидит и не беспокоится об этом. Почему так, как вы считаете?

Может быть, всё очень просто? Часы на компьютере всегда располагаются справа. Там, где и положено им быть. Потому что время – это метрика, которая имеет отношение к настоящему и будущему.

К прошлому – время не имеет никакого отношения. Оно уже прошло, и о нём больше незачем беспокоиться.

Может быть, часы на правой руке – это действительно неудобно для руки. Но оглянитесь. Мы следим за временем не только по наручным часам. Есть настенные часы. Настольные часы. И они должны быть там, где находится будущее. Справа. Попробуйте. И, возможно, что многие ваши проблемы решатся сами собой. Простым движением глаз.

Сергей Голубицкий

Убить дракона

«Вставай, кто рабом стать не желает!
Из своей плоти Великую стену поставим!
Для судьбы нации грозный час наступил,
И из груди рвется клич наш последний:
Вставай! Вставай! Вставай!
Нас миллионы, но сердцем мы едины,
Под огнем канонады смело мы в бой пойдем,
Вперед! Вперед! Вперед!»
Государственный гимн КНР

Яблоко раздора

Ни одно государство из пантеона азиатских экономических чудес не вызывает в головах и сознании западного человека такого сумбура как Китай. Того хуже - Поднебесная превратилась в яблоко раздора западного общества: пока политики при поддержке ученых мужей энергично вставляют палки в колеса китайской экономической экспансии, которая, как им видится, разоряет местную (западную) промышленность, реальные предприниматели западного мира инвестируют в Китай немислимые капиталы. С 1978 года, когда мудрая Коммунистическая партия Китая заявила о Великой программе

экономических реформ, иностранные вложения в экономику Китая составили 500 миллиардов долларов. Это в десять раз больше, чем инвестиции в Японию за весь период с 1945 по 2000 годы! По информации китайского министерства торговли только американские компании вложили 40 миллиардов долларов в 40 тысяч проектов, реализованных на территории КНР. Дошло до того, что ежегодные зарубежные инвестиции в экономику Китая в десять раз превысили инвестиции в Индию и примерно сравнялись с вложениями в Японию, Индию и Южную Корею вместе взятыми!

Цифры западных инвестиций в Китай смотрятся особенно непатриотично на фоне динамики торгового дефицита главного пострадальца экономической экспансии – Соединенных Штатов:

2002 год 103,1 миллиарда долларов

2003 год 124 миллиарда долларов

2004 год 162 миллиарда долларов

С учетом тенденции можно смело предположить, что в 2005 году дефицит США в торговых отношениях с Китаем перевалит за 200 миллиардов. Отчаявшись найти понимания у собственных коммерсантов, западные правительства решили самостоятельно вести беспощадную (и не менее безрезультатную) борьбу с китайским наваждением. Долгое время особые надежды возлагали на вступление Китая во Всемирную торговую организацию. Предполагалось, что ВТО обломает рога китайскому ценовому демпингу на внешнем рынке, и протекционизму – на внутреннем. Поддержку политикам оказывали ученые мужи, уверенно пророчествуя о надвигающемся коллапсе китайской банковской системы и скорой потере экономической независимости. И что же? Да ничего! Китай вступил в ВТО в 2002 году и сразу же юркие и вездесущие китайские госкомпании отыскивали хитроумные ходы-выходы в ограничениях и препонах этой международной организации, перенаправив поток жалоб мировой общественности на ценовой демпинг и протекционизм Поднебесной в полномодное и – главное! - спокойное русло затяжных судебных разбирательств и пустопорожных угроз.

Собаки лают – караван идет: темпы роста дефицита американской торговли с Китаем после вступления последнего в ВТО еще больше ускорились, зато валовой внутренний продукт (ВВП) Китая за истекший период увеличился на 25 процентов, а объем торгового оборота вообще удвоился! Самое же неприятное для Запада: китайская экономика благополучно миновала период реструктуризации и подготовилась к противостоянию западным конкурентам на их же игровом поле – в открытом экономическом пространстве.

После крушения надежд на обуздание Китая через ВТО западная политическая элита сосредоточилась на новой химере: отвязке юаня от доллара. Почему-то казалось, что именно в «искусственном» курсе китайской национальной валюты, поддерживаемом в неизменном состоянии 11 лет, сокрыто волшебное яйцо экономической неуязвимости Поднебесной. К подобному выводу монетаристские головы подтолкнула чудесная невосприимчивость китайской экономики к ужасам финансового коллапса, искусственно организованного Западом в конце 90-ых годов. Успешно проведенная операция позволила не только нанести смертельный удар корейским чаеболам и обрушить национальные валюты юго-восточных азиатских «младотигров» - Индонезии, Филиппин и Таиланда, но и полностью вскрыть банковскую систему этих стран для западного доминирования. Китай однако и глазом не моргнул: банковская система оставалась недоступной для иностранного проникновения, а экономический рост демонстрировал привычные (и столь же невероятные!) 8 процентов ежегодного роста.

После долгой и продолжительной борьбы, невероятных усилий и беспрецедентного давления весной 2005 года западным политикам все-таки удалось принудить Китай к

отказу от привязки юаня к доллару. И вновь долгожданная победа обернулась разочарованием: юань отправился в свободное плавание, однако вопреки чаяниям революция китайской денежной единицы оказалась смехотворной – на уровне двух процентов! Форменным издевательством прозвучали слова Жоу Ксяо-чаня, главы китайского Центробанка: «Переоценка китайского юаня, наверное, несколько ослабит торговый и фискальный дефициты Соединенных Штатов, но влияние это будет чрезвычайно ограниченным».

Фиаско с юанем заставило администрацию Буша серьезно задуматься о введении прямых запретов на импорт целых категорий китайских товаров и обложении неподъемными таможенными пошлинами остального китайского добра. Однако и на этот раз намерения политиков возмутительным образом вошли в противоречие с планами американского бизнеса окончательно похерить домашнее производство и полностью переселиться в Китай. Ян Дэвис, управляющий директор всемирного консалтингового агентства «МакКинзи и компани», радостно заявил о том, что цвет и гордость нации - руководители компаний, входящих в список «Fortune 500» – единодушно назвали Китай «главным центром притяжения» своих стратегических инициатив.

Спор между политиками и предпринимателями разгорелся нешуточный:

Политик: «Когда «Дженерал Моторс» пришел в Китай в начале 90-ых годов, он заявил о намерении продавать через десять лет на внутреннем рынке около миллиона автомобилей. И что же? В 2000 году реальная цифра продаж составила ... 30 тысяч!»

Предприниматель: «Бог с ним, с внутренним китайским рынком! Тот же «Дженерал Моторс» реализует за счет перенесения в Китай своих производственных мощностей более трети своей мировой прибыли».

Политик: «С китайцами невозможно вести совместный бизнес! Они постоянно обманывают западных партнеров, их бухгалтерская отчетность не соответствует действительности, вместо здоровых принципов свободной конкуренции на открытом рынке повсеместно цветет махровым цветом взяточничество и протекционизм партийных бонз!»

Предприниматель: «Зато себестоимость труда в Китае на порядок ниже, чем где бы то ни было в мире! Плюс - дешевизна сырьевых ресурсов! Плюс – самое либеральное экологическое законодательство!»

Политик: «Так они же используют детский и рабский труд! Более трети китайских водных ресурсов отравлены и совершенно не пригодны к применению, в списке десяти самых загрязненных городов планеты пять – китайские, а рак легких давно уже стал причиной смертности № 1 в Пекине и Шанхае!»

Предприниматель: «Я вас умоляю!»

Короче, на лицо забвение национальных интересов и отсутствие патриотизма. Да? Или нет? Сегодня в Китае чиновников-взяточников расстреливают пачками, в назидание демонстрируя экзекуции по телевидению. Меры по улучшению экологического положения комплексны, широкомасштабны и беспрецедентны по инвестиционным объемам, переход на прозрачные формы бухгалтерского учета предприятий осуществляется в массовом порядке, ограничения на стопроцентное использование иностранного капитала в совместных предприятиях сняты. Так что же на самом деле творится в Китае? Что заставляет одних представителей западной цивилизации яростно отмахиваться от «желтого дьявола», а других - бросаться в его объятия как замороженных? Будем разбираться.

Желтый туман

Место Китая в пантеоне Азиатских Экономических Чудес уникально. В первую голову

– из-за виртуальности информации, доступной об этом государстве. Каков реальный процент ежегодного приращения национального валового продукта? Каков реальный уровень безработицы? Какова реальная глубина экологической катастрофы? Каков реальный дефицит банковской системы? Какова реальная величина неликвидных кредитов? Тайны сии хранятся за семью горами, одиннадцатью стенами и тридцатью тремя печатями. Боюсь, неведомы они не только далёким западным аналитикам, но и самим руководящим товарищам из ЦК КПК. Проблема, однако, в том, что если руководящим товарищам эта информация кажется избыточной, поскольку в управлении государством они руководствуются совершенно иными принципами (о чем разговор впереди), то вот западные аналитики неподдельно страдают от постоянно возникающей путаницы, ведущей к утрате ориентиров.

Ситуация с виртуальностью усугубляется отсутствием у современного западного человека должного инструментария для осмысления китайского экономического феномена. Что, впрочем, не удивительно: ключ к пониманию Поднебесной скрывается в тонкостях национальной психологии и евгенике, а обе эти дисциплины безнадежно табуированы в западном сознании страхами, навеянными историей XX века. Поэтому западный человек подходит к Китаю с мерками экономической теории, представленной к тому же еще и самой своей безнадежной ипостасью – либеральным монетаризмом. В основе этого подхода лежат пышные заблуждения Семи Эпохальных Мифов о том, что:

- рост ВВП является надежным показателем человеческого благосостояния и прогресса;
- нерегулируемый свободный рынок эффективно распределяет ресурсы общества;
- рост торговли приносит пользу рядовым членам общества;
- экономическая глобализация неизбежна;
- транснациональные корпорации являются полезными учреждениями;
- государственное вмешательство вредит экономике;
- иностранные инвестиции способствуют местному процветанию .

С удивлением и недоверием западный человек наблюдает, как, с одной стороны, Китай под умелым руководством даже и не государства вовсе, а всего лишь правящей партии, хозяйской хваткой удушает экономику Запада, демонстрируя невиданные в истории человечества темпы экономического роста, с другой стороны – выдающиеся эти достижения никаким боком не улучшают жизни сотен миллионов граждан страны, уровень безработицы в которой чуть ли не самый высокий в мире (20 процентов, по более реальным подсчетам - все 40!). Впрочем, даже этим своим наблюдениям западному человеку доверять не приходится, поскольку на каждом шагу он сталкивается с подтасовками и искажениями информации. Так совсем недавно обнаружилось, что официальная китайская статистика по иностранным инвестициям была завышена ни много ни мало – в шесть раз! А все потому, что Госсовет Китая ввел налоговые льготы для компаний с иностранным учредительным капиталом и местные предприниматели ринулись регистрировать фиктивные совместные предприятия, выдумывая себе западных инвесторов и высасывая из пальца несуществующие инвестиции!

Беспомощность современных экономических теорий, объясняющих успехи китайской экономики, лучше всего иллюстрируется следующей конструкцией :

- В Китае создана принудительная система гражданских сбережений, которая направляет в банки огромные денежные потоки для последующего их перераспределения в виде кредитов для предприятий;
- В результате массовой сберегательной политики население утрачивает покупательную способность;
- Из-за невозможности реализовывать товары внутри страны предприятия вынуждены полностью переориентироваться на экспортную деятельность;

- Поскольку китайская промышленность целиком финансируется за счет централизованного государственного кредитования, ее главная забота – не повышение уровня прибыли, а обеспечение непрекращающихся денежных потоков для обслуживания собственных долговых обязательств;

- Равнодушное отношение производителей к прибыли приводит к тому, что товары продаются по ценам равным себестоимости, а иногда даже ниже ее;

- Производственная база стран, импортирующих китайские товары, разрушается, поскольку товары западных предприятий, которые, как известно, ориентированы исключительно на получение прибыли, неспособны конкурировать с товарами, продаваемыми по бросовой цене;

- За высокими показателями роста производства и торгового оборота Китая скрывается жуткая реальность внутреннего самоистощения, поскольку отказ от прибыли в пользу простого обеспечения денежных потоков ведет к пирамидальному накоплению долговых обязательств, которые рано или поздно обрушат всю экономику.

Из всех образцов западной синологической мысли, с которыми мне довелось ознакомиться, эта конструкция наиболее адекватно объясняет нездоровую подоплёку «китайского экономического чуда». Жаль только, что работает она лишь в теории, а в условиях реального исторического времени складывается как картонный домик. В самом деле: китайская экономика «самоистощается» уже двадцать семь лет. За эти годы пирамида долговых обязательств в Китае должна была достигнуть размеров чудовищных и несовместимых с жизнью – не только государства, но и самих граждан. А уж от многострадальной западной промышленности давно бы осталась лишь пара-тройка мануфактур. И что же на самом деле? Великая Поднебесная сегодня цветет и пахнет, население по-прежнему плодится без меры и оглядки, а западные промышленные концерны извлекают из инвестиционных проектов в Китае такие прибыли, что вспоминают об исторической родине лишь после того, как брезгливо поморщатся.

Можно возразить, что вышеприведенная концепция ошибочна уже в аксиомах: ведь обильное кредитование промышленных предприятий в Китае банки осуществляют не в условиях вседозволенности дикого рынка, а под чутким и неусыпным контролем со стороны государства и родной партии, которые просто не допустят банкротства предприятий из-за несвоевременной уплаты долгов. К сожалению и эта поправка не работает: Китай является крупнейшим в мире импортёром сырья, закупая за рубежом всё подряд - от нефти и меди до алюминия и цемента. Закупки эти осуществляются за конвертируемую валюту, а не на индальгенции и расписки, выданные партийными бонзами в виде поручительства за кредитоспособность подопечных «заводов-любимцев». Если на протяжении 27 лет заменять живой оборот реальных денег галочками взаимозачетов, то никаких товаров китайская промышленность давно бы не производила по банальной причине сырьевого голода.

Банковская система поставлена в центр конструкции, призванной объяснить китайский экономический феномен, не случайно. В этой системе западные политики и ученые мужи усматривают не только своего главного врага, но и первопричину неудач Китая (пока еще гипотетических) в будущем. Поскольку китайские национальные банки ходят под жесточайшим государственным контролем, считается, что их принуждают к невозвратным ссудам не только ради финансирования неэффективных госпредприятий, но и во имя вредных коммунистических пережитков типа социальной защиты населения. Терпеть это безобразие нет никаких сил, поэтому одним из обязательных условий вступления Китая в ВТО стало обязательство этой страны обеспечить прямой допуск иностранных банков на внутренний рынок не позднее 2006 года. Ставка делается на то, что сообразительные китайцы переведут свои сберегательные счета в более надежное и доходное место, а китайские национальные банки, не выдержав свободной и честной

конкуренции, разорятся и закроются. Всё! Конец принудиловки госконтроля и возмутительным социальным ритуалам!

Дальше больше: как только национальные китайские банки утратят финансовые рычаги, они будут вынуждены прекратить поддержку болезненной сансары кредитования убыточных предприятий и вся безответственная китайская система патернализма на внутреннем и демпинга на внешнем рынках провалится в тартарары не позднее 2008 года. Население, почуяв финансовую несостоятельность госбанков, бросится в панике изымать средства со своих сберегательных счетов, а столкнувшись с невозможностью заполучить свои кровные обратно, тут же начнет рыть траншеи и возводить баррикады на улицах городов и сел Поднебесной.

Если читателю эта апокалипсическая картина покажется карикатурной, буду вынужден его разочаровать: приведенная концепция принадлежит не какому-то доморощенному прожектёру, а солиднейшему ученому мужу - Николасу Ларди, специалисту-синологу из института Брукинса (в скобках замечу: одного из важнейших мозговых центров Нового мирового порядка).

Здесь – другое. Концепция Ларди не карикатурна, а бредова, поскольку за абсолютизацией экономической теории полностью игнорируются реалии национальной психологии.

Одна только мысль, что лишившиеся пенсионных сбережений китайцы способны на строительство баррикад, абсурдна до неприличия. Никогда китайцы не поднимутся в обозримом будущем против дорогой и любимой КПК. И вовсе не потому, что эта нация не способна к восстанию (иначе как бы Великий Вождь и Учитель Мао пришел к власти в 1948 году?). Просто в ближайшей истории Китая была *Площадь Тянь-ань-Мень* и энергичное подавление властью хоть и театрального по ничтожности вовлеченных народных масс однако предельно знакового восстания. Тянь-ань-Мень означает для китайца только одно – конец всяких восстаний на ближайшие лет двести! Почему? Потому что только такой поведенческий паттерн вписывается в парадигму национальной психологии. Такой и никакой другой.

Что такое утрата Бастилии для французского рабочего? Не более, чем временное тактическое поражение в длительной цепочке революционной борьбы, растянутой на три столетия (в конце концов всё равно дожали и сегодня как миленькие дружно распевают «Марсельезу» в качестве национального гимна!). Что такое Тянь-ань-Мень для китайского рабочего? *Знак!* Точка, символизирующая возвращение после мимолетных социальных безобразий к истине, закреплённой *тысячелетиям* и национальной истории. Истине, звучащей: «Власть всегда права». Именно так – со спокойной точкой, без лишних восклицательных знаков и эмоций.

Всем сомневающимся рекомендую взглянуть на сроки царствования китайских династий. В начале истории стоял Хуанди (Желтый император), чей род украшал трон Поднебесной тысячу лет (!) с 2600 до н. э. до 1600 до н. э. В конце истории – династия Цинь: без малого 300 лет (1644 – 1911). Перед нами совершенно иное восприятие времени, совершенно иная национальная парадигма! Как же можно ее игнорировать, предсказывая смехотворные «сберегательные» бунты?

Чужой среди своих

Современные западные экономические теории не справляются с реалиями «китайского чуда» еще и потому, что чудо это появилось на свет задолго до самих теорий. Вместо того, чтобы обижаться на нежелание Китая допускать западные компании и товары на внутренний рынок, стоит почитать историю. Уже во времена Римской империи Китай обменивал свои шелка и парфюмы на золото чужих цивилизаций, оставаясь для них

полностью закрытой системой. Показателен пример Британии, которая двести лет всеми правдами и неправдами безрезультатно пыталась взломать китайский рынок. Пришлось даже создавать с нуля чайную индустрию в Индии – лишь бы избавиться от непропорциональной зависимости от китайского импорта. В какой-то момент англичанам удалось нащупать слабое место – опиум! - однако и эта попытка провалилась после энергичной серии Опиумных войн, инициированных китайской властью.

Казалось бы: что за глупое упрямство? Ведь с экономической точки зрения выгодно насыщать внутренний рынок иностранными товарами, тем более такими, для которых не существует национального аналога. Экономика, однако, в категориях национальной психологии правами не располагает. Дело в том, что испокон веков в Китае считалось, что *продажа чужеземцам своих товаров при одновременном отказе от потребления чужого символизирует собой силу и независимость государства* – вот та единственная и истинная причина, по которой Соединенные Штаты Америки получают сегодня из Китая товары на сумму в 152 миллиарда долларов, а поставляют в Китай только на 28 миллиардов долларов ! И никаким либеральным монетаризмом эту национально-психологическую парадигму не сломать. Никаким и никогда.

Какие же выводы можно сделать из всего сказанного? Очевидно, что в рамках правильного инструментария (национальной психологии) страдания китайского народа, порожденные экономическим усилием, напрямую ведут к чувству *коллективной национальной удовлетворенности*. Свое историческое равновесие китайцы находят в условиях, немыслимых для западного человека: 40-процентная безработица, 12-часовой рабочий день, мизерная зарплата. Факторы эти безусловно угнетают индивидуальность, однако индивидуальность никогда и не занимала приоритетное положение в системе духовных ценностей Китая. Напротив, дух коллективный, укрепленный величием государства, самым замечательным образом окормляется и безработицей, и бескрайними трудоднями.

Современная экономическая парадигма Китая идеально реализует национальную идею народа: *идею самостоятельного торгового бытия в единой мировой системе*. Акцент в этой идее на двух словах – торговый и самостоятельный. Китаец рождается, чтобы торговать. Не выигрывать чемпионаты мира по шахматам, не сворачивать в бараний рог биржевые площадки и не побеждать нокаутом в боксе. Ему нужно только торговать. Скромно, непритязательно, ненавязчиво. Торговать прямо здесь, рядом с вами, в уголочке. Может даже и не торговать, а слегка приторговывать. От вас ему ничего не нужно, кроме денег. Не нужно ваших товаров, не нужно опеки. Китаец искренне желает вариться вместе с другими народами в общем котле, однако непременно предпочитает оставаться самим собой, независимым и закрытым.

Национальная идея Китая – это бытие ИНЬ, триумф Вечного Женского Начала, позволяющего впитывать в себя всё подряд, сохраняя при этом собственную неповторимость. На бытовом уровне это бытие замечательно передается формулой: «Мы вас переварим!».

По той же причине западная цивилизация, основанная на жестком мужском принципе ЯН, будет всегда притягиваться к ИНЬ Китая, утопая в безграничности Поднебесной, тысячекратно соблазняясь и обманываясь лишь для того, чтобы в очередной раз погрузиться в собственную противоположность. Чем скорее Запад сумеет *убить настоящего Дракона* – самодовольную глупость либерального монетаризма – тем будет лучше для Запада. Именно для Запада, а не Китая, потому что Китай – что ему делается? Пять тысяч лет он растворял в себе инородные энергии, надо будет - растворит и на этот раз: Америку, Европу, Россию и всех остальных вместе взятых. Вот только - оно нам надо?

И смех и грех: репрессиям подверглись носки, бюстгальтеры и вязанные изделия!
2 В таком виде эта концепция впервые была озвучена Дэвидом Кортенем в книге «When Corporations Rule the World».

Данные Ху Дзянду, профессора пекинского университета науки и технологии. Разумеется, официальные данные несопоставимо ниже, поскольку безработные в Китае официально такими не признаются – их называют «временно отстраненными от выполнения своих обязанностей».

Аналог Совета министров.

Концепция аналитической группы «Strategic Forecasting».

Происходит это потому, что китайская экономика – одна из самых неэффективных в мире. Для сравнения: на каждый доллар произведенной продукции Китай потребляет в пять раз больше электроэнергии и водных ресурсов, чем Индия (в 7-10 раз больше, чем Япония).

В стране давно сложилась патерналистская традиция, согласно которой секретари обкома и шишки городского масштаба тепло «опекают» промышленные предприятия и СП, находящиеся на их территории.

Сансара - в индийской философии: «колесо перевоплощений», бесконечный цикл самовоспроизводства.

Данные на 2003 год.

Михаэль Лайтман

Правосудие и каббала - вместе к единой цели

Беседа каббалиста, проф. Михаэля Лайтмана с адвокатом Генри Резником
Телемост Иерусалим – Москва, эфир передачи: 31 января 2008 г. (стенограмма)

Василий Корельский (телеведущий): Здравствуйте, уважаемые телезрители! Добрый день, профессор!

Сегодня у нас в гостях, – мне очень приятно его представить, – президент Московской палаты адвокатов, вице-президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза адвокатов, директор Института адвокатуры, член президиума Российского еврейского конгресса, член президиума Национального анти-коррупционного комитета, член Совета по совершенствованию правосудия при Президенте России, член Общественной палаты Российской Федерации, Генри Резник.

Генри Маркович, здравствуйте!

Г. Резник: Здравствуйте! Вы забыли упомянуть, что я – адвокат. Остальное – это приложение.

В. Корельский: Дополнение принимается. У нас в эфире адвокат Генри Резник. У меня, в рамках сегодняшней беседы, будет скромная роль модератора. Но прежде,

чем начнется ваш диалог, я хотел бы задать вопрос обоим участникам телемоста: как вы считаете, всегда ли закон выполняет свою функцию порядка?

Генри Маркович, пожалуйста.

Г. Резник: Есть понятие «верховенство права, а не верховенство закона». Между прочим, самые бесчеловечные режимы (помянем, скажем, того же Шикльгрубера) тоже принимали свои законы. Поэтому порядок, необходимый в обществе, могут, соответственно, обеспечивать правовые законы. Стоит сказать, что это вытекает не только из теоретических построений, а закреплено в международных правовых актах.

И, кроме того, обязательно должен быть суд, который выполняет функции конституционного нормоконтроля. Законодатель, между прочим, может не только обеспечивать порядок, но и сам хулиганить. Поэтому речь идет о правовых законах, но не о любом законе.

В. Корельский: Господин Лайтман, пожалуйста.

М. Лайтман: Я не совсем понял вопрос. То есть, имеют ли место законы при любом устройстве общества, при любой формации? Надо ли их выполнять?

Г. Резник: Ведь, тоталитарные режимы функционируют не только прямым насилием, но и с помощью законов. В СССР, например, в 30-е годы был принят закон, что смертную казнь можно применять к лицам, начиная с двенадцати лет, совершившим хищение социалистического имущества. А кто это были? Это были, так называемые, «парикмахеры», то есть крестьяне, которые пухли с голоду, но они не могли состригать колоски.

Я могу привести вам массу законов, которые издают самые разные режимы. Они, наверно, обеспечивают какой-то кладбищенский порядок, но порядок не правовой.

В. Корельский: Господин Лайтман, ваше мнение.

М. Лайтман: Согласно каббале, человечество в течение всей истории находится в совершенно неправильных системах развития. То есть мы развиваемся под воздействием нашего эгоизма, который толкает нас к насилию, к тому, чтобы мы просто всячески, грубо использовали друг друга. И здесь, конечно, необходимы законы, которые каким-то образом регламентируют наши взаимоотношения.

Но каббала говорит, в общем-то, не об этих законах, которые мы сами создаем и каждый раз должны менять, и каждый раз по воле какого-то властителя или диктатора, тирана применять... Каббала рассказывает нам, в принципе, о законах природы, о том, что вся природа – это один огромный закон. И если бы мы знали этот закон, и могли бы ему соответствовать, то тогда бы мы жили прекрасно, красиво, в самых лучших отношениях между собой, и в самых лучших отношениях с природой, не ожидая ничего плохого ни от природы, ни от своих близких.

То есть самое главное – если бы этот закон природы, этот вечный, совершенный закон, был бы нам открыт. Проблема в том, что он от нас скрыт, и поэтому каждый из нас выдвигает свои теории, якобы законные, и поэтому постоянно создаются новые законы, которые, как нам кажется, лучше всего подходят нам, то есть нашему эгоизму. И таким образом человечество движется вперед – от страданий к страданиям.

Г. Резник: Для того чтобы у нас был продуктивный диалог, нам надо договориться о том, в чем мы сходимся. Вы говорите: «Живем плохо, не в гармонии с природой, не

можем пока постичь ее законы. Эти законы можно постичь, изучая науку каббала». Но я процитирую Губермана: «Вот не молясь и не зная канонов, я – мирской многогрешный еврей...». И, соответственно, у меня вопрос: все уголовное право с древнейших времен – парафраз на тему десяти заповедей, которые, как вы знаете, были начертаны и, как бы даны Моше Господом?

М. Лайтман: Да.

Г. Резник: Я немного не понимаю. Применение этих законов не отвращает людей от безнравственных деяний. Но если бы этих законов не было, если бы они не были в кодексах разных стран, я полагаю, что тогда бы нас, просто-напросто, захлестнула волна насилия.

М. Лайтман: Да.

Г. Резник: Я так и не понял. Считаете ли вы, что все мы пребываем в заблуждении и скверне, и покуда не проникнемся каббалой, нам, собственно говоря, остается только выбирать между самоубийством и алкоголизмом? Это в зависимости от национального характера. Скажем, скандинавы выберут самоубийство – там традиционно высокий уровень самоубийств, поскольку у них высокий уровень индивидуализма. А мы – здесь, в России – конечно, выберем пьянство, и это будет, я бы сказал, даже приятно.

М. Лайтман: Вы правы. Конечно же, мы должны, пока существуем в нашей эгоистической системе, соблюдать эти законы – те десять заповедей, которые даны Моше. Недаром они лежат в основе всех законов нашего мира, то есть нашего человеческого общества, и, хотим мы того или нет, мы все-таки их применяем именно потому, что они даны, в принципе, как трактовка того закона природы, о котором говорит каббала.

Но проблема в том, что какое бы то ни было применение этих законов из поколения в поколение наталкивается на такое противодействие, что мы только удаляемся от их правильного выполнения. Ну, где сейчас вообще есть даже та семья, которая существовала сто лет назад, даже те отношения с родителями, которые были раньше, и так далее?

То есть на протяжении истории мы видим только удаление, притом, естественное удаление человека от выполнения вот таких, вроде бы простых законов человеческого общежития.

Я, конечно же, понимаю, что система должна быть построена в четких рамках законности. Но меня больше интересует проблема воспитания: сделать так, чтобы, несмотря на растущий эгоизм, на проблемы, которые возникают из поколения в поколение, все-таки приблизить, или хотя бы оставить человека на уровне хоть какого-то минимального выполнения этих десяти общечеловеческих заповедей.

Г. Резник: Мне вообще глубоко симпатично то, что вы говорите, – ваша позиция, которую, как я думаю, можно охарактеризовать или как идеалистическую, или как утопическую. Вы хотите освободить человека от эгоизма?

М. Лайтман: Да.

Г. Резник: По-моему, одна из самых великих фраз, из тех, что были сказаны, опять же, принадлежит еврею – Гилелю: «Если я не за себя, то кто же за меня? Но если я только за себя, то зачем я?» Не кажется ли вам, что это противоречие, это, условно скажем, добро и

зло – эгоизм и духовное начало – это внутри человека. И, соответственно, идет борьба этих начал: иногда побеждает одно, иногда побеждает другое.

Вообще, как мне кажется, есть три основы нынешней цивилизации:

- конечно же, монотеизм Торы;
- рационализм – философия древних греков;
- римское право – право единое для всех.

И вот право – оно, между прочим, пошло из Древнего Рима – я считаю высочайшим достижением человечества.. Но значение его, в отличие от грандиозной задачи, которую ставят мистические учения (к ним я все-таки отношу и каббалу), – это не превращение жизни человека в рай (рай – как синоним единения человека с природой, о чем вы говорите), а в том, чтобы жизнь людей не превратилась в ад.

Если бы не было права, единого права для всех, в таком случае... Ну, все пошли бы войной на всех.

Мы с вами находимся немного в разных измерениях – понимаете, да? Вы говорите как философ, как человек, который... – я не могу подобрать другого выражения – считает себя одним из мудрецов. Мне, мирскому многогрешному еврею, в общем, недоступны такие высоты. Я могу рационально о них рассуждать, но я где-то в другом измерении, чуть-чуть более приземленном.

Я читал ваши работы и мне представляется, что вы абсолютно точно диагностируете то, что есть. Мы вступили в полосу колоссального кризиса – это и демографический кризис, и нравственный кризис, идеологический кризис, энергетический кризис.

Обострение того несовершенного состояния, в котором человечество пребывает, я вижу в том, что сейчас весь мир устремился к комфорту. К тому, что раньше было достоянием, скажем, золотого миллиарда, западных стран, – к этому сейчас устремились восточные страны, на этот путь встает Китай, встает Индия... Я с ужасом думаю: если полтора миллиарда китайцев сядут за руль (мне не нужно никаких апокалипсических придумок), то для обеспечения такого количества автомобилистов бензина на всей земле просто-напросто не хватит.

Понимаете, я мыслю немножко более рациональными категориями.

Но я все-таки не хочу ждать 233 года до конца шеститысячелетнего периода, о котором вы пишете. Я хочу, чтобы в эти двести лет выжили близкие мне люди. Мне уже недолго осталось на этой земле, к великому сожалению. В этом году мне исполняется семьдесят лет. Я креплюсь, демонстрирую мощь российской адвокатуры, вопреки ее врагам. Я хочу, чтобы мой сын, мои внуки, близкие эти двести лет как-то прожили. И чтобы не было никакого апокалипсиса.

Поэтому мне хотелось бы услышать, все-таки, ваше мнение – мнение действительно мудрого человека, по этим проблемам, весьма насущным для рода человеческого.

М. Лайтман: Прежде чем ответить, я хотел бы вас спросить: эти законы, рамки, которые устанавливает общество, правительство, государство, предназначены для наказания или для исправления?

Г. Резник: Я могу вам сказать нечто очень интересное. В уголовном наказании есть колоссальное противоречие: «Наказание не только является карой за совершенные преступления, но должно также содействовать исправлению и перевоспитанию». Это формула закона. Я над ней всегда, как, в общем, не самый последний юрист – как сами понимаете – в стране и в мире, конечно, издеваюсь.

Мы живем в противоречивом мире. Специфика принятия человеческих решений состоит в том, чтобы «и овцы..., и волки...». В этом-то и заключается колоссальная сложность: если только покарать – что дальше? Помните, Жиглов: «Вор должен сидеть в

тюрьме!» Давайте всех посадим в тюрьму, и на какое-то время, наверно, обеспечим хоть мало-мальски «стерильное» существование. Но потом же они выйдут!

М. Лайтман: Да.

Г. Резник: Так что, всех их карать смертной казнью? Получается, что в этом плане никакие человеческие решения не могут быть идеальны. Они не могут обеспечивать какие-то высокие цели. Они представляют собой нечто, что на данном этапе осмысленно, что наносит, может быть, меньший вред и обеспечивает ту самую ситуацию, при которой наша жизнь не превращается в ад. А несовершенство... Все человеческие учреждения несовершенны.

М. Лайтман: Да, но я все равно не понимаю. Разве у вас не появляются мысли о том, что надо работать совместно с воспитательными органами? Что нельзя просто судить человека, нельзя просто засадить его в тюрьму? Может быть, надо использовать это время, это место для того, чтобы его воспитывать? Нет смысла сажать в тюрьму, даже в Торе нет такого наказания, поскольку оно бесполезно, и его никогда у нас не было в древние времена.

Г. Резник: Могу вам сказать, что и человечество уже это осознало. Например, колонии для несовершеннолетних – они существуют всего лишь чуть больше ста лет, потому что проблема детства, как самостоятельная проблема, была осмыслена не так давно. Например, психологи, которые сейчас работают в исправительных колониях.

Но я могу вам сказать, сейчас это разные измерения. Все-таки духовное воспитание, высокое, с религиозными началами, – это то, что необходимо, конечно, обществу. Но право действует более приземленно, и оно должно обеспечить некий единый формальный критерий для неодинаковых людей. В этом суть права. Иначе, если право не формализовано, то получается просто-напросто произвол.

Сейчас, вдруг, на права человека начались нападки весьма достойных религиозных деятелей. Они говорят: «Права человека универсальны, – нет, – права человека должны быть для хороших людей, а для плохих людей никаких вообще прав не должно быть».

Вот только кто будет определять: хороший человек или плохой? А права человека универсальны! Каждый, привлекаемый к уголовной ответственности, самый распоследний чикатило, имеет право на защиту. Это и обеспечивает справедливость судебного разбирательства, но никак не может выполнять какую-то воспитательную роль, которую, в известной степени, должны взять на себя мировые религии и, конечно, учителя.

Но здесь очень тонкая ситуация, потому что люди смотрят: а кто учит? Должны быть, действительно, люди, которые пользуются такой репутацией в обществе, что им нельзя бросить фразу: «Врачу: исцелись сам!»

М. Лайтман: Скажите, пожалуйста, как совмещаются между собой в законе часть, которая говорит «нельзя» и часть, которая говорит «обязан»?

Г. Резник: Я не вижу большой разницы между ними. Надо только уточнить, о каком срезе права вы говорите. Есть гражданское право. Оно регламентирует договорную сферу – сферу сделок между людьми. И там принцип: «все, что не запрещено, то разрешено». Есть сфера публичного права, а там – то, что запрещено, то никоим образом не разрешено. А есть сфера государственного права... Таким образом у нас устроено право.

В. Корельский: У меня вопрос к участникам диалога: что может защитить общество от преступления?

Г. Резник: Я говорю совершенно определенно: от преступления отдельных лиц защитить общество ничто не может. Но от разгула преступности как социального явления общество могут защитить на разных уровнях соответствующие меры, которые принимает человечество. Ведь причины преступности не специфичны.

Например, безработица: возрастание уровня безработицы вызывает увеличение разрыва между доходами богатых и бедных слоев, обнищание людей и так далее, а это, в свою очередь, влечет самые разные девиантные поведения: кто-то кончает жизнь самоубийством, кто-то уходит в эскапизм, а кто-то начинает совершать преступления, и уровень преступности повышается.

Уровень преступности не может быть нулевым, на него влияет масса факторов: тут и национальный характер, и определенная культура того или иного общества, и многое другое. А функции защиты выполняют уголовные законы, суды и полиция, которые, соответственно, держат преступность под контролем. Представим себе, что мы сейчас убрали милицию с улиц, например, Москвы... Я не знаю, правда, как в Иерусалиме, мне кажется, там лучше ситуация. А у нас многие просто не дойдут до дому. Но этот контроль совсем не гарантирует того, что преступлений не будет совершаться вообще. Это утопия.

М. Лайтман: У нас не то, чтобы разные подходы – мы относимся к разным сферам деятельности. Генри Маркович имеет дело с преступниками. Я же хочу приподнять людей на новый уровень, уберечь от преступлений, но не от тех, о которых говорит наш уважаемый адвокат, а от преступлений совершенно иного рода – нравственных – против человечества, человечности, против нашего отношения к ближнему. Наказать, воспитать после наказания – это все потом. А как приподнять человека? Поэтому все мои интересы, в принципе, направлены на достижение этой цели.

Моя область – это воспитание, и воспитание не как предупреждение проступков, а как подъем человека на совершенно иной моральный уровень. Поэтому, конечно, у нас разные плоскости деятельности.

Вы считаете, что если повысить занятость населения, если предпринять еще какие-то шаги, то, таким образом, можно уменьшить количество факторов, подталкивающих человека к противозаконным действиям. Но как заранее делать так, чтобы не склонять человека к правонарушениям, не давить на него, не поощрять каким-то скрытым образом? Вот это – самое главное.

Г. Резник: Во-первых, я хочу уточнить: я имею дело не с преступниками, а с людьми, которые обвиняются в совершении преступления. У меня достаточно счастливый адвокатский опыт. Я достиг немалых успехов, защищая людей, и они были оправданы. Так что, нельзя приравнять преступника к человеку, который обвиняется в совершении преступления.

Теперь, что касается воспитания. Вы считаете, что можно таким образом воспитать человека, что он никогда не совершит никакого преступления? Мне кажется, что это утопическое представление о человеке. Ведь бывают такие ситуации, когда человек не может справиться с гнетом страшных, трагичных обстоятельств, которые на него наваливаются. Например: убийство в состоянии аффекта, кража, для того чтобы раздобыть деньги и спасти смертельно больного близкого человека. По богатству мотивации преступления очень сильно отличаются одно от другого.

Что касается вообще воспитания людей, то, как это ни страшно, наверное, большие массы людей на какое-то время как-то очищаются, сталкиваясь со страшными событиями,

о которых, может быть, полного представления не имели. Я имею в виду народ Германии, который узнал во всем объеме о Холокосте только благодаря Нюрнбергскому процессу, давшему толчок к осмыслению этого страшного зла.

Но, единственное что я могу сказать: никакого лимита на геноциды, на массовые преступления, на революции у человечества нет. Это мы себя уговариваем: «человечество лимит исчерпало. Кровь больше не будет литься».

Человечество такое, какое оно есть. И очень большая ответственность, между прочим, лежит на элитах, на правительствах, и, конечно, на духовных лидерах, особенно в тех странах, где достаточно сильны религиозные чувства.

Я считаю, что никакие воспитательные меры, никакой подъем человека на какие-то выси не может гарантировать полностью от повторения самых страшных событий. Нас все время этому учит история. Это постоянно повторяется. А мы говорим: «Лимиты исчерпаны!» Не исчерпаны эти лимиты, и не могут быть исчерпаны!

В. Корельский: Так неужели нельзя предотвратить массу преступлений?

М. Лайтман: Он правильно сказал, в принципе. То есть его взгляд такой, что человечество все равно никогда-никогда-никогда до конца не осознает того, что оно дошло до тупика, что надо закончить на этом, иначе невозможно. Оно всегда будет думать: «Ну, все, дальше будет хорошо», и будет продолжать действовать, не исправляя себя. То есть не будет ощущать, осознавать того, что оно должно исправиться, что оно должно как-то выйти на другой уровень существования, - история будет повторяться. Так я понял.

Согласно каббале, конечно, это не так. Мы видим, что развитие человечества, сопровождающееся усилением кризисных явлений (депрессия, самоубийства и так далее), ведет его по определенному направлению, к ощущению того, что оно должно разобраться, в конце концов, в своей жизни, и найти решение всех этих проблем.

Я надеюсь, что это произойдет в наше время. Я говорю, конечно, с точки зрения каббалы.

Но меня интересует ваше мнение – мнение человека с огромным опытом, с огромными знаниями, заслугами. Вы считаете, что пока особой надежды нет?

Г. Резник: Я полагаю, что не должно быть завышенных ожиданий. Участь человека на этой земле, в общем-то, трагична. И нам с вами нужно руководствоваться единственным принципом: делай, что должно. Делай, что должно! И не разочаровывайся, ни в коем случае не опускай руки!

Вам, человеку, который посвятил себя постижению духовной сути мира, нужно нести эту ношу, взирая без розовых очков на состояние человечества, учить, вразумлять, разъяснять, звать к духовным высотам, не рассчитывая, что при нашей с вами жизни что-то радикально изменится. Многих учителей, очень нравственных людей, губило нетерпение. Лучшее всего об этом сказал неподкупный Максимилиан Робеспьер: «Наша цель – добродетель, в противном случае – террор». Это Робеспьер, понимаете!

И у нас существовала в начале утопия власти. Во всяком случае, первое поколение эсдеков, большевиков (среди них, кстати, было много нашего люда) действительно хотели соорудить рай на земле. А поскольку хотелось при жизни, то во что это вылилось? Это вылилось, естественно, в концентрационные лагеря, это вылилось в расстрелы. Потому что никак не хотели мириться с тем, что человек, знаете ли, плохой.

В 1967 году в журнале «Новый мир» было опубликовано стихотворение: «Если бы не люди». Суть его белым стихом: «Если бы не люди! Господи, люди такие ужасные, такие плохие! Мы их зовем к высотам духовным, а они идут в семью и рассуждают о том, что

бы им пожрать и выпить. Мы их нацеливаем на высокие идеалы государства, а они идут на стадион или в пивную! Если бы не люди! Люди такие плохие, люди ужасные! Если бы не люди, какой был бы чудесный мир! Но есть люди..."

Михаэль, что вы скажете на это?

М. Лайтман: (Смеясь) Да, я понимаю.

Ничего не скажу. Вы правы, и вам и мне надо работать и пытаться действовать с двух сторон. Я думаю, что мы действительно с разных сторон идем к правильной и возвышенной цели: вы хлопаете их по «мягкой» части, а я тащу их вверх, так сказать, за волосы.

Я – оптимист. Я занимаюсь каббалой уже почти 35 лет, но не разочаровался, и терпение у меня есть. Что сделаешь? Естественно у меня много противников и ненавистников. Жизнь ставит все на свои места и довольно трезво. Приходится очень часто быть адвокатом самому себе. Но, все-таки, живу мечтой.

Г. Резник: Знаете, Михаэль, нам не надо быть адвокатами самим себе. Не помню, кто сказал хорошую фразу: «Будь жесток к себе, иначе люди будут к тебе жестоки». Нам, прежде всего, нужно предъявлять к себе достаточно высокие требования, потому что есть то, что называется совестью, есть честность перед самими собой.

Мы, между прочим, с вами тоже состоим из крови, костей и мяса, и бывают, наверно, какие-то поступки, которые... Могу сказать, что подлостей в жизни я не совершал, вроде бы. Но иногда бываешь несправедлив к человеку, иногда совершаешь какие-то скоропалительные поступки, иногда где-то промолчишь, понимая, что за тобой адвокатское сообщество или, скажем, семья.

И вот здесь, главное, нам нужно быть честными с самими собой, не превращать отступничество в принцип. Мы включаем защитный механизм и всячески себя обеляем, в то время как надо сказать прямо самому себе: «Знаешь что, милый, здесь ты был не на высоте». И идти дальше, идти дальше, в общем, понимая, что жизнь будет после нас.

Я бы очень хотел, очень хотел, чтобы вы оказались правы, и к 6000-му году (осталось 233 года, по-моему) осознав, что оно идет в тупик, человечество прониклось мудростью каббалы и пришло в гармонию с природой. А я помолюсь (у меня свои интимные отношения с Богом), чтобы за 233 года человечество себя не уничтожило и добралось бы до этой точки, которая, как вы считаете, будет поворотной, и, видимо, люди станут другими.

Помните, у Станислава Лема есть фантастически-ироническое произведение «Звездные дневники Ийона Тихого». Так вот, в одном из путешествий он оказывается на планете Пинта, и обнаруживает, что ее жители ходят по колено в воде. Он спрашивает: «В чем дело?»

Когда-то планета Пинта – ответили ему – была безводной, и чтобы обводнить планету, было создано министерство ирригации. Министерство ирригации свою задачу выполнило, и, когда воды стало достаточно, оно превратилось в самое могущественное учреждение на планете. Понятно, что был совершен переворот, и глава этого учреждения стал главой планеты Пинта.

Министерство работало и поэтому воды становилось все больше и больше. И возникла теория, что жители планеты со временем должны превратиться в «бальдуrow» и «бадубинов». И когда Ийон Тихий спрашивает: «А кто это такие?», ему отвечают: «Их никто не видел, но, как говорит верховный правитель, это люди, которые живут под водой. И вот сейчас повышается уровень воды на 10-20 сантиметров».

Мне кажется, что вы все-таки считаете, что эти несовершенные, противоречивые люди должны превратиться в один момент в «бальдуrow» и «бадубинов», в каких-то «других».

Ну, дай Бог, я ведь не спорю с этим. Я даже желаю вам успеха. Но я знаю, что мой путь на этой земле, заканчивается, и я еще раз повторяю: я молню лишь о том, чтобы за эти 233 года человечество себя не уничтожило, чтобы как можно раньше проявился инстинкт самосохранения. А то, возможно, человечество и не проживет эти 233 года – все-таки приличная дистанция.

М. Лайтман: Когда мы смотрим на человека последних десятилетий, то видим, как постепенно разрушаются все те устои, на которых человечество строило свою жизнь на протяжении тысячелетий, то есть семья, связь родителей с детьми, наркотики, уход от жизни. Все эти проблемы, я бы сказал, качественно новые в нашем поколении.

Как вы считаете, что же за ними?..

Г. Резник: С моей точки зрения, это издержки перехода человечества от традиционного общества к обществу современному.

Что такое традиционное общество? Это общество коллективистское. И столетиями воспроизводился один и тот же уклад жизни: человечество занималось скотоводством, земледелием, хлебопашеством. И каждое новое поколение, в общем, воспроизводило уклад жизни отцов и матерей.

Сейчас мы вступили в совершенно новый период: создается некий искусственный мир – мир техники, а в центре жизни оказывается отдельная личность. Я считаю, что это естественный прогресс, потому что прогресс человечества – это прогресс человеческой свободы. А свобода – свобода выбора, свобода воли (что, собственно, одно и то же) – упирается в отдельного человека с его разумом и волей. И все будет зависеть от того, как отдельные представители человечества сделают правильный или неправильный выбор.

Регуляция поведения с помощью некоторых традиционных норм уходит, а взамен должно вырасти то, что называется самосознанием и правосознанием. То есть, соответственно, регулирование поведения уже не тем, что вот это нельзя. А нельзя – почему? А это даже не обсуждается, табу. Это нельзя, потому что так было на протяжении тысячелетий. А сейчас нужно разъяснять, почему это нельзя.

Если не будет у человека внутренних ценностей, которые бы подсказывали ему то поведение, которое я называю «правопослушным», а вы называется «праведным», естественно, человечество рухнет в пропасть. Эта безудержная тяга к комфорту, к удовольствиям, к наслаждениям, этот уход от ответственности, – все это я квалифицирую как издержки периода перехода к какому-то новому измерению.

Мы же не можем – я, во всяком случае, – даже представить, к каким достижениям придет наука. В наших генах столько запрограммировано, что, как я думаю, только очень малая часть сейчас расшифрована. Мне кажется, что вы абсолютно правы в том, что альтруизм также коренится в природе человека, как и эгоизм.

А то, что мы называем «совесть», – это, безусловно, какая-то программа, которая существует в человеке. Почему? Потому что свобода заключается не в марксистском определении: «свобода – это осознанная необходимость». Это не так. Свобода – это преодоленная необходимость, когда силой разума, силой воли человек способен прервать линию причинности, весьма негативную для него, и с нуля начать новую.

Мы должны воспитывать у людей высокое чувство свободы, что вообще абсолютно не синонимично понятиям монархии и воли, как у нас, к сожалению, на матушке Руси считается.

М. Лайтман: Тогда скажите мне, пожалуйста, как же мы подойдем к этому новому человеку, к этому новому обществу, к этим новым отношениям? Все это должно уже сейчас зародиться, уже сейчас люди должны прийти в соответствие с тем, как они

изменяются внутри. Природа нас каким-то образом изнутри меняет, а мы снаружи еще упираемся и не желаем никак соответствовать ей.

Г. Резник: Не согласен. Природа человека константна. Просто-напросто, условно говоря, силы добра внутри человека должны постепенно увеличиваться. Зло в человеке никогда не исчезнет. Не приведи Господь поставить задачу формирования нового человека! В истории это было. У нас были два революционера: Ленин и Гитлер. Ну, Сталин, он не был революционером, Сталин был просто уголовник. А вот Ленин, он был революционер, он поставил задачу воспитания нового человека, советского. А Гитлер тоже был революционер, он поставил задачу воспитания нового типа германца. Что из этого получилось, Михаэль, мы с вами прекрасно знаем. «Простите пехоте», никаких планов сверху о выстраивании какого-то нового человека быть не должно.

Вы знаете, мне нравится современный человек со всеми, простите, вот этими самыми «прибамбасами», как принято говорить. Надо создавать некие условия – и внутренние, и внешние, чтобы они толкали человека скорее к добру, чем к злу. И это на разных уровнях: и на уровне духовного воспитания, на котором вы действуете, и, скажем, на уровне социального управления, на уровне неких благих реформ, к которому ближе я, например. Это и на уровне правосудия, которое должно быть справедливым.

Вы знаете, нормальные люди откликаются, между прочим, на справедливость в обществе. А ситуация состоит в том, что, к великому сожалению, несправедливости в обществе много. Несправедливость эта разлита в верхних слоях, в элите, которая очень часто бывает безответственна, или, согласно вашей терминологии, беспредельно эгоистична. Она цинично плюет на простых людей, которых она считает, видимо, как говорил Ришелье, «навозными жуками».

И вот эта ситуация противостояния, когда люди не столько реагируют на то, что бывает плохо в жизни, как на то, что жизнь устроена несправедливо, – это, безусловно, повышает вероятность совершения преступлений.

Нам нужно делать общество более справедливым.

Кстати сказать, я же не продолжил четверостишие Губермана: «Не молясь и не зная канонов, я мирской многогрешный еврей. Но ушедшие шесть миллионов продолжают жизнью моей».

Так вот, я хочу вам сказать, что когда я приезжаю в Израиль, мне представляется, что в этом необычном государстве, которое рождено, конечно, совершенно специфическими причинами, и, прежде всего, конечно, Холокостом, мне кажется, жизнь там устроена справедливее, чем она устроена на моей Родине, которой я предан, которую я люблю.

И мне кажется, что эта справедливость, какое-то единение, ощущение того, что власть, каким-то образом себя блюдет – вот, может быть, это обеспечивает то, что в Израиле, как мы знаем, уровень преступности один из самых низких в мире. Вот это очень важно.

Справедливость – интегральный показатель, по которому простой человек оценивает мир, в котором он живет.

В. Корельский: У нас есть еще немного времени на последний вопрос от вас Михаэлю Лайтману. Пожалуйста.

Г. Резник: Михаэль, вопрос у меня будет вот какой. Скажите, пожалуйста, как Вы считаете, в ближайшие десять лет, которые я себе по минимуму отмерил пребывать еще на этой земле, межнациональные, межрелигиозные распри будут обостряться, или все-таки мы можем рассчитывать, что мировое сообщество придет к твердому выводу, что это самое страшное, что может его взорвать, и оно не доползет до шеститысячного рубежа, который вами определен для коренного перелома в умонастроениях людей?

М. Лайтман: Спасибо за вопрос. Я считаю, что человечество достигнет своего прекрасного существования раньше, чем эти 6000 лет закончатся по нашему календарю. Есть все-таки программа, по которой мы развиваемся. В каббале описана эта программа и все этапы ее развития.

До сегодняшнего дня все развитие шло действительно по этой программе, – как это написано в книге «Зоар», – и все исполнялось буквально, как по часам. Задолго до нашего поколения было написано, что, начиная с 1995 года, человечество входит в особый этап развития, когда нарастающий кризис обяжет его пересмотреть всю теорию своего развития, своего отношения к жизни, пересмотреть отношение каждого человека как друг к другу, так и к себе.

Конечно, пишется о свободе воле и о том, что мы можем достичь того доброго состояния, которое намечено в природе изначально: привести человечество к подобию себе, к подобию природе. Это намечено и выполнится, но выполнится или с нашим вмешательством, то есть с осознанием того, каким образом мы должны идти к этому состоянию и разумно участвовать в нем, то есть желательно себя исправлять под те законы природы, которые мы раскрываем: что мы должны быть в гармонии друг с другом, должны соответствовать друг другу, быть в связи друг с другом, как вся интегральная природа связана между собой, как то, что мы сегодня обнаруживаем эту всеобщую глобализацию.

Если человечество все-таки это осознает... Это зависит, конечно, от правительств, это должно идти свыше. Через массы это невозможно. Мы с вами знаем, насколько массы, все-таки, зависят от того, что им дается свыше.

Через несколько дней в Израиле состоится очередной, седьмой каббалистический конгресс. В рамках нашей Академии каббалы занимаются около двух миллионов человек во всем мире, и 2500 их представителей из 60 стран собираются сейчас в Тель-Авиве. Это просто Древний Вавилон, который через 5000 лет обнаруживает свою несостоятельность и желает снова собраться вместе.

Я вижу, что это возможно. Я практик и не витаю в облаках. Я не удален от человечества, и моя работа по распространению каббалы обязывает меня все время находиться среди людей. Я считаю, что мы изменим это состояние, это осознание, хотя это очень сложно. Но, с помощью распространения этого древнего учения, которое возникло еще в Древнем Вавилоне, о том, что необходимо сохраниться вместе как один народ, с одной стороны, и, с другой стороны, природа нам помогает, все время поставляя все новые и новые проблемы, – так что, я думаю, мы достигнем этого и раньше, чем эти 6000 лет закончатся по нашему календарю.

Но конечно, проблемы нарастают и будут нарастать. Та же книга "Зоар", которая была до сегодняшнего дня во всем права, говорит о том, что если мы не преуспеем добрым путем, то тогда все народы мира ополчатся (как Вы, наверно, это тоже читали у Пророков) на Израиль, на евреев, будет следующий геноцид, будут следующие проблемы. И сегодня нас обвиняют и говорят о том, что мы являемся причиной всех проблем в мире. Внутри народов существует такое понятие, ощущение.

И это на самом деле верно, потому что от нас зависит принести в мир эту методику исправления мира. И поэтому правильно указывают на нас, что, в принципе, есть в нас то, что может помочь миру.

Я надеюсь, что не дойдет до того, что они будут предъявлять к нам серьезные претензии, и мы раньше этого состояния передадим им эту методику и реализуем нашу богоизбранность именно таким образом. И, я думаю, что также, как, с одной стороны, природа наказывает нас, а с другой стороны, распространение каббалы приведет человечество к правильному решению и пониманию, как ему дальше двигаться, так и

Ваша работа со стороны правоохранительных органов и моя работа со стороны воспитательных органов делает то же самое.

В. Корельский: Ну что ж, я благодарю участников нашего телемоста за вопросы и ответы. Сегодня была интересная беседа .

Г. Резник: Можно..?

В. Корельский: Да, пожалуйста.

Г. Резник: Михаэль, Вы чудный, светлый человек! Давайте пожелаем друг другу (я перефразирую фразу, которую евреи друг другу говорят): до скорой встречи в Иерусалиме!

М. Лайтман: Я с Вами полностью согласен. До свидания!

В. Корельский: Вот на этом мы завершаем наш эфир. Замечательное окончание разговора. Всего хорошего! До скорой встречи! До свидания!

М. Лайтман: До свидания!

Сергей Иванов

Невозможные миры Герберта Уэллса

Когда у Герберта Уэллса, автора, в частности, «Войны в воздухе», спросили, возможен ли вскоре полет летательного аппарата тяжелее воздуха, он рассмеялся и сказал, что в ближайшую тысячу лет – вряд ли. Но не прошло и двух десятков лет, как отнесенная в далекое будущее война в воздухе началась на самом деле. Великий фантаст Герберт Уэллс не ожидал от реальности такой прыти. Воспитанный XIX веком, он и в двадцатом жил еще прежними, паровозно-пароходными темпами. С такой же меркой он писал и свою «Машину времени». Вряд ли этот англичанин предполагал, что отнесенные в непредставимое будущее (Путешественник во Времени отправляется в 802 701 год) «социальные типы» появятся и укоренятся всего через сотню лет после создания романа. Герберт Уэллс опять ошибся. Похоже, он все же слишком оптимистично смотрел на будущее человечества. Его описание далекого заката человеческой цивилизации, состоящей из двух изолированных групп – морлоков и элоев – по многим параметрам совпадает с картиной, которая складывается из наблюдений за современным «постиндустриальным» миром.

Как и общество, изображенное в «Машине времени» Уэллса, наш мир только кажется постиндустриальным, в действительности таковым не являясь. Ведь мы постоянно потребляем, а потребляемый продукт кто-то производит, не натуральным же хозяйством мы живем. Нынешняя западная цивилизация является транс-индустриальной, индустрия отнесена из цивилизованных центров на задворки – в Китай или Иваново (хотя огромные заводы и карьеры, атомные станции и нефтяные вышки располагаются даже на

территории самых развитых государств). Точно такая же картина описывается в «Машине времени». Там производство товаров потребления полностью выведено из верхнего мира в нижний, подземный. При этом верхний мир, населенный элоями, выглядит на первый взгляд райски-безмятежным. Но почти сразу Путешественник во Времени замечает, что за этой безмятежностью скрывается какое-то коренное неблагополучие:

«Мужчины и женщины будущего не отличались друг от друга ни костюмом, ни телосложением, ни манерами, одним словом, ничем, что теперь отличает один пол от другого (...). При виде довольства и обеспеченности, в которой жили эти люди, сходство полов стало мне вполне понятно. Сила мужчины и нежность женщины, семья и разделение труда являются только жестокой необходимостью века, управляемого физической силой. Но там, где народонаселение многочисленно и достигло равновесия, где насилие - редкое явление, рождение многих детей нежелательно для государства, и нет никакой необходимости в существовании семьи. А вместе с тем и разделение полов, вызванное жизнью и потребностью воспитания детей, неизбежно исчезает (...).

А маленький народец не проявлял никаких созидательных наклонностей (...). Все свое время они проводили в играх, купании, полусушительном флирте, еде и сне».

В чем-то нынешние цивилизованные люди пока не достигли утонченности элоев, а современные морлоки, по счастью, еще не поедают своих ленивых хозяев, хотя убивали и убивают их до сих пор во множестве. Однако в менталитете, по-видимому, наблюдается значительное сходство. Нынешняя цивилизация – это мир короткой памяти. Для большинства пользователей интернета прошлое начинается с 90-х годов. Существование всей предыдущей культуры признается, только если она уже переведена в электронную форму. Но и в этом случае она является скорее странной диковиной, нежели действительно прожитым и осмысленным прошлым. Характерно, что, например, публикаторы в Интернете «Машины времени» просят «проголосовать за этот текст», уравнивая тем самым классика мировой фантастики с начинающим автором литературного сайта. Вообще современному человеку кажется, что до него ничего не было. Наши дети-подростки никак не могут поверить, что самолет изобретен сто лет назад и что их бабушки и дедушки в детстве уже смотрели телевизор. Телевизор, компьютер, самолет, телефон и даже железная дорога кажутся принадлежащими только современности. Но аэроплан братьев Райт, перенесенный в заполненный «Боингами» воздух, теряет все свои положительные качества, и является не техническим достижением, а, наоборот, ничего не значащим барахлом, детской игрушкой. Если прошлое и просачивается в актуальное пространство, оно всего лишь превращается в неуклюжее настоящее, в недоделку. Почитаемая некогда старость становится непривлекательным детством. Думать о прошлом, искать в нем причины сегодняшнего дня, соответствовать такому униженному прошлому уже невозможно. В самом деле, какую оценку может поставить пользователь Интернета Герберту Уэллсу? Слог старомоден, мировоззрение сомнительно, фабула примитивна, идея не нова – ведь мы уже читали про машину времени. Если отнять у Г. Уэллса пальму первенства и исторический контекст, останется очень немного. И то, что останется, не может быть прочитано лишенным способности к рефлексии читателем: особый уют уэллсовского мира, даже самых страшных его сюжетов, нельзя воспринять без соотнесения себя с миром викторианской Англии, что требует опять-таки способности ассоциировать и путешествовать в собственном воображении во времени. Чтобы Уэллс (и Диккенс, и Честертон, и Кэрролл, и Лермонтов, и кто угодно) стали современными, были читаемы, необходимо четко осознавать временную дистанцию, расстояние на хронологической шкале, разделяющее нас с ними. А для этого нужно иметь такую шкалу. Без нее не может быть не только литературы (которая устаревает фактически сразу после написания текста), но и вообще человеческих отношений, семейных ценностей. Так красавец-прадедушка во фраке становится просто

каким-то «немодным придурком», вместе с Евгением Онегиным и Иисусом Христом.

В психологии существует понятие «социального времени», отличающегося от физического. И вот это социальное время стремительно исчезает из действительности, останавливается, истончается и имеет перспективу вовсе исчезнуть. Для человека, мерилом времени которого является компьютеро-день, почти не существует временной перспективы. Редкий смельчак отважится заглянуть во вчерашнюю френд-ленту – она и сегодня слишком велика. Прошлое уходит в никуда, к нему невозможно вернуться, следовательно – невозможно представить и себя в прошлом, во временной перспективе, сравнить с нынешним. Мир без времени становится плоским и требует столь же плоских персонажей. Интернетной вечной молодости (=безвременью) соответствует и физическая – никто не желает стареть, ибо единственным визуальным тиражированным образом является молодой человек. Старых словно бы не существует, равно как не существует и смерти – из широкого общественного контекста эта тема вычеркнута «намертво». О ней не принято говорить и практически невозможно думать, ее некуда поместить в наблюдаемом горожанином пространстве.

Нет смерти, старости, нет вчера, есть только вечное сегодня. Поэтому жизнь видится (кажется) очень простой, лишенной перипетий. Такая позиция отражается во всем – от психологии тинэйджеров до сюжетов современных кинофильмов. Если несколько десятилетий назад лирический, любовный сюжет практически любого фильма выглядел довольно сложно, со многими перипетиями («встреча – чувство – измена - преодоление измены – возвращение, или, напротив, полный разрыв»), то сейчас, похоже, в ходу только простейшая схема – «встреча-любовь на всю жизнь». Естественно, это не похоже на правду. Но непохоже только с точки зрения времени. С точки зрения безвременья именно так дело и обстоит: каждая новая встреча кончается любовью на всю жизнь, только эта «вся жизнь» каждое утро начинается заново, с чистого листа, как день сурка. Таким же примерно образом приобретается и вечная молодость – ты всегда молод, поскольку у тебя нет прошлого.

Но у мира, в котором нет прошлого, не может быть и будущего. Получается закольцованное существование, стремящееся ко сну или к анабиозу, в котором единственной религией может быть только буддизм с его круговоротом и идеей исчезновения как наилучшего исхода, избавления от головокружения. Не случайно, видимо, в XX веке буддизм или его европеизированные изводы стали популярны в массах. И не случайно на смену научно-фантастической литературе пришла литература фэнтези. Первая вся основана на идее прогресса, в первую очередь научно-технического, но и интеллектуального тоже. Второй прогресс не нужен. Она описывает мир (миры), находящиеся вне времени, по крайней мере, с точки зрения читателя. Там, в параллельном мире, есть движение, но для нас, со стороны, эти фэнтезийные королевства и планеты со временем никак не связаны. Не случайно имеется определенный читательский феномен: поклонники фэнтезийных саг прекрасно ориентируются в хронологии вымышленных королевских династий, но не могут сказать, кто жил раньше – Петр Первый или Наполеон. Интерес к настоящей истории исчезает, тогда как псевдо-история процветает (это наблюдается и на рынке квазиисторической литературы типа Фоменко). Характерно для коммерческих фэнтези также отсутствие конца - потенциально каждый такой роман стремится стать многотомной эпопеей, и даже если автор вполне четко заявляет об окончании своей истории (как это сделал Толкиен), находится Перумов, который преодолевает авторский запрет и продолжает творить дурную бесконечность. Сейчас эта тенденция распространяется в читательском быту в виде «фанфиков» - самостоятельных продолжений классических произведений. Будучи порождена присущим каждому желанием продлить полюбившийся сюжет, такая литература, по сути, обесценивает исходный «материал»; явление, не способное умереть, становится как бы нерожденным.

Оно непрерывно в одно и то же время рождается и умирает, перечеркивая самое себя. Многосерийное многословие практически равно молчанию, поскольку довольно скоро наступает предел, за которым тебя уже никто не слушает. Сюжет, как это заметно по телесериалам, вынужден постоянно колебаться на одной и той же точки, застыв в «динамической статике» и лишь слегка возмущаясь от обманных перипетий, чтобы тут же вернуться в исходное положение.

Похоже, научные фантасты были последними рыцарями Времени. Они наследовали идею линейного поступательного движения истории у средневековых гуманистов, которые, в свою очередь, опирались на христианскую традицию и христианское мировоззрение. Идея прогресса была последней христианской идеей. Прогресс теперь, даже в материальном и безбожном его виде, никому не нужен. Нужно (и щедро дается) разве что синхронное разнообразие вариантов (сотни моделей мобильных телефонов, марок автомобилей, десятки программных компьютерных систем, новые интернет-сервисы, как можно больше мелких типов и подтипов). Но простая метаморфоза не способна дать потребителю ничего принципиально существенного. Интерес, постоянно искусственно возбуждаемый, на самом деле не стимулируется ничем определенным, настоящим. В итоге возникает тотальное равнодушие, стремящееся к полному анабиозу, нирване, матрице. *«Всего более поразило меня в этом новом мире почти полное отсутствие любознательности у людей. Они, как дети, подбегали ко мне с криками изумления и, быстро оглядев меня, уходили в поисках какой-нибудь новой игрушки»* (Г. Уэллс. «Машина времени»).

Юрий Никонов

Шизотипический дискурс и эвереттика

У Вадима Петровича Руднева – известного доктора филологических наук, философа, семиотика, свой, оригинальный взгляд на психопатологию, изложенный в ряде книг и статей [14]. В своих текстах Руднев пишет, что не существует единой фундаментальной реальности для всех типов личностей и различных психических расстройств, а есть как-то смысле объективно существующие миры-реальности сангвиника, депрессивного человека, шизоида и т. д. [14]. Человек с психическим расстройством «входит» в тот или иной патологический психический мир-реальность, а реальностей столько, сколько психопатологий. Особый интерес представляет мир шизотипической (полифонической) личности, то есть личности, состоящей из мозаики различных характерологических радикалов – циклоидного, шизоидного, истерического и т. д., имеющей «несколько личностей в одной» [1, 14]. Причем, в шизотипическом мире у каждой «субличности» – своя истина, не совпадающая с истиной другого характерологического «радикала». В шизотипическом мире нередко живут и больные приступообразно-прогредиентной шизофренией вне приступа болезни. В отличие от диссоциативных расстройств идентификации (расстройства множественной личности) [11], «субличности» не сменяют друг друга, а функционируют одновременно, что и ведет к аномалиям мышления и эмоциональных реакций, эксцентричному, с точки зрения окружающих, поведению. По американской классификации DSM-IV, для личностей с шизотипическим расстройством

характерны необычные убеждения или магическое мышление, которые влияют на поведение и не соответствуют нормам данной субкультуры (например, суеверия, приписывание себе способностей к ясновидению, телепатии или «шестому чувству»).

Примером шизотипического дискурса, по Рудневу является сюжет рассказа Акутагавы «В чаще», известного также по фильму Куросавы «Росемон», где в одной реальности, в зависимости от наблюдателя, равноправно существуют три версии, три отличающихся набора событий одного и того же. Центральная часть фильма вращается вокруг различных точек зрения на изнасилование женщины и смерть ее мужа - самурая в лесу. Действие происходит в XI столетии. Зрители слышат истории, рассказанные бандитом Тадземаму, женой убитого на исповеди, духом самурая через прорицательницу. Точка зрения каждого из них излагается, причем «правда» меняется с выступлением каждого нового подсудимого. Субмир разбойника соответствует эпилептоидной личности. Субмир жены убитого мужчины – истерический. Субмир убитого самурая – шизоидный. В шизотипическом мире каждый по-своему прав. По Рудневу, несомнен факт формирования культуры XX века под прямым влиянием творчества шизотипических личностей. Он считает, что большое число художников, писателей, философов, психологов, страдавших именно этим расстройством, определило культурное лицо XX века. Шизофрения, с этой точки зрения - «цена», которую человечество платит за культуру. Наиболее известные шизотипические личности XX века — Джеймс Джойс, Карл Густав Юнг, Велимир Хлебников, Луис Бунюэль, Поль Сезанн, Владимир Маяковский, Людвиг Витгенштейн, Франц Кафка, Игорь Стравинский, Осип Мандельштам, Андрей Платонов, Эжен Ионеско, Ален Роб-Грийе, Александр Введенский, Даниил Хармс, М. М. Бахтин, О. М. Фрейденберг, Фредерик Перлз, Жак Лакан, Рене Магритт, Сальвадор Дали.

В «каком-то смысле объективно» существующие миры-реальности» Вадима Руднева соответствуют представлениям эвереттики. Гипотеза Хью Эверетта [5,3,4,6] о физическом смысле редукции волновой функции в квантовой механике оказалась важной не только для физики (сейчас ее обычно называют многомировой интерпретацией квантовой механики (ММИ)), но и в общекультурном аспекте. Интересно, что Роджер Пенроуз вспоминает, как в пятидесятые в частных беседах «многие» высказывали идеи о множественности миров. Сам Пенроуз пишет, что и ему приходили в голову подобные мысли, но развил и опубликовал эту концепцию все же Хью Эверетт [13].

Обычно различают понятия эвереттизма, как одного из разделов квантовой механики, разрабатывающего обоснования и следствия гипотезы Эверетта, и эвереттики, как общекультурного феномена, направленной на осознание и описание многомирия как фундаментальной характеристики бытия [6,8]. Эвереттизмом занимаются физики-профессионалы, опираясь на свои профессиональные знания. Эвереттика, являясь по существу гуманитарной версией эвереттизма, использует свои, более субъективные, основанные в значительной мере на интуиции, методы. В контексте эвереттики, физическая реальность представляет собой множество миров, в часть из которых человек может попасть по выбору сознания. Такая реальность называется мультиверсом. (выражение «параллельные миры», по сути, во многом совпадает с термином «мультиверс»). Само сознание каждого индивидуума – это проявление «в нашем мире» мультивидуума, существующего в мультиверсе. Мультивидуум – это связанная совокупность (обычно – на бессознательном уровне) всех проявлений «Я» человека в ветвях мультиверса. Между мирами (ветвями мультиверса) существует взаимодействие [11]. Оно проявляется в каждой из взаимодействующих ветвей в виде явления склеек, примером которых являются озарения, творческие идеи, предвидения и т.п. Мультиверс - мироздание в целом, как совокупность миров с разными физическими законами и числом измерений. Одной из составляющих мультиверса является та вселенная (универс), в которой мы обитаем [2,3,6].

Если понятие ветвления ветвей мультиверса является общепризнанным в эвереттизме, то понятие склеек, по крайней мере, пока, чаще относится к сфере эвереттики [6,8]. Как показал Ю.А. Лебедев, следует учитывать, что память, по Эверетту, является параметром всякой волновой функции. Этот учет позволяет объяснить возникновение «стрелы времени» в мультиверсе: она является следствием возрастания объема памяти при любых взаимодействиях. У каждого электрона, фотона, нейтрино появляется собственная история, поэтому картина мироздания качественно усложняется [7]. В тоже время, в каждом эвереттовском мире возможны свои, отличные от других свойства пространства-времени.

Согласно «расширенной» версии концепции Эверетта, разработанной доктором физико-математических наук, ведущим научным сотрудником Физического института им. П.Н. Лебедева РАН М.Б. Менским [9,10] и получившей название РКЭМ (расширенная концепция Эверетта-Менского), сознание (а именно, глубинные слои его, «корень сознания», присущие всем живым системам) есть функция выбора одной из множества альтернативных классических реальностей – проекций единого квантового мира. Более того, определение сознания как разделения альтернатив, по Менскому, возможно, есть и определение жизни в самом общем понимании этого слова. Возникает «квантовое расслоение» сознания, так что любой индивидуальный наблюдатель воспринимает лишь одну классическую картину мира (проекцию единого квантового мира) из всех возможных. Способность воспринять информацию из «другой реальности» квантового мира, (в том числе интуиции, метафизические и научные озарения) по Менскому, лежит «на границе сознания», «на грани бессознательного». Он считает, что доказательства такой картины Мира можно найти на основании наблюдения за работой сознания.

Доктор физико-математических наук, специалист по квантовой оптике Л.В. Ильичев из Новосибирского Государственного Университета, разрабатывает предложенную им ранее [4,5] модель формирования в сознании наблюдателя картины окружающего мира. В ней различные альтернативные картины мира соответствуют ветвям Мультиверса (граням «кристалла Менского») эвереттовской интерпретации квантовой механики. Согласно модели, каждое зафиксированное событие есть один из возможных результатов однократного применения определенной квантовой операции. Наблюдатель при этом может выбирать так называемое распутывание данной квантовой операции, меняя воспринимаемый набор событий, характер и объем воспринимаемой информации, что допускает анализ в рамках элементарной теории информации. Распутывание рассматривается как процедура неосознанного «нацеливания» наблюдателя на ту или иную трактовку получаемой информации.

Содержание и объем воспринимаемой и запоминаемой наблюдателем информации зависит и от его структуры (его физиологии в широком смысле этого слова), и от используемого распутывания. Применительно к последовательностям событий, т.е. к историям, существуют аналогичные распутывания, в том числе и экстремальное, которое обладает нетривиальными свойствами. Экстремальное распутывание историй обеспечивает наблюдателю «экстремальные» предсказательные возможности, позволяющее предвидеть максимально эффективно ход данной истории. Это так называемая «квантовая прогностика», обусловленная «зацепленным распутыванием» (entanglement unraveling), когда последовательность впечатлений, воспринимаемая наблюдателем при таком распутывании становится своеобразным «сейчас», имеющим свою внутреннюю структуру, образованную конкретным порядком элементарных впечатлений в истории [5]. Подобное возможно только ценой отказа от возможности вмешательства в процесс восприятия до завершения истории, особым переживанием времени. Вопрос о реализуемости таких экстремальных распутываний, по Л.В. Ильичеву, остается открытым.

Итак, состояния психики, обусловленные «entanglement unraveling» должны обладать следующими свойствами: чувством аномального предвидения «хода событий», невозможностью волевого вмешательства в процесс восприятия, изменением восприятия времени, что практически совпадает со «способностью к ясновидению, телепатии или «шестому чувству», «магическому мышлению» при шизотипическом расстройстве.

Ильичев придерживается реляционной трактовки понятия квантового состояния. «Квантовое состояние» - всегда есть представление знания о системе некоторой другой системы – наблюдателя. Поэтому разные наблюдатели могут приписывать одной и той же системе разные состояния. Не существует неких «истинных состояний». Реальность может быть разной для разных наблюдателей [4].

Даже один и тот же человек, но с разным состоянием психики (входящий в разные психопатологические миры) по-разному воспринимает окружающий мир, что определяет его поведение. А находящиеся рядом люди с разным распутыванием воспринимают разный набор событий. Они объективно, физически находятся в разных мирах, зачастую с разными свойствами пространства-времени, (вспомним трактовку Вадимом Рудневым сюжета «Расемон») [14].

Есть попытки использовать для описания подобных феноменов понятие виртуальной реальности (ВР) [12]. Виртуальные реальности (ВР) определяют обычно как искусственные миры, создаваемые компьютерной системой. В ВР реально работают обратные связи от нереальных, существующих лишь в математическом пространстве компьютера мнимых объектов. Иное понимание ВР включает и реальности, рождённые психикой человека без помощи техники, реальности психических расстройств, допускает объективность их существования. Эти ВР могут иметь в основе «параллельные миры» эвереттизма. Правомерен вопрос: какими свойствами может обладать пространство-время этих эвереттических реальностей (они же психопатологические миры В. Руднева).

В контексте реляционной трактовки понятия квантового состояния, «распутывания» Л.В. Ильичева, представлений М.Б. Менского о природе научной интуиции, научных откровений как получения информации из иных ветвей Мультиверса (граней «кристалла Менского») по-новому видится роль шизотипического дискурса (основы культуры XX века по Вадиму Рудневу) и личностей, через бессознательное которых в наш мир вошла эта информация. Многие психопатологические феномены получают свое объяснение в рамках развития концепции эвереттики, а ансамбли различных психопатологических миров, в которые может «входить» человек, ждут дальнейшего исследования своих временных свойств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков П.В. Разнообразие человеческих миров. М.: Аграф, 2000. - С. – 306 - 339.
2. Дойч Д. Структура реальности. Ижевск.: НИЦ «Регулярная и хаотическая Динамика», 2001. - 400 с.
3. Everett H. III. «Relative State» Formulation of Quantum Mechanics //Reviews of modern physics. 29 (3), 1957. - P. 454 – 462.
4. Ильичев Л.В. Элементы квантовой метафизики: Учеб. пособие. Ч.1. – Новосибирск, НГУ; Институт автоматизации и электрометрии СО РАН, 2006. - 64 с.
5. Ильичев Л.В. «Свободный выбор «распутывания» восприятия окружающего мира наблюдателем», Сайт МЦЭИ (<http://www.everettica.org/article.php3?ind=145>).
6. Лебедев Ю.А. Неоднозначное мироздание. Кострома, 2000. - 320 с.
7. Лебедев Ю.А. Природа необратимости с позиций эвереттики // Необратимые процессы в природе и технике. Ч. 1. – ФИАН, 2007. - С. 595 – 598.
8. Лебедев Ю.А. «Доски судьбы» как эвереттический мир Хлебникова.

Сайт (http://www.ka2.ru/nauka/lebedev_1.html).

9. Менский М.Б. Человек и квантовый мир. Фрязино, «Век 2», 2005. – 320 с.

10. Mensky M.B. Postcorrection and mathematical model of life in Extended Everett's Concept // NeuroQuantology, Vol 5, No 4, 2007. – P. 363 - 376 .

11. Никонов Ю. В. Многомировая интерпретация диссоциативных расстройств психики // Созн. и физ. реальность. 2006. Т. 11, №2. - С. 32-35.

12. Носов Н.А. Виртуальная психология. М.: Аграф, 2000. - 432 с.

13. Пенроуз Р. Путь к реальности, или законы, управляющие Вселенной. Полный путеводитель. Издательство РХД, 2007. – С. 655.

14. Руднев. В.П. Диалог с безумием. М.: Аграф, 2005. - 320 с.

Константин Жоль

В звоне мечей и тиши монастырской обители

Ислам и мусульманская культура. От Авиценны к Аверроэсу. Начало нового этапа в культурном развитии Западной Европы тесно связано с греко-арабской и византийской культурой. В период IX–X веков из арабских стран и Византии поступает и распространяется на Западе греко-латинская образованность. Без этого благотворного влияния Востока на Запад немислимо представить все последующее развитие европейской культуры.

Неискушенный читатель удивится, узнав, что объектом научного изучения ислам стал только в XIX веке. Поэтому в культурах с преобладающими религиозными ценностями иного (по сравнению с исламом) типа до сих пор еще не изжиты совершенно искаженные, обывательские представления об исламе и мусульманстве. В связи с этим уместно напомнить, что в Западной Европе впервые сведения об исламе стали распространять католические миссионеры, участники крестовых походов. В XII веке (после первого крестового похода) католический монах Роберт Кетенензис, живший в Испании и знавший довольно прилично арабский язык, перевел на латинский язык Коран в целях «опровержения» ислама. Начиная с эпохи Возрождения в Западной Европе стали появляться сочинения, специально посвященные исламу. Их появление было вызвано в первую очередь завоевательной политикой Османской империи. Противодействие этой политики предполагало полное и разностороннее знание о враждебной Западной Европе. В эпоху Просвещения ислам рассматривался как некое экзотическое явление, порожденное глупостью и невежеством людей. Впрочем, подобной критике подвергались и другие религии, включая христианство, хотя острие этой критике было нацелено не столько на идеологию, сколько на церковные организации и клириков. И лишь в XIX веке предпринимается действительно научное изучение ислама и мусульманства.

Мусульманское летоисчисление начинается с 622 года нашей эры, когда пророк Мухаммед (570–632) с небольшой группой своих приверженцев ушел из Мекки в Медину, где начал создавать из своих учеников-бедуинов военно-религиозную организацию.

В течение нескольких столетий последователи Мухаммеда завоевали и обратили в ислам народы Аравийского полуострова, Персидской империи, овладели южным средиземноморским побережьем, большей частью долины Нила, продвинулись к городам Центральной Азии.

С 675 года начались систематические арабские нападения на Испанию. В 713 году была провозглашена власть халифа в Толедо.

В 732 году, переправившись через Гибралтарский пролив и захватив территории нынешних Испании и Португалии, они достигли центра Франции, но потерпели поражение в битве под Пуатье и вынуждены были повернуть назад. Однако борьба с сарацинами продолжалась и во времена Карла Великого.

К 1638 году империи, составлявшие мусульманский мир, были на вершине расцвета. Затем начался неуклонный упадок.

Что собой представляла фигура пророка Мухаммеда?

В VI веке нашей эры в Южной Аравии имело место движение пророков-проповедников, призывавших отказаться от языческих форм религиозности в пользу единого Бога. Некоторые из этих пророков-проповедников использовали слово «аллах» («бог»), подчеркивая тем самым, что они являются доверенными лицами нового Бога. Наибольшую славу и успех своими проповедями заслужил один из них – Мухаммед. Именно он вошел в историю ислама в качестве его главного пророка.

Мухаммед родился в Мекке, экономическом и религиозном центре Аравии. Мекка в те времена являлась главным перевалочным пунктом для товаров, привозимых из Сирии, Ирака, Египта, а также из Индии, Китая, Восточной Африки. Почти все жители города так или иначе были связаны с обслуживанием торговых караванов. Организацией торговых экспедиций занималась и богатая верхушка проживавшего в Мекке племени курейш (курайш). Наряду с торговлей курейшиты занимались также ростовщичеством. Старейшины знатных курейшитских родов стояли во главе управления городом.

Согласно мусульманским источникам, Мухаммед происходил из обедневшего клана хашим племени курейш. Его отец был мелким торговцем. Родители рано умерли, и шестилетнего ребенка взял к себе на воспитание дядя Абу Талиб, у которого мальчик пас скот.

Когда Мухаммед подрос, он сделался погонщиком в торговых караванах. В двадцать четыре года поступил на службу к богатой купчихе-вдове, а затем женился на хозяйке. Некоторое время он занимался торговлей, но вскоре забросил дела и начал выступать в качестве проповедника.

Религия, проповедуемая новым пророком, получила наименование ислама. Слово «ислам» означает по-арабски полнейшую покорность верующих Богу. Муслимы, или мусульмане, – это те, кто принял такую покорность как основной смысл жизни.

Возникновение ислама сопровождалось появлением священной книги мусульман – Корана. Согласно мусульманской традиции, Коран – это запись божественных откровений, услышанных Мухаммедом, то есть слова Бога, ниспосланные людям через пророка.

После смерти Мухаммеда возник вопрос о его преемнике. Остроту этому вопросу придало то обстоятельство, что ко времени его смерти религиозная община мусульман превратилась в большое государство, которое, по замыслу пророка, должно управляться лицом, соединяющим в себе функции духовной и светской власти, – халифом (заместителем пророка). Споры вокруг «престолонаследия» привели к образованию двух главных течений в исламе – суннизму и шиизму.

Шииты считали, что халифом должен стать ближайший родственник пророка Али. Но в 661 году Али пал от руки убийцы, в результате чего шииты оказались в затруднительном положении и вынуждены были отойти от руководства халифатом.

Сунниты – верующие, признающие святость Сунны, то есть Священного Предания, состоящего из рассказов о жизни пророка. Постепенно Сунна стала своеобразным комментарием к Корану.

Сунниты признавали текст Корана целиком и безоговорочно в отличие от шиитов,

которые считали, что некоторые места, относящиеся к Али, были их противниками сознательно опущены. Главную роль в суннитском мировоззрении играет доктрина о верховной власти в мусульманском государстве, а именно: во главе мусульманской общины должен стоять правитель и духовный наставник из рода пророка, но не обязательно прямой потомок основателя ислама. Шииты же считают законным только наследственный принцип передачи власти.

В исламе, как и во всякой иной религии, имеет место борьба различных направлений, течений, сект.

Фальсифицируя исламскую идеологию, католическая церковь пропагандировала превратный образ христианства как религии мира, которая распространяется якобы посредством убеждения и только убеждения. Удивительно, писал по этому поводу английский востоковед У. Монтгомери Уотт, как люди, участвовавшие в кровавых крестовых походах, могли считать, что их собственная религия является религией мира.

Чтобы понять роль ислама в истории человечества, надо иметь в виду следующее: ислам, как и христианство, учит прежде всего смирению и послушанию. В исламе насчитывается пять основных обязанностей мусульман, пять «столпов» веры (исповедание веры, молитва, пост, религиозный налог, паломничество). Иногда фигурирует еще шестой «столп» – обязанность участвовать в священной войне против неверных (джихад).

Каково отношение ислама к войне?

Первоначально понятие джихада указывало на обычай набегов, распространенных среди кочевых арабских племен в доисламские времена.

В Коране о джихаде говорится как о «войне по пути Аллаха». Последователи пророка Мухаммеда подразумевали под джихадом священную войну во имя веры. Именно под знаменем джихада начались арабские завоевания, в основе которых лежали не столько религиозные, сколько сугубо мирские интересы. Но так как эти интересы были интересами теократического государства, где политика не ограничена от религии, то они всегда имели религиозную мотивировку. Таким образом, все войны, предпринимаемые мусульманскими государствами с теократическими режимами, являлись «священными», то есть религиозно окрашенными войнами.

Мусульмане различают малый джихад и великий (большой) джихад. Малый джихад – это война в собственном смысле слова. Большой джихад – это мирные формы деятельности, требующие известного напряжения сил (физических и духовных). Когда термин «джихад» употребляется без уточнения, то обычно имеется в виду малый джихад, то есть священная война.

Священная война с неверными первоначально имела смысл борьбы только с язычниками, поклоняющимися идолам, а не с иудеями или христианами, исповедующими, как и мусульмане, монотеистические религии, которые считались родственными исламу, хотя и отошедшими от «первоначальной чистоты веры».

Относительно монотеистических религий целью малого джихада становилось не обращение покоренного населения той или иной страны в ислам, а подчинение их мусульманским порядкам. С учетом этого малый джихад не есть насаждение ислама посредством меча. Но, увы, так было не всегда и не везде. Был меч, была кровь и было полное забвение близости исламу других монотеистических религий.

В Средние века за короткое время Средиземное море превратилось в гигантскую арену боевых действий. Мусульманский мир полумесяцем окружил Европу. Прекратился приток золота с Востока, европейцы перешли на серебряные деньги.

Арабская экспансия в Европу имела и свои положительные черты для воинственных мусульман: они очень быстро приобщились к греческой культуре, хотя ей и не подчинились, ибо стремились сами подчинять себе другие народы. Между прочим,

подчинение мусульманским порядкам покоренных народов означает подчинение мусульманскому праву (шариату). В этом праве нет подразделений на гражданское, уголовное и религиозное право. Характерной чертой шариата является доминирование религиозной точки зрения на все жизненные вопросы. Именно это и составляет наибольшую трудность в управлении государством, в котором, например, большинство населения исповедует другие религии и придерживается совершенно иного обычного права.

К исходу VIII столетия к сарацинской угрозе добавилась угроза со стороны викингов, которые начали свирепствовать в Англии и во Франции. Норманнская опасность окончательно была устранена лишь в конце первой половины XI века. К этому времени ослаб и мусульманский натиск в Средиземноморье.

Хотя ислам препятствовал культурным контактам с Византией и романо-германским миром, тем не менее такие контакты не только существовали, но и развивались. Арабская рецепция античной культуры способствовала наведению мостов между мусульманами и христианами Западной Европы, что в ряде случаев поощряло веротерпимость. Для современного историка нет ничего странного в таком феномене как арабо-европейская культура высокого Средневековья. Не удивляется он и тому, что в арабской Испании, от Севильи и до Кордовы, процветало свободомыслие, вызывавшее раздражение с обеих сторон – со стороны мусульманских вероучителей и христианских богословов.

В XI–XII веках французы и англичане толпами устремлялись в арабские города Андалусии в поисках старых и новых знаний. Благодаря переводам с арабского на латынь сочинений древнегреческого врача Гиппократ, философских произведений Аристотеля, древнегреческого математика Евклида, астрономических и географических трактатов Птолемея, работ древнеримского врача Галена стало возможным основание высших школ в Западной Европе и последующее научное развитие. Европа получила от Востока геометрию, арабские (индийские) цифры, начала алгебры.

Здесь уместно напомнить, что в VIII–IX веках индийцы становятся учителями арабов; индийские астрономы приглашаются в Багдад ко двору халифа; сочинения величайших индийских астрономов Арьябхатты (V–VI века) и Варахамхира (VI век) переводятся на арабский язык. Свою десятичную систему позиционного счисления индийцы передали арабам, а через них и всему цивилизованному миру. Арабы называли эту систему «индийской нумерацией». Собственные сочинения по арифметике они также называли «правилами индийской арифметики».

Европейское слово «цифра» (англ. cipher, нем. Ziffer и др.) происходят от арабского слова «tsaraga» (или «siphra»), обозначающего ноль.

В Испании при арабах были основаны большие библиотеки во всех крупных городах. Общее число библиотек достигало семидесяти.

При каждой мечети были устроены общеобразовательные народные школы, преимущественно для неимущих. Для детей зажиточных сословий существовали специальные училища, обычно помещавшиеся в двадцати или тридцати комнатах, из которых каждая предназначалась для четырех учеников.

В Кордове, Гренаде и других больших городах имелись свои университеты. В университетах читались лекции о сочинениях арабских классиков, а также преподавалась риторика, математика и другие науки. На особых университетских собраниях читались поэтические произведения, произносились речи на различные философские и научные темы. Многие из приемов и методов, используемых в мавританских университетах, затем были взяты на вооружение западноевропейскими коллегиями, академиями и университетами.

Кроме общеобразовательных школ и университетов, существовали и медицинские школы, в которых уровень преподавания был исключительно высок. Арабы первыми

ввели приложение химии к медицинской теории и практике, для объяснения отравлений человеческого тела и лечения соответствующих болезней. Многие из терминов арабской фармацевтики до сих пор в ходу во многих европейских языках (symp, elixir и др.), не говоря о таких терминах арабского происхождения, как: admiral, alchemy, alcohol, algebra, chemise, cotton и др.

Арабы первыми исправили ошибочное учение греков о природе зрения, доказав, что лучи света идут от внешних предметов к глазу, а не наоборот, как считали греки. Это объяснение базировалось не на абстрактной гипотезе, а на обстоятельных анатомических исследованиях и геометрическом анализе. В результате был сделан вывод, что главный пункт зрения находится в сетчатой оболочке глаза, а затем восприятие света передается зрительным нервом мозгу. В XI–XII веках надо было иметь немало смелости, чтобы утверждать подобные вещи, предполагающие запрещенные анатомические исследования.

Европейцы обязаны маврам не только достижениями в области научной мысли, но и развитием промышленных технологий. Именно они первыми познакомили Европу с порохом и артиллерией, с морским компасом и обработкой шелка.

Одним из великих посредников в контактах между представителями культур Востока и Запада был человек, которого на Востоке называли Духовным Наставником, а на Западе – Авиценной. Полным его именем было Абу-Али аль-Хусейн ибн-Абдаллах Ибн-Сина, сокращенно – Ибн-Сина. О своей жизни Ибн-Сина, родившийся около 980 года, кое-что нам рассказал. Послушаем его.

– Отец мой был родом из славного города Балха, – вспоминал Духовный Наставник. – Обзаведясь семьей, он переехал в Бухару. Вскоре в доме появился учитель Корана и словесности. Когда мне исполнилось десять лет, я уже настолько усвоил Коран и многие словесные науки, что вызывал всеобщее удивление.

Как-то в Бухару приехал Абу Абдуллах ан-Натили, известный философ и врач. Отец поселил его в нашем доме. Под руководством ан-Натили я приступил к изучению книги по логике греческого философа Порфирия.

Наши философские занятия шли успешно. В конце концов учитель посоветовал отцу не занимать меня ничем, кроме науки.

Постепенно я превзошел ан-Натили в понимании тонкостей логической науки и начал самостоятельно читать книги, изучать комментарии, пока не закрепил знание логики. Так же самостоятельно я проштудировал «Начала» греческого математика Евклида. Потом я перешел к изучению «Алмагеста» греческого математика и астронома Птолемея.

Когда я вчитывался в «Алмагест», ан-Натили распрощался с нами и уехал в столицу Хорезма город Гургандж. После его отъезда я занялся чтением книг по физике и метафизике, а также начал знакомиться с комментариями к произведениям Платона и Аристотеля. Благодаря этому упорному труду передо мной стали раскрываться врата науки.

Потом я увлекся наукой врачевания и стал читать книги, написанные о ней. За короткое время я настолько овладел этой наукой, что даже самые превосходные мужи медицины стали учиться у меня врачеванию. Свои теоретические знания я закрепил посещением и лечением больных. Вместе с тем продолжал изучать мусульманское право и участвовать в дискуссиях по вопросам права. В то время мне было шестнадцать лет.

Затем в чтении полутора лет я продолжил изучение логики и других частей философии. Постепенно многое стало проясняться. Всякий раз, когда я терялся в решении какой-либо проблемы, я шел в мечеть и, совершая молитву, взывал к Творцу, пока он не открывал мне скрытого и не облегчал трудного.

Укрепившись в логике, физике и математике, я вновь обратился к изучению метафизики и прочел книгу Аристотеля «Метафизика». Вначале я ничего в ней не понял, не понял и тогда, когда прочитал ее в сороковой раз. В отчаянии я сказал себе: «Эта

книга, к пониманию которой нет пути».

Но вот однажды пошел я на базар к переплетчикам книг. На базаре я заметил торговца, громко расхваливавшего какую-то книгу. Он предложил ее мне, но я решительно отказался. Тогда торговец сказал: «Купи ее у меня, я продам тебе ее дешево, за три дирхема». И я купил эту книгу, которая оказалась сочинением известного философа и математика Абу Насра ал-Фараби под названием «О целях книги «Метафизики».

Вернувшись домой, я поспешил прочесть купленную книгу. Сочинение ал-Фараби открыло мне глаза на содержание аристотелевской «Метафизики». Я очень обрадовался этому и на следующий день раздал много милостыни беднякам.

Как-то раз заболел правитель Бухары Нух ибн-Мансур. Врачи оказались не в состоянии исцелить его. Поскольку мое имя было известно в их среде, они упомянули обо мне. Я был немедленно вызван во дворец. Ибн-Мансур остался доволен мной и разрешил посещать его библиотеку, чтобы изучать имеющиеся там книги по медицине. В библиотеке встречались книги, название которых многие люди никогда не слышали и сам я не видел их ни ранее, ни после того. Я внимательно прочел эти книги, усвоив все полезное, что было в них.

Когда я достиг восемнадцати лет, завершилось мое изучение всех наук. Вскоре умер отец, и мое положение изменилось: я занял одну из должностей при правителе Бухары. Однако необходимость вынудила меня оставить Бухару и переехать в Гургандж, где я был представлен тамошнему эмиру Али ибн-Мамуну. Поскольку я носил одеяние знатока права, меня назначили на соответствующую должность.

Потом необходимость вынуждала меня много раз переезжать из одного города в другой. Во время этих скитаний я сочинил о своем положении касыду, в которой были такие строфы:

Когда я стал велик, не стало страны, вмещающей меня.

Когда возросла моя цена, не нашлось на меня покупателя.

На этом Ибн-Сина прерывает свой рассказ. Дополнительные сведения о жизни этого талантливого ученого сообщает его сподвижник Абу Убайд ал-Джузджани.

Однажды в Хамадане Духовный Наставник вылечил правителя, который в знак благодарности назначил его визирем. Своим предложением о способах ведения войны новый визирь вызвал недовольство у военачальников, затеявших по этой причине смуту и осадивших его дом. Осада закончилась арестом мудреца и разграблением имущества.

Сорок дней скрывался Духовный Наставник у одного из своих знакомых, пока с эмиром не случился очередной приступ болезни. Тогда эмир призвал его к себе и возвратил опальному сановнику должность визиря.

Когда умер владыка Хамадана, Духовный Наставник предложил свои услуги эмиру Исфохана. Об этом стало известно наследнику умершего эмира, предлагавшему ему остаться на прежнем посту визиря. Разозлившись на подобное своеволие, новый правитель Хамадана приказал схватить Духовного Наставника и бросить в тюрьму крепости Фардаджан, где бедняга провел четыре месяца, пока войска эмира Исфохана не захватили Хамадан.

Живя в Исфохане, Духовный Наставник закончил работу над «Логикой» и «Алмагестом», а также дал сокращенное изложение некоторых математических работ Евклида. Здесь же он изобрел такие инструменты для наблюдения за планетами, каких раньше не существовало, и сочинил о них трактат. В Исфохане было написано его замечательное произведение под названием «Книга исцеления».

Последние годы своей жизни Духовный Наставник часто болел – досаждали желудочные колики. Болезнь обострялась. Он знал, что силы его истощились, их не

хватит для победы над болезнью. И вот сей благородный муж отказался заниматься своим лечением, сказав: «Тот, кто управлял моим телом, стал бессилён управлять им, и теперь лечение не принесет пользы».

Умер Ибн-Сина на пятьдесят седьмом году своей жизни, так и не познав радостей семейного очага, хотя в своей жизни любил многих женщин.

Философское наследие Авиценны оказало сильное влияние на развитие научной и философской мысли мусульманского Востока и христианского Запада. Особое влияние его идей испытал на себе великий Ибн-Рушд, известный в Европе под именем Аверроэса.

Абу-ль-Валид Мухаммед ибн-Ахмед ибн-Рушд родился в 1126 году в Кордове (Испания) в знатной семье. Его дед и отец были великими кадиями (судьями) Кордовы.

Следуя семейной традиции, Ибн-Рушд еще в детские годы начал изучать мусульманское богословие, право и арабскую литературу.

Важную роль в жизни Ибн-Рушда сыграло знакомство с эмиром Абу-Якубом Юсуфом, который любил проводить досуг в обществе поэтов, музыкантов и философов Кордовы. С эмиром его познакомил Ибн-Туфейль, выполнявший при дворе халифа обязанности визиря и лейб-медика.

Незадолго до своей кончины Ибн-Туфейль уступил место придворного лейб-медика Ибн-Рушду, который в свое время занимался изучением медицины.

Когда умер Абу-Якуб, престол занял его сын Абу-Юсуф Якуб, уважительно относившийся к Ибн-Рушду, состоявшему в то время на должности великого кадия Кордовы.

В личности Ибн-Рушда подкупал не только светлый и глубокий ум, но и высокие моральные качества, включающие скромность и снисходительность к ошибкам и недостаткам других. Это импонировало новому халифу, человеку образованному и нечванливому. Иногда они вместе проводили многие часы в разговорах на литературные и философские темы. Эта близость к халифу крайне раздражала придворных завистников и тревожила мусульманских ортодоксов.

В 1195 году на собрании кордовских богословов были сурово осуждены андалусские книжники во главе с Ибн-Рушдом. Изменившаяся политическая ситуация вынудила халифа запретить изучение философии и в приказном порядке изъять и сжечь все сочинения, внушающие подозрения, а самого Ибн-Рушда сослать в небольшое еврейское селение близ Кордовы.

Опала философа длилась не долго. После победоносного окончания одного из военных походов, принесшего халифу почетный титул Победителя, он вновь пригласил Ибн-Рушда во дворец в Марокко, где тот и умер 10 декабря 1198 года. Через несколько месяцев его останки были перевезены в Кордову.

Ибн-Рушд отличался исключительным трудолюбием. Это подтверждает и его обширное творческое наследие, включающее в себя сочинения по философии, филологии, юриспруденции, наукам о природе, медицине, астрономии. Им было написано много комментариев к произведениям Аристотеля. Эти комментарии стали настолько популярны, что автора иногда называли просто Комментаром. На Западе о нем говорили так: «Аристотель объяснил природу, а Аверроэс – Аристотеля».

Главную задачу своих философских изысканий Ибн-Рушд видел в том, чтобы отделить философию от богословия, освободив ее от мертвящего груза догматизма. Понимая всю сложность и опасность этой задачи, ученый формулирует ее в терминах мусульманского права и делает осторожный, но вполне определенный вывод: «Поэтому самые верные слова – те, что гласят: каждый пророк есть мудрец, но не каждый мудрец – пророк».

В первой половине XIII века комментарии Аверроэса к работам Аристотеля становятся известны в Европе. Его философские идеи оказались более чем своевременными, поскольку напуганные смельчаки на освобождение философии и науки от удушающей

церковной опеки. Почувствовав это, церковники злобно ополчились на Аверроэса и его европейских последователей. В 1210 году сочинения Аристотеля с комментариями Аверроэса были запрещены на соборе в Париже, а в 1231 году папа запретил изучать эти произведения в Парижском университете, пока они не будут освобождены от заблуждений переводчиков и комментаторов. Тем не менее до XVII века в европейских университетах Аристотеля читали и объясняли по комментариям Аверроэса.

Превратности доказательства бытия Бога и бытия церкви. Середина XI века ознаменовалась острым конфликтом между Римом и Византией. Собор, созванный по инициативе византийского императора, обвинил Рим в том, что папы извратили один из наиболее существенных догматов веры – догмат о том, что Святой Дух исходит не только от Бога, но и от Сына. Было также заявлено, что это извращение ввергло западную церковь в ересь и сделало невозможным дальнейшее церковное общение Византии с Римом. С этого времени поминание папы при восточном богослужении должно опускаться. Так в 1054 году произошло великое разделение церквей.

Первоначально обе церкви претендовали на значение вселенской (лат. «католической»; гр. «кафолической») и правоверно-ортодоксальной (православной), но после раскола название «православная» осталось за византийской церковью, а «католическая» – за римской.

Второе тысячелетие христианский мир встречал в полное тревог время. Все ожидали конца света, и хотя он не наступил, но раскол церкви и брожения в умах верующих ничего хорошего не предвещали. В XI веке волна еретических движений, направленных против папства и церковной иерархии, захлестнула Италию и Францию.

Идейным источником еретиков была Библия. Дело дошло до того, что папа Григорий IX в 1231 году запретил мирянам читать Библию.

Оправдывая раскол церкви, обвиняя во всех смертных грехах Византию и еретиков, Рим пытался найти себе такого идеолога, которого можно было бы назвать «вторым Августином» по силе влияния на простых верующих и богословов. Им стал Ансельм Кентерберийский, первый великий философ эпохи схоластики, который во многом исходил из идей Августина, но при этом указывал, что августиновское «верю, чтобы уразуметь» следует понимать как способность человеческого ума рациональными путями подтверждать божественное откровение.

Будущий великий философ церкви родился в 1033 году в североитальянском городе Аосте в обеспеченной семье. Его отец Гондольф вел довольно расточительный образ жизни. Напротив, мать была женщиной хозяйственной и рачительной.

Ансельм находился под постоянной материнской опекой. Мать передала сыну свою набожность. Не достигнув пятнадцати лет, Ансельм уже твердо решил стать монахом и обратился к знакомому аббату с просьбой сделать его таковым. Однако аббат отказал ему в этой просьбе, узнав, что отрок не известил о своих намерениях родителей. Тяжело пережив этот отказ, Ансельм начал мало-помалу забывать о монашестве, все больше отдаваясь юношеским забавам. После смерти матери он пуще прежнего устремился навстречу бурным волнам житейского моря. Но тут за него взялся отец. Будучи плохим воспитателем, он не смог найти общего языка с сыном. В доме воцарилась атмосфера постоянных скандалов и взаимной неприязни. В конце концов Ансельм принял решение покинуть отчий дом и тайно бежал во Францию.

В Нормандии молодой человек сблизился с Лафранком, приором монастыря Бек. Этот приор славился своим благочестием и мудростью. Жизнь в монастыре заменила беглецу кров родного дома и согрела его душу.

Днем и ночью Ансельм занимается изучением наук. И вновь его посещает мысль о монашестве. После некоторых раздумий он принимает решение и на двадцать седьмом году жизни становится монахом монастыря Бек.

В то время аббатом монастыря был дряхлый старец Херлуин. Когда аббат отдал Богу душу и бразды правления перешли в руки Лафранка, Ансельм был облечен саном приора.

За время своего приорства Ансельм написал несколько сочинений, в том числе книжицу под названием «Монологион», где ведется беседа автора с самим собой с целью уяснить силой одного только разума, что есть Бог.

После «Монологиона» Ансельм задумался над тем, как сжатыми, убедительными доводами доказать возвещаемое в проповедях и принимаемое в вере учение о Боге. Свои размышления по этому поводу он изложил в «Прослогионе». «Монологион» и «Прослогион» обессмертили его имя.

В 1093 году Ансельм становится архиепископом английского города Кентербери. Здесь он вступает в конфликт с английскими королями – вначале с Вильгельмом Рыжим Завоевателем, а затем с Генрихом I. Конфликт был вызван борьбой Ансельма за независимость церкви от королевской власти. Кентерберийский архиепископ рьяно отстаивал дело папы Григория VII, который упрямо претендовал на признание папской власти в качестве высшей власти на земле. Это вызывало недовольство у светских правителей, достигшее своего пика в 1084 году, когда в Рим по зову папы явились норманны, принявшие беспощадно грабить Вечный город. Вспыхнуло восстание, и папа в панике бежал из Рима. Брошенный всеми, он умер в Салерно в 1085 году.

Ансельм Кентерберийский пережил папу на двадцать четыре года, испытав при этом горечь обид и тяготы изгнаний. В 1163 году церковь канонизировала его.

При жизни Ансельм пользовался большим авторитетом в католическом мире.

По своему характеру он был выдержанным, доброжелательным человеком, но практика монашеской аскезы и приверженность августиновской философии иногда толкали его на нарушение созерцательного покоя, вовлекая в круговорот политических интриг.

Ансельм, как и Августин, мучался ключевой для христианской философии проблемой соотношения веры и разума. Подобно Августину он ставит веру выше разума, пытаясь при этом обосновать свой выбор более рациональными средствами, нежели Августин. Не случайно свои размышления в «Монологионе» он называет «примером размышления о рациональной вере». Отсюда проистекает идея оправдания вероисповедных формул средствами человеческого разума.

Свое знаменитое доказательство бытия Бога Ансельм развивает в русле платоновско-августиновской традиции. Впоследствии его аргументация была названа «онтологическим доказательством бытия Бога».

Что касается термина «онтология», он ведет свою родословную от работ философов XVII века Р. Гоклениуса и И. Клауберга. Благодаря немецкому философу-просветителю Хр. Вольфу этот термин получил в XVIII веке широкое распространение.

Термин «онтология» образован от греческих слов «онтос» (сущее) и «логос» (учение). Он указывает на философское учение о сущем, на учение о бытии как таковом.

Спустя несколько веков некорректность отождествления мыслей о Боге с бытием Бога впервые убедительно была раскрыта основоположником классической немецкой философии И. Кантом. Правда, еще при жизни Ансельма монах Гаунило из монастыря Мармутье (в миру граф де Монтиньи) отмечал несостоятельность предлагаемого доказательства бытия Бога, подчеркивая, что все понятия, используемые в доказательстве, – это только психические образы. Если к таким понятиям относиться не критически, то ничего не стоит будет доказать реальность любой химеры. Отвечая своему критику, Ансельм не нашел ничего лучшего, как сказать, что из всех понятий, находящихся в нашем уме, только понятие Бога вне всякого сомнения. Тем самым он фактически расписался в собственном бессилии и в том, что его доказательство в своей основе базируется не на разуме, а на мистическом чувстве.

«Онтологическое доказательство» появилось тогда, когда уже в ходу было другое

«доказательство» – огонь для еретиков. В XI веке этот испепеляющий огонь становится привычным явлением для многих стран Западной Европы.

В последней четверти XII века центром еретического движения становится Южная Франция. Наибольшее распространение здесь получило движение катаров, об учении которых нам, к сожалению, известно крайне мало, поскольку их писания были почти полностью уничтожены церковниками. Судя по некоторым скудным данным, ряд черт их учения напоминает манихейство. Кстати, сами церковники именовали катаров «новыми манихеями».

Учение катаров восприняли альбигойцы, одним из центров движения которых являлся город Альби в богатой и процветающей французской провинции Лангедок, где в мире и дружбе жили французы, арабы и евреи, ведя выгодную торговлю со средиземноморскими странами и опираясь при этом на портовые города Лангедока. Этого падения религиозных нравов, этой возмутительной веротерпимости никак не мог вынести папский Рим, давненько алчно поглядывавший на богатые города Южной Франции. В конце концов папа Иннокентий III начал шантажировать тулузского графа, прямо намекая на возможность обвинения лангедокских аристократов в ереси за поддержку движения катаров. Ничего не добившись словесными угрозами, Рим перешел от слов к делу и организовал крестовый поход против Лангедока.

Богатейшие города и селения Лангедока были разграблены и сожжены беспощадными крестоносцами. Только в один день в церкви святой Магдалины в Безье крестоносцы перебили около 7000 человек, большинство которых состояло из женщин, детей и стариков. В замке Минерва благочестивые служители Бога сожгли на огромном костре 140 еретиков. В награду за свои подвиги крестоносцы были приравнены к тем, кто шел освобождать гроб Господень в Иерусалим, а себе в награду папство обложило непомерным налогом все дома еретической провинции.

Трагедия Лангедока развивалась следующим образом.

В Лионе под предводительством графа Симона де Монфора было сосредоточено огромное войско крестоносцев, состоящее из 25 тысяч всадников и 200 тысяч пеших воинов.

В город Сен-Жиль явился по требованию папского легата отлученный от церкви тулузский граф Раймонд, который, не решаясь на войну с Монфором, сдал без боя крестоносцам семь важнейших крепостей и обещал выполнить все требования Иннокентия III при условии мирного решения возникшего конфликта. Этот город был выбран для покаяния графа не случайно. Именно здесь в ответ на отлучение Раймонда Тулузского от церкви за нежелание сотрудничать в преследовании еретиков один из приближенных графа убил папского легата Кастельно.

Граф Тулузский предстал обнаженным по пояс перед посланцем Рима, который встретил его на паперти собора в окружении епископов и при большом стечении народа. Легат петлей надел на шею Раймонда епитрахиль и повел его как бы на поводу в собор, в то время как присутствующие били прутьями по плечам и спине кающегося вельможи. У алтаря графу дали прощение, после чего заставили спуститься в склеп и поклониться гробнице Петра де Кастельно, душа которого должна была возликовать, узрев унижение заклятого врага.

Это покаяние не принесло мира в Лангедок. Крестоносцы рвались в бой, надеясь на богатую добычу, и ждали только удобного повода. А таких поводов хватало с избытком. Чувствуя нависшую угрозу, лангедокцы готовились к отпору. Теперь их сопротивление возглавил племянник графа Раймонда – Роже.

Главные свои силы Роже сосредоточил в Каркассоне. Этот город был хорошо укреплен. Тогда крестоносцы решили действовать хитростью. Они предложили Роже начать переговоры о мире, а когда тот явился в их лагерь, предательски схватили его и тайно

умертвили, публично объявив, что граф умер якобы от дизентерии. Оставшись без вождя, осажденные приняли все условия крестоносцев и покинули город – мужчины в одних штанах, а женщины в рубашках. Город был разграблен и сожжен.

Между тем граф Раймонд, видя, что творится, рассвирепел, наплевал на свое покаяние и бросил вызов крестоносцам, укрепившись в Тулузе. Монфор попытался взять город штурмом, но потерпел сокрушительное поражение. Однако при активной помощи французского короля крестоносцам все-таки удалось нанести поражение тулузцам и вынудить графа Раймонда бежать в Англию.

Через некоторое время старый граф вернулся в Лангедок вместе со своим восемнадцатилетним сыном Раймондом Младшим, и война с крестоносцами Монфора разгорелась с новой силой. Во время осады Тулузы, длившейся несколько лет, был убит граф Монфор, а его брат и старший сын серьезно ранены. Вскоре умер и граф Раймонд Старший. Теперь войну продолжили их сыновья. Только вмешательство французского короля Людовика IX вынудило Раймонда Младшего капитулировать, купив мир дорогой ценой: за двадцать лет кровопролитной войны в Лангедоке было истреблено свыше миллиона мирных жителей. По тем временам это была весьма и весьма внушительная цифра.

Последние катары из числа наиболее посвященных в таинства учения отступили в горы с жалкими остатками разбитой армии и заперлись в стенах замка Монсегюр, возведенного на неприступной горной вершине.

Около года оборону замка Монсегюр держала сотня храбрых воинов, но силы были слишком неравны: крепость осаждали 10 тысяч крестоносцев.

Холодным мартовским днем 1244 года Монсегюр пал. Спустя несколько дней уцелевшие после штурма катары были повешены или сожжены.

Альбигойцы исчезли, оставив свои трупы и шевелящиеся сутаны доминиканцев. Еще долго, очень долго доминиканцы водили странный хоровод по склонам горы, увенчанной замком Монсегюр. Их хоровод напоминал танец птиц-стервятников. А над миром ползли рваные тучи пожаров и костров, очищающих человеческую плоть от греховной скверны.

Потом сюда пришла отара, пенясь на крутых подъемах. Вокруг нее бегали мохнатые псы с внимательными, хозяйскими взглядами.

Только четверо из посвященных тайными подземными ходами покинули замок, унося катарские святыни и священный ларец...

В горе, как раковины в неудачной металлической отливке, были пустоты. К ним тянулись тонкие жилки, щербившиеся корявыми ступеньками. По этим жилкам просочились беглецы из замка Монсегюр. Их знал в лицо только мрак подземелья, который умеет стирать контуры и очертания.

О беглецах крестоносцы проводили во время чудовищных пыток коменданта крепости. Они бросились в погоню, но погоня оказалась безрезультатной.

В своей травле альбигойцев римская церковь опиралась на помощь ретивого августинского монаха Доминика де Гусмана. Вооружившись чрезвычайными полномочиями в борьбе с ересью, Доминик создал в 1215 году в Тулузе специальный орден доминиканцев, утвержденный папой Гонорием III в 1216 году. Именно эта «стража Христова» возглавила позднее инквизицию.

Эмблемой ордена была собака с пылающим факелом в зубах. Сами себя доминиканцы называли «псами Господа» (лат. *Domini canes*). Эти «псы» быстро прибрали к рукам итальянские и французские университеты. Они же были инициаторами преследования парижских авероистов.

В 1232 году папство поручило ордену доминиканцев руководить инквизицией (от лат. *inquisitio* – розыск).

Хотя Доминик и отличался бездушным фанатизмом в защите папского престола, он

был достаточно проницателен, чтобы не заметить, что сила катаров заключается не только в преданности своему вероучению, но и в умении проповедовать, в хороших знаниях священных текстов, давно позабытых ортодоксальными клириками. Поэтому он задумал бить противников римской церкви их же оружием. Для поставленной цели и был создан орден, члены которого внешне походили на «совершенных» катаров. Доминиканцы тоже носили белое одеяние и сандалии на босую ногу, давали обед бедности.

Император Фридрих II из династии Гогенштауфенов. Борьба папства в XIII столетии за усиление своего государственно-политического могущества наталкивалась на самое ожесточенное противодействие империи, внутри которой обострялась сепаратистская борьба феодальных князей против имперского централизма, ярким символом которого в то время был Фридрих II.

В Неаполе и Сицилии папы терпели только послушных им правителей. Римских первосвященников нервно передергивало при упоминании о своевольных Гогенштауфенах. В Вечном городе любили повторять, что духовный меч выше светского, так как он способен поражать и самих носителей светского меча – императоров и королей. Поэтому духовным пастырям становилось дурно, когда начинали ползти слухи о злых намерениях Фридриха II, верного продолжателя антипапской политики своего воинственного деда, Фридриха I Барбаросса, и отца, Генриха VI.

Фридрих II был незаурядной личностью. Блестяще образованный, владевший несколькими языками, включая арабский, он вызывал восхищение у современников. И главное: император хорошо разбирался в европейской политике и умел добиваться поставленных целей. Но самой опасной для Рима чертой личности императора являлась его апатия к религии и веротерпимость к иным религиям. Правда, это не мешало ему, руководствуясь политическими соображениями, издавать законы против еретиков и ходить крестовым походом на иноверцев. Впрочем, борьба с еретиками и мусульманами имела какой-то очень странный привкус. Попытаемся разобраться в этих странностях.

Будущий император родился в Сицилии, доставшейся его отцу Генриху IV по брачному договору. Мальчику не было еще и двух лет, когда в Мессине умер император Генрих IV.

Сицилия – остров, на котором издавна мирно сосуществовали разные народы, исповедовавшие и разные религии. Здесь были многочисленные поселения арабов и евреев, греков и французов, итальянцев и германцев. Мусульмане спокойно общались с иудеями, а те – с христианами. И это никого не удивляло, тем более не возмущало.

С детских пор Фридрих общался и с арабами, и с иудеями, и с представителями иных вероисповеданий. Обладая преотменным языковым чутьем, он легко усваивал языки других народов, что потом позволило ему быстро находить общий язык с теми, в ком церковь видела своих непримиримых врагов.

Двор Фридриха блистал известными учеными, поэтами, музыкантами, среди которых встречались греки, арабы, евреи. От этой разношерстной братии он усвоил скептическое и даже насмешливое отношение к церковным авторитетам и религиозным догмам. Усвоил он и любовь к эротической поэзии, принесенную на остров с юга Франции. Иногда соперничал со своим канцлером в написании любовных сонетов, часть из которых была посвящена мусульманским красавицам.

При императорском дворе жили два сына великого Аверроэса. Проживал здесь и прославленный своими отточенными аргументами Леонардо Фибоначчи, чье произведение «Книга Счетов» пользовалось устойчивой известностью в течение нескольких столетий.

В 1220 году Фридрих отправился в Рим, где был коронован папой Гонорием III в императоры и дал торжественный обет отправиться крестовым походом в 1221 году в Малую Азию. Однако беспорядки в Северной Италии и Сицилии отложили этот поход до

1227 года.

Новый папа Григорий IX решительно потребовал немедленного отбытия императора на Восток. Но денег на крестовый поход катастрофически не хватало. Денежные сборы шли очень туго. К тому же Фридрих не торопился отправляться в святую землю, резонно опасаясь, что оставшиеся в Европе князья могут подложить ему свинью, тайно сговорившись с папой.

И все же в 1227 году он вынужден был отправиться в поход. Однако и на этот раз хитрец увильнул от святой миссии, вернувшись с полпути назад под предлогом эпидемии лихорадки, из-за которой его армия якобы сильно поредела.

Григорий IX, не приняв этих явно лживых объяснений, отлучил императора от церкви за нарушение обета совершить поход в святую землю.

В ответ Фридрих, смотревший на папские устрашающие ужимки с нескрываемым презрением, завязал тайные сношения с противниками Григорий IX в Папской области, обвиняя понтифика в корыстолюбивых намерениях.

– Служители церкви, – говорил Фридрих, – разъезжают повсюду не за тем, чтобы проповедовать слово Божие, а затем, чтобы бесстыдно выманивать деньги у простаков. Первоначально церковь основывалась на бедности и простоте. Поэтому она дала миру множество действительно святых людей. Римская же церковь погрязла в богатстве и роскоши. Нет ничего странного в том, что стены нашей церкви подкопаны в самом основании и грозят рухнуть.

Когда первосвященник узнал от своих доносчиков о сказанном Фридрихом в адрес римской церкви, он вторично проклял императора и вновь подверг отлучению, тем самым подписав себе нелегкую судьбу на ближайшие годы. Сторонники и друзья строптивного императора подняли в Риме бунт, в результате чего папа вынужден был тайком, трусливо бежать из Вечного города.

Чтобы повысить свой авторитет, отлученный от церкви император отправился в крестовый поход и посредством дипломатических переговоров с мусульманскими властями Египта достиг почетного мира на выгодных условиях. В силу соглашения от 18 февраля 1229 года Иерусалим, за исключением мечети, Назарет, Вифлеем, Сидон и вся местность, через которую пролегал пилигримская дорога от Яффы к Иерусалиму, были переданы султаном Фридриху, а свобода богослужения предоставлялась во всех этих местах как христианам, так и мусульманам.

Когда шли переговоры с султаном, носившие частный характер, лагерь крестоносцев безбоязненно посещали мусульмане; некоторые из них устраивали философские диспуты. В лагере можно было встретить и прелестных танцовщиц, присланных султаном для своего друга, предводителя крестоносцев. Последний не остался безразличным к очарованию восточных красавиц.

Одеваясь в сарацинское платье, Фридрих тем самым как бы подчеркивал свое уважение к мусульманской культуре.

В узком кругу друзей он говорил:

– Я пришел сюда не затем, чтобы освободить святой город, а только затем, чтобы поддержать к себе уважение своих единоверцев.

Незадолго до возвращения в Европу Фридрих нанес еще одну пощечину Риму, пойдя на самокоронацию в Иерусалиме.

Папа был взбешен. Он не хотел и слышать о мире, в котором признавалось равенство «неверных» с христианской церковью. Поэтому поспешил наложить интердикт на Иерусалим, то есть временно запретил совершать богослужение и обряды в Иерусалиме, а также запретил пилигримам посещать святые места.

Продолжая накалять атмосферу, Рим начал интриговать и распускать слухи о смерти Фридриха. Мало того, папа двинул три армии в Сицилию, королем которой на ленных

правах считался Фридрих, тогда как верховным владыкой признавался сам папа.

Взволнованный событиями в Сицилии и Ломбардии, к которым приложил руку папа, Фридрих поспешил вернуться в Европу. К концу 1229 года он очистил от папских наемников не только Северную и Центральную Италию, но и южную часть страны.

В 1230 году между ним и папой был заключен мир. Правда, от мирного договора император не получил никаких особых материальных выгод и даже вынужден был вернуть захваченные им земли в Папской области, возместить убытки защитникам папы и уплатить штрафную сумму. Кроме того, он взял на себя обязательство в дальнейшем не облагать налогами духовенство, не судить королевским судом представителей духовенства и не оказывать давления на исход выборов епископов и аббатов.

Хотя папа мог в известном смысле торжествовать политическую победу, но это была иллюзорная победа, так как Фридрих прочно утвердился в Северной Италии и создал вокруг Папской области кольцо имперских владений. Это явно не устраивало папу, и он в 1239 году вновь отлучает императора от церкви. В Германию отправляются легаты для организации борьбы с Фридрихом и подыскания нового императора.

Ради «спасения христовой веры» понтифик сносится не только с французским и английским королями, но даже с татарами, чтобы они через Венгрию вторглись в империю и нанесли удар строптивому Фридриху и всему его семейству. Фактически папа преследовал цель окончательного устранения династии Гогенштауфенов с политической арены.

Папа оказался настолько безрассуден и слеп в своей ненависти к Фридриху, что не желал видеть сарацинские колонии в Италии, которые могли предоставить в распоряжение веротерпимого императора 30 тысяч превосходных воинов-мусульман. И они были предоставлены. Началась охота на глупого и злобного понтифика. И если бы не смерть Григория IX, он неизбежно попал бы в руки своего смертельного врага, от которого трудно было ждать пощады.

Смерть Григория IX не прекратила борьбу с императором, а лишь на некоторое время отсрочила обострение этой борьбы, ибо речь шла не об устранении отдельной личности, досаждавшей Риму, а об утверждении права католической церкви диктовать свои условия и требования светским владыкам, тем самым укрепляя церковный теократизм.

На соборе 1245 года в Лионе, куда трусливо бежал новый папа Иннокентий IV, резонно опасавшийся гнева императора, был обнародован декрет о лишении Фридриха II престола ввиду того, что он, будучи клятвopеступником и еретиком, совершил вероломство и святотатство.

Одна религиозно-политическая интрига накручивалась на другую. Один политический заговор сменялся другим. Один за другим провозглашались крестовые походы против Фридриха, а он тем не менее прочно сидел в седле.

Фридрих II умер в 1250 году во время очередного крестового похода против него. Германией должен был управлять его сын Конрад, а Сицилийским королевством – другой его сын, Манфред.

После смерти Конрада в 1254 году Манфред продолжил успешную борьбу с папой. Однако на спасение папы Александра IV явился французский принц Карл Анжуйский. В 1268 году в сражении при Тальякоццо внук Фридриха II Конрадин потерпел полное поражение и оказался в плену.

Новый папа Климент IV потребовал поголовного истребления рода Гогенштауфенов. Четырнадцатилетнего Конрадина обезглавили, убиты были и другие члены этой «еретической семьи».

В результате резни, санкционированной первосвященником, французский принц Карл Анжуйский стал королем Сицилийского королевства и при благосклонном содействии папства установил тиранический режим правления. Эта тирания послужила причиной

мощного восстания с почти поголовным истреблением ненавистных французов. Восстание, известное под названием «Сицилийской вечерни» произошло в 1282 году.

Фридрих II как политическая фигура и как живая человеческая личность демонстрирует воистину уникальные качества для человека эпохи феодализма. Еще в молодости он посвятил себя улучшению политического положения в Сицилии, учредив в городах острова представительные парламенты, провозгласив принцип равенства в правах и обязанностях, освободив в своих областях всех крепостных, учредив дешевое судопроизводство для бедных, запретив частные войны, упорядочив торговлю. Он отстаивал принцип веротерпимости, основывал библиотеки, поощрял переводы философских и научных сочинений. В Неаполе им был организован университет. В Салерно покровительствовал медицинскому училищу. Щедрой рукой предоставлял средства для воспитания и образования талантливой молодежи из бедных семей. По всему государству создавались великолепные архитектурные произведения. Скульптура, живопись и музыка пользовались непосредственным высочайшим покровительством. Очень важно и то, что при Фридрихе начал формироваться итальянский национальный язык, а это невозможно сделать, если не развивать соответствующий литературный язык, взяв за основу какое-либо провинциальное наречие.

В глазах Рима все это выглядело как вызывающе дерзкое торжество греховных начал в человеке, который желает блаженствовать в земном мире, а не в потустороннем. И Рим словами папы Григория IX заявлял: «...этот зловерный король утверждает, что, говоря его словами, свет был обольщен тремя обманщиками, Иисусом Христом, Моисеем и Магометом; что двое из них умерли в уважении, а третий повешен на кресте. И теперь еще он открыто и громко называет безумцами тех, которые верят, что Бог, Всемогущий Создатель мира, был рожден женщиной».

Это был намек на знаменитую книгу «О трех обманщиках», в написании которой якобы принимал участие Фридрих.

Ангельский доктор по кличке Немой Бык. Из недр доминиканского ордена вышел средневековый католический философ Томас (Фома) Аквинский, стремившийся поставить науку на службу католической религии. Его учение получило всеобщее признание в католическом мире. В 1279 году папа Лев XIII разослал всем патриархам, примасам, архиепископам и епископам специальную энциклику, в которой учение Томаса Аквинского объявлялось обязательным и непререкаемым для всех католиков.

Как жил и творил этот непререкаемый авторитет католицизма?

В конце 1225 или в начале 1226 года в семье графа Ландольфа праздновалось прибавление семейства. На свет появилось крошечное существо, огласившее замок Роккасекка своим громким писком.

Замок графа Ландольфа находился в живописном месте близ городка Аквино, относящегося к Неаполитанскому королевству. Когда жена графа немного оправилась после родов, сына крестили и назвали Томасом (Фомой).

В тот год графу не было покоя. Близились начало крестового похода, и он, рыцарь из окружения Фридриха II, торопился явиться в военный лагерь императора.

В суровое время рос, воспитывался и воздавал философскую хвалу римской церкви Томас из Аквино, или просто Аквинат.

Когда мальчику исполнилось пять лет, его определили на учебу в бенедиктинский монастырь Монтекассино. В монастыре он провел около девяти лет, изучая грамматику, диалектику и риторику, относящиеся к низшей ступени образования – тривиуму.

В 1239 году Томас снимает монашескую рясу и возвращается в родной замок. Причиной тому послужило изгнание бенедиктинцев из Монтекассино Фридрихом II. Осенью того же года он направляет свои стопы в Неаполитанский университет.

Прошло пять лет, и Томас принимает решение вступить в орден доминиканцев. Это

противоречило планам его родителей, которые хотели видеть упрямым чадо аббатом Монтекассино. В своем стремлении заставить отпрыска отказаться от принятого решения они обратились даже к папе, прося первосвященника, чтобы их сыну, если нельзя его переубедить, позволили носить одежду доминиканцев, но занимать пост аббата в бенедиктинском монастыре. Однако юноша был непреклонен.

Совершив пострижение в монахи ордена доминиканцев, Томас несколько месяцев провел в монастыре Неаполя. Оттуда его забрал с собой в Болонью генерал ордена доминиканцев Иоанн Тевтонский. В Болонье руководство ордена приняло решение направить молодого прозелита в Парижский университет, ведущий центр богословской мысли католического мира. Однако намечавшаяся поездка не состоялась, так как в дело вмешалась семья Томаса. На пути в Париж его перехватили братья и доставили в замок Роккасекка, где заключили в охраняемую башню. В заточении Томас находился свыше года.

Однажды братья, желая совратить упрямого и сбить его с избранного пути, привели куртизанку и втолкнули ее в покои Томаса. Тот, поняв, что его пытаются скомпрометировать, пришел в дикую ярость и, выхватив из камина пылающее полено, закричал, что подожжет замок. Перепуганная женщина и смущенные братья поспешно ретировались.

Видя, что сын не изменит своего решения, мать смирилась и позволила ему поступать по собственному усмотрению. Получив свободу, Томас отправился осенью 1245 года в Париж.

В Париже он пробыл три года, занимаясь в университете под руководством знаменитого Альберта из Кельна, или Альберта фон Больштедта, прозванного впоследствии Великим за глубину и энциклопедичность своих познаний в областях богословия, философии и наук о природе. Благодаря стараниям Альберта Великого в обиход средневековой философии вошли многие работы Аристотеля.

Три года учебы пролетели незаметно. И вот Томас вместе со своим учителем отправляется в Кельн с целью организации там центра по изучению богословия. Вновь и вновь он старательно вникает в слова наставника, хотя внешне не проявляет особого рвения, редко принимает участие в диспутах, сторонится шумных компаний. За молчаливость и нелюдимость остряки прозвали его Немым Быком.

После четырехлетнего пребывания в Кельне Томас возвратился в Парижский университет, где прошел все ступени, необходимые для получения степени магистра богословия.

До 1259 года Томас читал в Парижском университете богословские лекции. Погрузившись в преподавательскую и писательскую деятельность, он всячески избегал административных дел, мешавших его занятиям и раздражавших своей бестолковостью.

Римская курия давно и внимательно присматривалась к этому немногословному магистру богословия. Ей нужен был человек, который смог бы стать авторитетным пропагандистом духа и политики католицизма. Выбор пал на Томаса Аквинского, и его вызвали в Рим, где поручили переработать таким образом аристотелизм, чтобы пресечь поползновения использовать сочинения древнегреческого философа в целях свободомыслия. Кроме того, Рим стремился теоретически обосновать законность деятельности инквизиции во главе с доминиканским орденом, членом которого был Аквинат.

Монашеская инквизиция была организована в 1233 году. Являясь воинственным средством осуществления теократической политики Рима, инквизиция нуждалась в своих идеологах для оправдания беспощадной борьбы церкви в деле утверждения этой политики. Одним из таких идеологов должен был стать Томас Аквинский, и он им стал, оправдав возлагаемые на него надежды.

В своих сочинениях магистр богословия доказывал, что еретиков законно принуждать к соблюдению тех обязательств, которые они приняли на себя по отношению к церкви до своего выхода из нее. При этом теоретик католицизма подчеркивал: если принятие веры есть акт свободной воли, то сохранение принятой веры – дело необходимости. Следовательно, те, кто впадают в грех ереси, заслуживают не только исключения из церкви, но также исключения из жизни.

В 1269 году по заданию папской курии Аквинат возвращается в Париж. Курия была весьма озабочена атмосферой, сложившейся в своем оплоте богословия – в Парижском университете. Аудитории университета стали ареной ожесточенных стычек между латинскими сторонниками авероизма и радетелями августиновского богословия.

Об отношении Аквината к парижским авероистам говорит эпизод, имевший место во время приема во дворце французского короля Людовика IX. На этом приеме он сидел где-то в уголке, перебирая четки и о чем-то сосредоточенно размышляя. И вдруг, услышав случайно обороненную фразу о парижских авероистах, резко вскочил, ударил кулаком по столу и крикнул: «Ха! Мы приведем манихейцев в порядок!».

«Порядок превыше всего!» Знакомый лозунг, не правда ли? Если прислушаться к его звучанию, то можно будет уловить и шуршанье перьев доносчиков, и скрип гильотины, и топот сапожищ штурмовиков, и лязганье винтовочных затворов...

Вспомним, что с помощью трактатов Томаса Аквинского церковь отстаивала право карать огнем инквизиции всех еретиков, требуя это делать с «любовью и терпением».

Устав от парижской суеты, Аквинат вернулся в Италию, где приступил к преподаванию богословия в Неаполитанском университете. В начале 1274 года он покинул Неаполь, чтобы принять участие в Лионском соборе, созываемом папой Григорием X. В дороге наш путешественник тяжело заболел и умер 7 марта 1274 года в монастыре бернардинцев в Фоссануове.

Сложное философско-богословское учение Томаса Аквинского далеко не сразу получило признание среди схоластических течений католицизма. При жизни и в первые десятилетия после его смерти оно имело много противников не только среди свободомыслящих философов, но и в кругах догматических богословов. И все же постепенно сторонников учения Аквината становилось все больше. Этому способствовало и присвоение ему официального титула «ангельского доктора» (*doctor angelicus*), и признание в XVI веке пятым «учителем церкви».

Чем прельщал и прельщает Аквинат католических богословов?

Решая фундаментальный вопрос о соотношении веры и знания, будущий ангельский доктор пришел к выводу, что наука и религия отличаются друг от друга не по цели, а по средствам достижения истины. Наука в своих исканиях опирается на опыт и разум, тогда как религиозное сознание получает истину посредством откровения. Цель же у них одна – укрепление веры.

В отличие от Ансельма Кентерберийского, который считал, что догмат о существовании Бога доказуем при помощи разума, Аквинат исключает такую возможность. Он правильно уловил главный изъян «онтологического доказательства», а именно: если подобные догматы подсудны человеческому разуму, то богословие легко может раствориться в философии, которая пробуждает в умах людей сомнение и может увести в болото ереси. С точки зрения Аквината положение «Бог есть» самоочевидно, но только не для сомневающегося разума, пытающегося в логике человеческих понятий выразить неизреченную логику божественной мудрости, а для разума верующего человека. Если же любой человек будет позволять себе доказывать существование Бога средствами философии и науки, это приведет к всеобщему смятению умов. Таким образом, существование Бога не нуждается в логических доказательствах. В доказательствах своей правоты нуждается человек, идущий от науки и философии к

богословию. Эти доказательства являются доводами в пользу такого пути.

Зыбкие аргументы. Они базируются на постулате безусловной веры в Бога. Этот постулат не менее иррационален и мистичен, чем исходные положения «онтологического доказательства» Ансельма Кентерберийского.

Томас Аквинский был очень трудолюбивым и плодовитым писателем, из-под пера которого вышло множество сочинений на самые разнообразные темы. Наиболее важными его произведениями являются знаменитые «Суммы», первая из которых называется «Суммой истин католической веры против язычников». В силу того, что в данной «Сумме» философский материал преобладает над богословским, ее нередко именуют «Суммой философии». Этот литературный цикл завершается «Суммой теологии», считающейся неоконченной.

Аквинат, будучи блестящим мастером систематизации и компромисса, создал грандиозный богословско-философский синтез, в контекст которого были включены весьма интересные и глубокие мысли.

В центре философских изысканий католического богослова находится традиционная для средневековой схоластики проблема универсалий (общих понятий), далеко выходящая за рамки учения о познании, его формах и методах, ибо вплотную касается основополагающих ценностей католического мировоззрения. Решая эту проблему, Аквинат исходит из того постулата, что истинно общее (универсальное) не дано постичь человеку, поскольку главным и конечным источником такого рода всеобщности является сверхъестественный божественный ум. Посягать на абсолютное знание – значит уподоблять себя Богу, а это – святотатство и ересь.

Однако в области философии угрозы и брань – плохие аргументы в пользу отстаиваемой точки зрения. Поэтому талантливый идеолог церкви пытается логическими средствами доказать свою правоту. В этих целях он отождествляет абсолютное всеобщее знание Бога (идеальное) с божественной сущностью (реальным), то есть придает общему так сказать бытийственный характер. Соответственно данному отождествлению делается вывод: сущность всего едина, но формы ее существования (проявления в чувственном бытии) многообразны.

До Томаса Аквинского богословско-философская мысль, развивавшаяся преимущественно в русле традиции апологетики и патристики, довольствовалась главным образом Св. Писанием и его толкованием. Социальные изменения в жизни Западной Европы и рост притязаний католической церкви на руководящую роль в мировой политике вынуждали идеологов церкви переоценивать свои аскетическо-мистические идеалы, весьма далекие от реальной жизни, и так строить этические учения, чтобы они приобретали по форме характер конкретных социально-политических доктрин.

Каждая эпоха имеет свои представления о сути подобных доктрин. Если учитывать, что политика в эпоху Средневековья была тесно связана с деятельностью церкви, с ее теократическими поползновениями и не делилась на политику как самостоятельный вид практической и теоретической деятельности, то политический смысл этико-богословских доктрин должен был выглядеть иначе, нежели в последующие эпохи. Церковь, стремящаяся к государственной власти, не могла пройти мимо такого важного инструмента государственного управления, как право. Вот почему в то время социально-политические доктрины принимали этико-правовой вид. Иначе говоря, в период расцвета средневековой схоластики этизация и теологизация коснулись прежде всего права. Особенно преуспел на этом поприще Аквинат, который четко разграничил вечное (божественное) право и право естественное.

Согласно Аквинату, вечное право – это совокупность правил божественного руководства миром, а естественное право – это проявление божественной сущности в естественном порядке вещей. Руководствуясь естественным правом, люди приобщаются к

вечности и непогрешимости божественного права. Конкретизацией естественного права, присущего всем живым существам, является собственно человеческое право, законы которого в отличие от законов естественного права постоянно меняются. В свою очередь человеческое право распадается на общенародное право и положительное (гражданское) право, действующее в конкретном государстве.

Учение о государстве как носителе положительного права изложено Аквинатом в трактате «О правлении владык», в котором анализируется власть, объединяющая государство в единое целое на принципе иерархической организации общества. На верхней ступени этой иерархии находятся духовные пастыри, которым в религиозно-моральном плане должны подчиняться светские владыки. В данном случае доминиканский богослов выступает представителем умеренной теократии, поскольку не требует от светских властей рабского служения церкви. По его мнению, отличному от мнения многих предшественников и современников, государство, как и церковь, является продуктом божественного установления. Отсюда следует, что церковь и государство в известных отношениях могут выступать равными партнерами. Последнее не противоречило интересам церкви, которая в условиях феодальной раздробленности вынуждена была нередко идти на поводу у строптивых и своевольных феодалов. Чтобы защитить себя как собственника и отстаивать свои права духовного общенародного пастыря, церковь должна была ратовать за крепкую центральную власть. Именно это уловил и выразил Аквинат, который, различая пять форм государственного правления (монархию, аристократию, олигархию, демократию и смешанные формы), отдает свое предпочтение монархии, считая ее наиболее естественной формой государственной власти. Но при этом, отстаивая интересы церкви, он отвергал важное положение римского права, согласно которому все, что угодно государю, имеет силу закона. В противовес данному положению утверждалось, что все, противное божественному предначертанию и высшему разуму, не есть закон. Следовательно, некоторые веления светского государя, которым придается статус законов, но которые противоречат христианской морали, могут быть не исполнены.

Понимание Аквинатом законов человеческого общежития определяет правило толкования юридических законов, а именно: законы должны толковаться по духу, а не по букве. В условиях средневековья и папской борьбы за власть в посюстороннем мире это санкционировало произвол и террор церковников по отношению к инакомыслящим и иноверцам.

Балансируя между «небесным» и «земным», Аквинат склоняется в пользу института частной собственности, закрывая глаза на учение первых отцов церкви и защищая рабство как вид частной собственности.

Несмотря на многие натяжки и явно тенденциозные трактовки предметов, интересующих церковь, надо еще раз подчеркнуть, что Томас Аквинский был чрезвычайно талантливым идеологом католицизма. Однако даже в условиях благоволения к нему со стороны верховных церковных иерархов, приходилось в трудной и упорной борьбе проводить свою линию, отвечающую фундаментальным интересам церкви.

Расплата за свободомыслие. Церковь умеет воздавать должное своим верным слугам, равно как умеет вычеркивать из памяти людей образы тех, кто осмеливался критиковать или ставить под сомнение ее авторитеты. Попыталась она предать забвению и философа, жившего в Соломенном переулке Латинского квартала Парижа, где помещался возглавляемый им факультет свободных искусств. Звали этого философа Сигером Брабантским.

«Так как душа познает другое, постыдно, чтобы она не знала самое себя, – размышлял магистр Сигер Брабантский, сидя в своей маленькой каморке и перечитывая введение Аверроэса к книге Аристотеля «О душе». – Безусловно, Томас Аквинский заблуждается, приписывая мышление человеку, а разум – душе, отделяемой от тела. Разум, от которого

исходит мышление, есть высшая способность человека. Разумная душа неотделима от тела».

Придя к такому заключению, Сигер навел порядок в своей каморке и направился на лекцию, которую с нетерпением ожидали его студенты.

Парижские улицы тех времен были узенькими и страшно грязными. Дома тесно прижимались друг к другу. Осторожно обходя непросыхающие лужи, наполненные нечистотами, магистр с опаской поглядывал на открытые окна домов, из которых его могли окатить содержимым ночного горшка. Впрочем, эти дурно пахнущие сюрпризы можно отмыть. Куда опаснее была та грязь, которую на него выливали папские легаты. Эту грязь некоторые умники безуспешно отмывали своей кровью.

Университет, гордость парижан, находился по соседству с Соломенным проулком. Тогда он состоял из трех старших факультетов, на которых преподавались право, медицина и богословие, и подготовительного, или артистического факультета (факультета свободных искусств). Университет славился на всю Европу. В его стенах можно было встретить смуглолицых итальянцев, светловолосых славян, веснушчатых ирландцев, рыжебородых германцев. Многие студенты артистического факультета, вдохновляемые своими преподавателями, увлекались сочинениями Аристотеля и его арабскими комментаторами во главе с Аверроэсом. В последнее время церковники начали угрожать латинским аверроистам отлучением от церкви.

Сигер был активным участником конфликта с богословами. Этот конфликт особенно обострился, когда представители подготовительного факультета потребовали превратить свой факультет из низшего в высший. На новом факультете должна была преподаваться философия, которая включала бы в себя элементы естествознания.

К сожалению, весьма скудны сведения о жизни вдохновителя парижских аверроистов. Биографы полагают, что родился он примерно в 1240 году в герцогстве Брабантском.

В 1255 году молодой каноник Сигер Брабантский переселяется из Льежа в Париж, где пять лет спустя получает звание магистра и в начале шестидесятых годов приступает к преподаванию в Парижском университете на артистическом факультете.

В 1272 году аверроистски настроенные магистры университета вместе с группой студентов создали свой факультет, ректором которого избрали Сигера. Этот факультет просуществовал три года.

Начало 1277 года ознаменовалось очередным походом церкви против свободомыслящих Парижского университета. Возглавил его парижский епископ Тампье, опиравшийся на поддержку магистров богословского факультета. Выступление ортодоксов закончилось изгнанием аверроистов из университета.

Осенью того же года легат инквизиции во Франции Симон де Валь вызвал Сигера для допроса и потребовал отправиться в летнюю резиденцию папы, находящуюся в Орвието. Сигер хотя и согласился, но с отъездом не спешил, пока ему ясно не дали понять, что задержка только ухудшает его положение. Деваться было некуда, и в 1281 году он отправился в Рим, где на папском престоле сидел под именем Мартина IV Симон де Брион, бывший папский легат, который в середине семидесятых годов восстанавливал единство Парижского университета, нарушенное борьбой между аверроистами и богословами.

В Риме к Сигеру приставили агента инквизиции в роли секретаря, который должен был неотлучно сопровождать опального магистра. Этот «секретарь» отлично справился со своей подлинной ролью – ролью наемного убийцы. Его кинжал впился в сердце Сигера в 1282 году. Злодейское убийство в Орвието не получило огласки. Поговаривали, что убийца был сумасшедшим монахом-фанатиком. Это была лживая сплетня, сознательно распространяемая теми, кто направлял руку с кинжалом.

Личность Сигера Брабантского и его идеи долгое время были окутаны пеленой

молчания. Впервые это молчание нарушил великий Данте в своей «Божественной комедии».

Хотя Сигер Брабантский никогда не отрицал церковный авторитет и даже говорил об абсолютной истинности христианского учения, тем не менее он шел своей дорогой, заявляя, что идеи Аристотеля противоположны абсолютным истинам церкви. Поэтому парижский магистр и его единомышленники-аверроисты допускали неустранимые противоречия между истинами философии и догматами религии. Это нашло отражение в знаменитой теории двух истин, утверждавшей наличие двух авторитетов – силы логических аргументов человеческого разума (Аристотель) и богословских обоснований догматов католической церкви (Св. Писание). Теория двух истин отстаивала право на независимость философии от богословия, тем самым сокрушая интеллектуальное господство церкви. В этом смысле парижский аверроизм стоит у истоков европейской научной и философской мысли Нового времени.

Гибель талантливого французского философа не остановила пытливых искателей Истины. Но само время было таким, что не приходилось рассчитывать на успешное развитие философии и науки. Европа находилась на пороге серьезных военных испытаний.

В середине XIII века из азиатских степей на равнины Европы хлынули монголо-татарские орды. Первый грозный вал кочевников обрушился на русские земли, Польшу, Силезию и Моравию. Затем воины Батыя разрушили столицу Венгерского государства город Пешт. Вскоре варварская конница достигла восточных берегов Адриатического моря.

Раздираемый междоусобицами, обескровленный неудачными крестовыми походами, Запад не мог сдержать натиск кочевников. От полного покорения он был спасен лишь тем, что потомки Чингисхана, отяжелев от награбленного, начали его долгий и кровавый дележ. Но народам Западной Европы от этого не стало легче, так как французский король Филипп IV вступил в 1295 году в войну с Англией, которая, в свою очередь, втянулась в войну с Шотландией, одновременно озаботив себя удержанием недавно покоренного Уэльса.

Его звали Джеффри Чосер. В разгар Столетней войны в семье лондонского вино торговца Джона Чосера родился сын Джеффри Чосер, которому суждено было стать автором бессмертных «Кентерберийских рассказов».

В то время в Лондоне насчитывалось около сорока тысяч жителей и он представлял собой небольшой город, обнесенный крепостными стенами.

С младенческих лет Джеффри был погружен в мир фантастических рассказов, что было вполне в обычаях той поры. Особыми развлечениями англичане XIV столетия не могли похвастаться. После вечернего звона, оповещавшего о том, что пора тушить огни, улицы города вымирали. И было отчего. Одинокого прохожего, рискнувшего высунуться из дому в столь поздний час, могли без всякого повода огреть дубинкой по голове или пырнуть кинжалом.

Люди ложились спать вскоре после захода солнца. Спали, как правило, вповалку в большой горнице или столовой, а перед сном любили рассказывать и слушать всякие истории. Участником этих слушаний был и маленький Джеффри, узнавший от рассказчиков о битвах с шотландцами, ирландцами и французами, о голодных временах и чумных морах, о смелых рыцарях и трусливых грабителях. Иной раз он слушал захватывающие истории о греческих богах и героях. Не обходилось и без рассказов о добрых и злых волшебниках, о привидениях и нечистой силе.

Когда Джеффри исполнилось семь лет, вся их семья переехала в город Саутгемптон, где отец занял должность заместителя королевского виночерпия. Здесь Джеффри приступил к занятиям под руководством приходского священника, который обучал детей хорошим

манерам, молитвам и азам латыни.

На первых порах ученики начальной школы учились читать и писать по латыни с помощью листа пергамента, защищенного от повреждений прозрачным слоем рога. На таком пергаменте записывались алфавит, слова молитвы и другие полезные и бесполезные слова. После усвоения азов чтения и письма ученики переходили к изучению Псалтыря, одной из книг Библии, содержащей 150 псалмов (песнопений, восхваляющих Бога, выражающих молитву, жалобы и т. д.). Преподавание велось на французском языке, языке завоевателей, которые овладели Британией в XI веке с помощью войск герцога Вильгельма Нормандского, или Вильгельма Завоевателя. В конце 1066 года в Вестминстерском аббатстве состоялось коронавание Вильгельма Завоевателя. Так французский язык стал официальным языком Англии, но не языком английской улицы, на котором разговаривал Джеффри Чосер, хотя и овладевал латынью с помощью французского языка.

Окончив семилетний курс начальной школы, Чосер начинает посещать университет и сближается с некоторыми оксфордскими учеными. В университете он приобретает хорошие знания математики и астрономии, о чем свидетельствует его трактат об астролябии, написанный для сына Льюиса.

В 1357 году Чосер уже числится младшим служителем при дворе Елизаветы. В ту пору ему было примерно шестнадцать лет. По средневековым меркам это – возраст взрослого человека.

Роль придворного Чосер выполнял без лести и суеты. Он был почителен, сдержан и немногословен. В соответствии с придворным этикетом в его обязанности не входило развлекать светское общество. Поэтому он не спешит раскрыть двору графини свое поэтическое дарование. Главной его обязанностью является работа переписчика и счетовода.

Во время поездки в Хэтфилд на рождественские праздники молодой придворный познакомился со сверстником по имени Джон Гонт, который стал его другом и защитником на всю жизнь.

Джон Гонт был благородных кровей, как-никак – а граф Ричмондский и младший брат принца Лионеля. По отзывам современников, граф являлся человеком широкого кругозора.

Наступил год 1359. Чосер ушел на войну и с оружием в руках участвовал в нескольких военных кампаниях, а затем служил на дипломатическом поприще.

Война всегда преподносит много сюрпризов. Так, во время одной из поездок за фуражом Чосера захватили в плен французы, потребовавшие выкуп. Это требование было удовлетворено. Более того, сам король уплатил выкуп.

После подписания весной 1360 года мирного договора Чосер отплыл вместе с сыновьями короля на родину, чтобы начать новый этап в своем образовании, этап обучения юриспруденции.

Во второй половине шестидесятых годов умер отец Джеффри, а его овдовевшая мать вышла в очередной раз замуж. Почти одновременно Джеффри женится на фрейлине королевы Филиппе Роэт.

Весной 1369 года французский король Карл V официально объявил войну Англии. В ответ на это Гонт совершил рейд по территории Франции. В этом рейде его сопровождал Чосер.

Предпринятый Гонтом набег на Францию оказался неудачным. Причин тому было несколько. Во-первых, силы англичан подорвал бесплодный поход в Испанию. Во-вторых, французами командовал одаренный полководец дю Геклен, сын мелкого бретонского дворянина, которые первые пятнадцать лет своей военной карьеры провел в качестве предводителя партизанского отряда, нападавшего на англичан в лесах Бретани. Отбросив

тактику рыцарства и овладев приемами партизанской войны, бретонский дворянин, став коннетаблем Франции, заставил французскую знать умело сражаться не только верхом на коне, но и в пешем строю, а также научил нападать на аванпосты и отставшие части противника. К тому же он был первым командующим, понявшим все значение пороха при осаде.

Через несколько лет на Чосера возложили важную дипломатическую миссию: он получил назначение в составе комиссии участвовать в переговорах с герцогом и гражданами Генуи по вопросу о выборе английского порта, где генуэзские купцы могли бы основать торговое предприятие. В Италии он находился больше года. Есть основания полагать, что в Падуе Чосер встречался с великим итальянским поэтом Петраркой. Из поездки он вернулся большим почитателем итальянской поэзии. Сразу после поездки им начали создаваться краткие жизнеописания, вошедшие затем в его знаменитый сборник «Кентерберийские рассказы».

В мае 1374 года Чосер получил в бесплатную пожизненную аренду большой дом, построенный над Олдгейтскими воротами лондонской городской стены. Вскоре он занял должность надсмотрщика таможи.

Работа надсмотрщика рутинна и крайне утомительна. Чосеру предписывается неотлучно находиться на своем должностном месте и собственноручно вести документацию. А хитрые, пронырливые торгаши, за которыми нужен глаз да глаз, так и лезут во все щели, чтобы оставить таможенников с носом, провозя гнилой товар и не уплачивая пошлины. Приходится постоянно быть начеку и все проверять лично. Для занятий литературой почти не остается времени, да и особого желания тоже нет после того, как набегаешься за день и наспоришься с крикливыми купцами, норовящими осуществить контрабанду.

А между тем положение в стране становилось все хуже и хуже. Умер король Эдуард. Французские рейдеры безнаказанно наносили удары по английскому побережью, грабили города и беззащитные торговые суда. Горожане и купцы все громче роптали, все чаще раздавались мятежные призывы. К тому же масла в огонь подливали нарастающие противоречия между аристократами и крестьянами. Обобранные до последней нитки, голодные и озлобленные, крестьяне начинали острить пики и точить ножи.

В это смутное время на престол Англии взшел десятилетний Ричард, ставший королем Ричардом II. Коронавание было пышным, но за пышностью крылась ужасающая нищета и слабость власти.

Спустя несколько лет после коронавания вспыхнуло мощное крестьянское восстание под руководством Уота Тайлера, Джека Стро и Джона Болла.

Многие из восставших в свое время сражались во Франции и научились отменно пользоваться луком, мечом и боевым топором. Бывшие солдаты хорошо знали, что метко пущенная стрела одинаково валит с ног простолюдина и дворянина.

Уот Тайлер повел свои мятежные отряды на Лондон.

За исключением нескольких мелких стычек и штурма упорно обороняющегося замка Рочестер, повстанцы практически не встретили организованного сопротивления на своем пути к Лондону. Этому способствовало несколько причин. Во-первых, никому из власть имущих не могло прийти в голову, что чернь взбунтуется и за несколько дней превратится в грозную силу. Во-вторых, основная часть королевского войска в момент восстания находилась на морском пути в Португалию, а другая часть была в Шотландии, и поэтому не приходилось рассчитывать на их быструю помощь.

Четырнадцатилетний Ричард и члены Королевского совета, укрывшись в Тауэре, испуганно наблюдали за пожарами в городе в ожидании самого худшего.

Прискакавший на взмыленном коне в Тауэр сэр Джон Ньютон, выглядел чертовски униженным. А как же иначе? Ведь дворянам не пристало торговаться и договариваться с

плебсом. И вдруг они оказываются в ситуации, когда приходится юлить и улаживать разъяренную толпу, постоянно вздрагивая и бледнея.

Взбунтовавшийся сброд заставил благородного рыцаря поклясться доставить королю послание восставших. Сэр Ньютон, красный от стыда, долго умолял юного Ричарда простить его за то, что невольно стал посланником бунтовщиков. Он поведал, что чернь, как ему велено было сообщить, пришла в Лондон ради спасения короля от его злонамеренного окружения и смиренно просит королевское высочество выйти к народу без страха и сомнения, дабы иметь возможность лично ознакомиться с просьбами народа и узнать всю правду о горестном прозябании простолюдинов.

Выслушав сэры Ньютона, король и члены Королевского совета с облегчением вздохнули, ибо бунтовщики фактически предоставляли им возможность перевести дух, потянуть время и подготовиться к беспощадному сокрушению плебса.

Изложив суть послания, сэр Ньютон покинул Тауэр и поспешил к повстанцам, в заложниках у которых находились его сыновья. Он передал Тайлеру, что король доволен переданным ему посланием и на следующее утро готов встретиться с представителями народа в Роттерхите, расположенном вниз по течению Темзы.

Ранним утром следующего дня на южном берегу Темзы собралась огромная толпа. Впереди толпы находилась группа облаченных в доспехи повстанцев, над чьими головами развевались знамена св. Георгия. У кромки воды стояли руководители восстания во главе с Тайлером и Боллом.

Приближался момент исключительной важности – первая в истории Английского королевства встреча представителей народа с монархом для открытого и честного обсуждения животрепещущих проблем простолюдинов. Все с нетерпением ожидали появления королевского барка. Наконец он показался в сопровождении четырех небольших судов.

Свиту короля составляли члены Совета и придворные вельможи, включая ненавистного простому люду архиепископа Сэдбери и казначея Хейла. Последние были встречены гневными криками и проклятиями.

И вот небывалая беседа началась.

Не покидая палубы судна, король обратился к собравшимся на берегу с вопросом, в чем заключаются их пожелания.

В ответ последовало приглашение сойти на берег, чтобы спокойно все обсудить.

После короткого совещания граф Солсбери прокричал:

– Это абсолютно невозможно. Ваш вид неподобающ для того, чтобы король разговаривал с вами.

На глазах огорошенных людей барк быстро развернулся и поплыл в сторону Тауэра.

Короткое замешательство повстанцев сменилось гневными криками: «Измена! Предательство!» Хотя многие из них были вооружены знаменитыми английскими луками, стрелы которых поражали цель на расстоянии около двухсот ярдов, однако ни одна тетива не зазвенела.

Король благополучно удалился восвояси, нарушив свое обещание.

Кто виноват в этом?

Конечно, главные виновники – зловредные королевские советники.

Что же делать?

Возвращаться домой, где ждет работа, которую необходимо сделать, чтобы не сдохнуть от голода зимой, или довести начатое до конца?

Вопрос требовал безотлагательного решения. К тому же под стенами Лондона находилось множество людей, которых требовалось кормить, поить, предоставлять крышу над головой.

Лондон!

Захват города вынудит вельмож пойти на значительные уступки, а короля – на переговоры. Но в хорошо укрепленный город можно попасть только через узкий мост.

Трудная задача. Главное – не затягивать ее решение.

И вот звучит клич: «На Лондон!»

Повстанцы строятся в боевые колонны и под знаменами с изображением св. Георгия начинают движение к столице королевства.

Они собираются у Лондонского моста. Перед ними мощная сторожевая башня городских ворот. Эта башня – ключ к мосту через Темзу, на другом берегу которой высятся неприступные городские стены.

Опускная решетка на запоре. У бойниц в нервном напряжении переминаются лучники.

Неужели повстанцы решатся на штурм Лондона, который не по зубам многим армиям мира?

В авангарде повстанцев находится небольшой отряд лучников и копейщиков под предводительством Тайлера. Вождь повстанцев приказывает своим воинам оставаться на местах, а сам направляется к сторожевой башне.

Удивительно, но ни одна стрела не летит в его сторону.

Спокойно подойдя к воротам, он вызывает командира гарнизона ольдермена Сибли и о чем-то с ним говорит.

И вдруг подъемный мост начинает опускаться.

Сибли выходит из ворот, подходит к Тайлеру, и они обнимаются.

Столица королевства покорно отдает себя во власть повстанцев.

Лондонцы восторженно встречают их.

Руководители восстания обращаются к своим подчиненным и к горожанам со строгим предупреждением, гласящим, что любой, кто попытается использовать сложившуюся ситуация в преступных целях, будет немедленно повешен.

«Мы ревнители истины и справедливости, – говорится в обращении, – но не воровства и грабежей».

Пора решать главные задачи восстания.

Следуя приказу, крестьянская армия делится на несколько отрядов. Один из них направляется к центру правосудия Темплу, чтобы уничтожить все хранящиеся там документы. Другой отряд с аналогичной миссией движется в сторону лондонской юридической корпорации. Часть повстанцев освобождает узников тюрем Флит и Ньюгейт. Большой отряд окружает Тауэр и устанавливает за ним постоянное наблюдение. Наиболее многочисленный отряд отправляется сводить счеты с самым ненавистным врагом простого люда – герцогом Джоном Гентским, который на средства, награбленные во Франции и Англии, построил один из роскошнейших в Европе дворцов – дворец Савой. Этот дворец является штаб-квартирой герцога, где хранятся счета, книги записей и награбленные сокровища.

Дворцовая челядь ненавистного герцога отпускается с миром. Мстители вымещают свои обиды и гнев не на людях, а на вещах, безжалостно громя и круша все подряд. Драгоценные камни разбиваются в сверкающую пыль в ступах, специально принесенных для этих целей.

Один из мстителей пытается спрятать под одеждой несколько серебряных изделий. Его изобличают и вешают.

Дворец поджигают. Он пылает и рушится.

Вожди восставших собираются в доме Томаса Фаррингдона на совещание. Они составляют два списка. Первый список – это требования, обращенные к юному королю. Второй список – это имена тех, кто за свои злодеяния должен быть предан смерти. В число смертников входят прежде всего принц Гентский, архиепископ Сэдбери, лондонский епископ Джон Легге, и королевский казначей Хейл. Затем во все города

королевства направляются гонцы для оповещения подданных и координации дальнейших действий.

Хотя король и придворные в панике, но все же не все потеряли голову от страха. Кое-кто из приближенных пытается найти выход из положения. Мэр Лондона Уолворт требует незамедлительных действий, обещая в течение одного дня собрать несколько тысяч воинов из семей богатых купцов, гарнизона Тауэра и наемников сэра Роберта Ноллиса. Против этого плана выступает Солсбери, резонно считающий, что в условиях города и его узких улиц будет самоубийством сражаться с мятежниками. Он предлагает тянуть время, чтобы собраться с силами и только тогда жестоко проучить бунтующую чернь. А посему необходимо начать переговоры.

Вечерет.

Город освещают походные костры и огонь догорающего дворца герцога Гентского.

Из Тауэра к повстанцам выходят два рыцаря, один из которых несет в руках пергаментный свиток, скрепленный королевской печатью. Их немедленно окружает толпа. В свете факелов зачитывается обращение короля к восставшим. Король призывает крестьян с миром разойтись по домам, обещая все простить им. Вернувшись же домой, крестьяне могут изложить свои обиды и просьбы в письменном виде, а затем переслать их лично королю, который вместе с лордами и членами Совета рассмотрит эти письма и примет решение, идущее на благо всем.

Толпа возмущенно ропщет. Все понимают, что их пытаются надуть.

Немного позже через уличных глашатаев Уот Тайлер получает новое послание, в котором король приказывает представителям верного ему народа собраться на следующее утро в Майл-Энде, где он своей королевской милостью позволит им высказать все обиды ему лично и постарается, насколько это в его власти, облегчить их судьбу.

В семь часов утра 14 июня 1381 года распахнулись главные ворота лондонского Тауэра. Поднялась вверх опускающая решетка. Подъемный мост медленно опустился, коснувшись земли по другую сторону глубокого рва с темной водой.

Из-под каменной арки выехала кавалькада придворных вельмож во главе с королем. Впереди торжественной процессии двигались герольды в расшитых королевскими знаками плащах. За ними следовал королевский оруженосец сэр Обри де Вер, крепко сжимая в руках символ государственной власти – громадный меч. По пятам оруженосца на породистом коне гарцевал сам король с золотой диадемой вокруг головы. Далее теснилась знать, в толпе которой находилось три герцога – два единокровных брата короля, герцог Кентский и сэр Томас Холланд, а также командующий войсками наемников сэр Роберт Ноллис. В свите сопровождающих присутствовала и пожилая королева-мать, восседавшая в богатой повозке.

Люди, густой толпой стоявшей на всем пути движения короля и его свиты, в почтении снимали шляпы и приветствовали короля радостными возгласами, одновременно выкрикивая угрозы и оскорбления в адрес сопровождающих его вельможных лиц.

Два раза короля останавливали, чтобы вручить петиции.

Конечным пунктом всей этой пышной процессии был огромный пустырь Майл-Энд, который, несмотря на свои внушительные размеры, не смог вместить всех желающих лицезреть короля и присутствовать при исключительно важном государственном акте.

Впереди собравшихся под развевающимися знаменами стояли руководители восстания, за спинами которых выстроились в ровные шеренги лучники, копейщики, меченосцы и знаменитые «бурые топоры». Чуть поодаль серыми шеренгами застыли шеренги крестьян-повстанцев в простых домотканых одеждах, вооруженные вилами, дубинами, топорами и серпами.

Когда король появился на поле и приблизился к этим грозным шеренгам, все упали на колени, восклицая: «Да здравствует король и верный ему народ!».

Как только затихли приветствия, Уот Тайлер, Джон Болл и Джек Строу подошли к королю, склонили головы в почтительном поклоне и от имени всех собравшихся для встречи с королем Уот Тайлер потребовал от Его Величества абсолютного права и разрешения лишить жизни любого человека, которого народ сочтет предателем интересов страны и королевства. Затем Тайлер достал лист пергамента и пункт за пунктом зачитал условия повстанцев, сводившиеся к следующему. Весь народ должен быть освобожден от ига крепостной зависимости, и ни один человек не должен служить другому, иначе как по доброй воле и обоюдному согласию. Каждому человеку предоставляется право свободно покупать, продавать и торговать в любой части Англии. Всем участникам восстания объявляется полная амнистия за любые совершенные ими в ходе восстания поступки.

Король Ричард, не слезая с седла, молча выслушал Тайлера, кивнул в знак согласия и заверил, что даст указание немедленно приступить к осуществлению этих требований в жизнь. Он также прикажет чиновникам подготовить специальные хартии для каждого графства, которые будут иметь силу государственного закона. После этого Тайлеру было торжественно вручено знамя с королевскими вензелями, свидетельствующее о том, что король принимает вождя повстанцев под свою защиту и дает ему право на свободу действий. Затем юный монарх объехал ряды повстанцев, благосклонно принимая знаки почтения, в то время как следовавшие за ним герольды громко возвещали о принятии королем всех требований народа.

После встречи с повстанцами король отправился не в Тауэр, ворота которого оставались открытыми, а в Королевскую гардеробную – хорошо укрепленное здание в центре города, недалеко от собора св. Павла. В этой гардеробной хранилась значительная часть драгоценных королевских одежд и богатая домашняя утварь королевского семейства.

Тем временем повстанцы во главе с Тайлером направились в Тауэр, где уже шло братание вооруженных крестьян с гарнизоном. Королевское знамя обеспечило Тайлеру беспрепятственный вход в замок.

Тайлера интересовали не достопримечательности Тауэра, а скрывающиеся в нем архиепископ Сэдбери и королевский казначей Хейл, столь ненавидимый простым народом. Оба были найдены молящимися у алтаря в небольшой часовне св. Иоанна, расположенной в главной башне замка. Их вывели на Тауэрский холм и подвели к бревну, которому предстояло сыграть роль плахи.

Сэдбери помолился, дал прощение своему палачу и стал на колени.

Палач из числа повстанцев оказался неопытным малым. Ему пришлось несколько раз ударять топором, прежде чем голова архиепископа отделилась от тела.

Судьбу Сэдбери разделили Хейл, духовник короля Джон Эплдор и главный сборщик налогов Джон Легге.

В соответствии с обычаями тех времен отрубленные головы насадили на пики и выставили для всеобщего обозрения на воротах Лондонского моста.

По мнению историков, повстанцы в известном смысле даже пощадили свои жертвы, избавив их от официальной королевской казни за измену. Заодно с короля снималась вина в их смерти, хотя, как мы знаем, король публично санкционировал карательные действия повстанцев. И наконец, простое отсечение головы было менее мучительным, чем официальная казнь за измену, когда осужденного вешали не до полного удушения, потом вспарывали живот и еще живого потрошили, чтобы затем расчленить тело на четыре части и каждую из них выставить напоказ в четырех различных частях города или страны. В законе эта казнь именовалась «повешением, потрошением и четвертованием».

Во время этих событий вокруг собора св. Павла и вдоль Чипсайда были расставлены столики, за которыми королевские чиновники выписывали «вольные хартии».

Остаток этого дня и весь следующий день повстанцы разгуливали по улицам города,

размахивая «вольными хартиями». В тех случаях, когда горожане указывали на кого-либо как на известного притеснителя, его немедленно допрашивали и нередко принуждали возместить нанесенный ущерб. Некоторых даже обезглавили, в том числе начальника тюрьмы Маршалси Джона Имворта, которого даже враждебно настроенные к повстанцам лица называли «мучителем, не знающим жалости». Его выволокли из Вестминстерского аббатства и тут же на улице казнили.

Не обошлось и без перехлестов. Это всегда бывает, когда суд вершит улица, а не закон. Имеется в виду убийство 160 фламандцев, которые были весьма непопулярным национальным меньшинством в Лондоне. Впрочем, в настоящее время историки склонны полагать, что в убийстве фламандцев виноваты не восставшие крестьяне, ничего не знавшие о городских проблемах Лондона, а сами лондонцы. Дело в том, что фламандцы, выходцы из Бельгии и Голландии, считались искуснейшими ткачами и очень успешно конкурировали с членами лондонских швейной и ткацкой гильдий. Естественно, представители этих гильдий ненавидели фламандцев и не упустили случая свести с ними счеты. Вместе с фламандцами пострадали многие банкиры и ростовщики из Ломбардии, чьи дома разграбили и разгромили. Это тоже было делом рук горожан, а не повстанцев, которые занимались совсем иными вещами, но только не городскими разборками между конкурентами.

Наступило утро 15 июня 1381 года. Король Ричард и его двор готовились к решительной схватке с восставшими, хотя формально имелись в виду всего лишь очередные переговоры. На мирные переговоры никогда не одевают боевых доспехов, за исключением короткого меча или кинжала, считающихся обычными атрибутами одежды вельмож. Однако на этот раз придворные надели на себя прочные латы, скрыв их под длинными накидками.

Простившись со своими родичами, женами и детьми, знатные лондонские мужи отправились к усыпальнице Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве, где их встретила процессия босых монахов с огромным серебряным распятием, усыпанным драгоценными камнями. Король поцеловал крест и в сопровождении свиты прошел в святилище. Там все склонились в молитве вокруг гробницы причисленного к лику святых короля Эдуарда, последнего из англосаксонской династии, правившего с 1042 по 1066 год. Из заветных хранилищ принесли драгоценные реликвии и пустили по кругу для всеобщего обозрения и целования, после чего все приступили к исповеди.

В аббатстве обитал некий отшельник, прославившийся своей святостью. Уже много лет он не выходил из своей кельи, проводя дни и ночи в постах и молитвах. У него-то и исповедовался король, получив прощение грехов и благословение церкви.

Из аббатства королевская процессия в составе двухсот человек направилась в Смитфилд, который в те времена представлял собой обширное пространство к западу от городской стены, где еженедельно проводился рынок лошадей и крупного рогатого скота, а ежегодно – ярмарка св. Варфоломея. На восточной оконечности Смитфилда располагался большой приорат св. Варфоломея и больница, основанная этим монастырем. Запад Смитфилда ограничивался рекой Флит.

Для встречи было назначено время церковной вечери, когда солнце опускается за верхушки деревьев, а с реки наползает туман.

Повстанцы расположились лагерем неподалеку от больницы. Представители короны остановились на западной стороне Смитфилда.

К повстанцам подскочил посланец короля, протрубил сигнал приглашения на переговоры и тут же ускакал назад.

Уот Тайлер в капюшоне, просторной тунике, чулках, ботинках, с коротким кинжалом на поясе тронул коня и в сопровождении знаменосца, державшего над головой символ королевской власти, направился на переговоры.

Королевская свита располагалась полумесяцем, в центре которого находился Ричард верхом на коне.

Тайлер спешил и преклонил колени. Король протянул ему руку для поцелуя, но вождь повстанцев вместо этого пожал ее, как если бы это была рука равного или друга.

– Брат, – дерзко сказал он, обращаясь к королю, – возрадуйся, ибо скоро ты получишь от народа свою пятнадцатину, и мы станем добрыми друзьями.

Столь «запанибратское» обращение к монарху вызвало волну негодования и зловещего ропота в королевской свите.

В ответ король спросил, почему повстанцы все еще находятся в Лондоне и по-прежнему вооружены, если все их требования удовлетворены. Тайлер ответил, что повстанцы поклялись не слагать оружия до тех пор, пока не будут выполнены их последние требования. К этому было добавлено: если простой народ встретит отказ, то знати придется туго. После сказанного Тайлер зачитал следующие требования.

В Англии не должно быть иного закона, кроме Винчестерского статута, принятого в конце XIII века при короле Эдуарде I и гарантировавшим безопасность личности всем свободным людям, кроме крепостных. Судьи и чиновники никого не должны ставить вне закона, руководствуясь своими личными прихотями и капризами. Ни один человек не может претендовать на господство над простым людом. В Англии должен быть только один епископ, а не великое множество угнетателей, прикрывающихся церковным саном. Собственность церкви необходимо по справедливости распределить между членами приходов после того, как будут удовлетворены насущные нужды ныне здравствующих монахов и духовенства. В Англии все люди должны быть свободными и равными.

Закончив чтение программного документа, позднее названного Смитфилдской программой, Тайлер попросил воды и эля, поскольку у него пересохло в горле. Когда его просьбу выполнили, он прополоскал рот водой, с бесцеремонностью простолюдина выплюнул ее на землю, а затем, приветствуя короля, поднял кружку с элем и выпил всю до дна. Взбодрившись, вождь повстанцев вскочил на коня и повернулся к Ричарду.

Сумрак сгущался, делая очертания людей и коней зыбкими.

Темный полумесяц королевской свиты незаметно смыкался, окружая Тайлера и скрывая его от глаз соратников, находящихся на довольно приличном расстоянии от места переговоров.

Что там происходит?

Трудно разглядеть, а еще труднее вообразить коварство короля и его вельмож.

А они действительно коварны и жестокосердны.

Вот уже один из пажей истерично кричит, что Тайлер – обманщик и вор.

Тайлер требует, чтобы юноша, прячущийся за спинами рыцарей, предстал перед ним и объяснился.

Упирающегося пажа выталкивают вперед.

Следует бурное объяснение.

На Тайлера градом сыплются оскорбления и угрозы, чтобы спровоцировать его обнажить кинжал, а это равносильно самоубийству, ибо предание немедленной смерти на месте за обнажение оружия в присутствии королевской особы считается делом законным и справедливым.

Но вождь повстанцев невозмутимо держит руки на поводьях.

Внезапно мэр Уолворт бросается к Тайлеру, ложит руку ему на плечо и кричит:

– Ты арестован!

Тайлер сбрасывает руку и в ярости хватается за кинжал.

Уолворт только этого и ждал. Он мгновенно обнажает свой кинжал и дважды ударяет вождя повстанцев в шею и голову.

Следует ответный удар, но клинок натывается на железные латы. Тайлер понимает, что

его заманили в западню.

Поздно!

Рыцарские мечи обрушиваются на мятежника.

Уолворт скачет за подмогой.

Король Ричард крестится, бормочет короткую молитву и начинает в одиночестве двигаться к повстанцам, которые ни о чем не догадываются, ибо вечерние сумерки, туман с реки и расстояние способствуют темному злодейству.

В вечерних сумерках призрачно вырисовывается фигура одинокого всадника.

Кто это?

Тайлер?

Но почему один?

Где знаменосец?

Фигура медленно приближается.

Да ведь это же король! Один! Без свиты!

Король останавливается и громко выкрикивает:

– Слушайте! Все ваши желания удовлетворены. Более того, отныне я сам буду вашим вождем!

В рядах повстанцев раздаются нестройные приветствия. И тут же следует вопрос о судьбе Тайлера.

– Он посвящен в рыцари, – звучит в ответ. – С ним все в порядке.

Король изворачивается. Король беззастенчиво врет. Король заманивает в ловушку бунтарей.

Повстанцы ему простодушно верят. Они кричат приветствия, забывая о своем вожде, и следуют за королем к монастырю св. Иоанна, расположенному в неудобном для боевой схватке месте.

Король страшно доволен таким поворотом событий. Он поворачивает своего коня и скачет в Королевскую гардеробную, где его встречает счастливая королева-мать, уже все знающая.

– Сегодня я вернул себе наследство и трон Англии, который едва не потерял! – радостно кричит Ричард.

Нет, еще рано радоваться. Это ясно понимает бывший содержатель притонов, а ныне мэр Лондона Уильям Уолворт, который торопливо рассылает гонцов и незамедлительно сколачивает вооруженный отряд из слуг и воинов «торговых князей». Отряд начинает подтягиваться к монастырю св. Иоанна. Туда же направляется многотысячный отряд наемников во главе с капитаном сэром Робертом Ноллисом.

Повстанцы с изумлением обнаруживают, что они блокированы хорошо вооруженными врагами. Их охватывает смятение. Никто не понимает, что происходит. Ведь им же даны хартии с королевскими печатями и даровано королевское знамя. Почему отсутствует Тайлер?

Отправив воинов к монастырю св. Иоанна, Уолворт скачет в Смитфилд за телом Тайлера, но не находит его на месте преступления. Однако кровавый след приводят его к больнице св. Варфоломея.

Оказывается несколько соратников Тайлера нашли его истекающим кровью и принесли в больницу, где уложили на кровать настоятеля.

Слуги Уолворта вытаскивают еще живого Тайлера на улицу и отрубает ему голову, которую торжествующий мэр водружает на конец своего копья и отправляется к блокированным мятежникам.

Наемникам сэра Роберта Ноллиса не терпится начать резню. Их кровожадный порыв с трудом сдерживает старый граф Солсбери, понимающий, что загнанный в угол волк может быть очень опасен.

Действительно, вооруженные повстанцы – грозная сила. Если атака на них вдруг окажется неудачной, это прибавит им решимости сражаться до конца, а каков будет конец, одному Богу известно.

В желтом мерцании факелов перед повстанцами появляется их заклятый враг Уолворт с окровавленной головой Тайлера на копье.

Страшное зрелище лишает повстанцев присутствия духа.

Старый лис граф Солсбери объявляет повстанцам, что, поскольку все желания повстанцев удовлетворены, они должны с миром последовать за рыцарями, которые отведут их от Лондона, а затем спокойно разойтись по своим деревням.

И повстанцы покорно бредут между сомкнутыми рядами королевских воинов, крепко прижимая к груди королевские хартии.

Глупые бараны. Их ведут на убой.

Теперь пора братья за лондонских «баранов».

Воины Уолворта вместе с наемниками Ноллиса начинают «чистить» столицу королевства.

В Чипсайде сооружена на скорую руку плаха. Палачи работают без устали. Кровь течет рекой. Здесь вскоре будут казнены лидеры восстания – Джек Стру, Джон Керби, Алан Тредор и другие.

Лондон снова возвращается короне.

Начинается азартная охота на рассеявшиеся отряды мятежников.

Историки считают, что столь чудовищных жестокостей начального периода подавления восстания не было ни раньше, ни позже за всю историю Англии. Заметное влияние на ограничение кровавых репрессий после разгрома восстания оказало не «миролюбие» феодалов и короля Ричарда, а банальный фактор нехватки рабочих рук.

Крестьянское восстание вызвало у Чосера сочувствие. Однако, свято веря в установленный иерархический порядок жизни общества, он ненавидел всякие бунты. Вину же за происшедшее возложил на богатых горожан и феодальную знать, которые, по его мнению, спровоцировали нарушение установленного Богом порядка.

В период восстания и после него влияние Джона Гонта на политику Англии ослабло. Понимая, что Гонт сдает позиции, Чосер решил добровольно отказаться от своей должности, чтобы не оказаться под ударами врагов своего покровителя. Распрошавшись с таможней, он начинает вести спокойную домашнюю жизнь, занимается поэзией и наукой, переводит сочинение Боэция «Утешение философией».

В стане же короля продолжала зреть интрига против Джона Гонта. В 1384 году на сессии парламента монах-кармелит сообщил Ричарду, что Гонт якобы замышляет убить его. Король решил немедленно повесить своего дядю. Лорды убедили короля не поступать опрометчиво и отправить монаха на время расследования в тюрьму. По дороге в тюрьму монах был перехвачен сторонниками Гонта и убит. Расследование застопорилось. Предвидя ухудшение своего положения при дворе, Гонт попросил оказать ему поддержку в подготовке военной экспедиции в Испанию. Такая поддержка была оказана, и Гонт отплыл к испанским берегам, чтобы сражаться за право на кастильский престол.

После того как Гонт покинул Англию, Чосер лишился влиятельного покровителя и ему пришлось отказаться от дома над Олдгейтскими воротами. Правда, поэту было предложено перейти на должность смотрителя и управителя двух королевских дворцов. Он принял это предложение и получил в пользование небольшой королевский загородный дворец в Уэст-Гринвиче, находившийся в нескольких милях от Лондона. Примерно в то же время он был назначен мировым судьей и избран в парламент.

В парламенте Чосеру пришлось столкнуться с братом Джона Гонта Томасом Вудстоком, который на одной из сессий парламента получил высокий титул герцога Глостерского. Новоиспеченный герцог люто ненавидел королевских фаворитов. Поэтому

при встрече с Ричардом он потребовал, чтобы королевская власть не была глуха к нуждам подданных и приструнила фаворитов. Ричард вынужден был пойти на уступки, но только на словах, так как вскоре он начал собирать силы для ответного удара. Действия короля крайне встревожили Глостера и его союзников. Они решили предпринять контрмеры и тоже начали собирать войско.

В борьбе с Глостером Ричард попытался сделать ставку на помощь французов и поручил Чосеру и еще ряду лиц срочно ехать на переговоры во Францию. Отлично понимая, чем этот заграничный вояж может для него закончиться, если о нем узнают люди Глостера, Чосер попытался увильнуть от возлагаемой миссии, что ему и удалось.

Двухлетний период господства Глостера в английской политике явился тяжелой порой в жизни Чосера. В 1387 году умерла его жена. Через год на него подали в суд за неуплату долгов. Чосеру пришлось изворачиваться, уходя от преследований кредиторов. Немного легче стало жить лишь после того, как Ричард крепко взял бразды правления в свои руки. Тогда-то Чосера и назначили на должность смотрителя королевских строительных работ и вернули ренту. Впрочем, назначение на эту должность было вызвано не особой королевской милостью, а тем, что Чосер обладал специальными техническими знаниями в области строительства. Когда же отпала нужда в этих знаниях, ему предоставили другую работу, которая, кстати заметить, была менее изнурительной и достаточно почетной.

В феврале 1399 года скончался Джон Гонт, и король лишился надежной политической опоры. В это время из ссылки вернулся Генрих Болингброк, сын Джона Гонта, но вернулся не просто, а с войском и потребовал возвращения своих конфискованных поместий. Ричард, брошенный лжедрузьями, был побежден и оказался пленником мятежников. Победители доставили его в Лондон и заключили в Тауэр. Спустя некоторое время его умертвили в подземной темнице замка Понтефракт. Новым английским королем Генрихом IV стал Болингброк.

В 1399 году Чосер жил в Лондоне. Падение короля Ричарда никак не отразилось на его положении. Более того, в день своей коронации новый монарх не только подтвердил назначенную предшественником ренту, но и пожаловал Чосера дополнительной ежегодной пенсией.

Последние месяцы жизни Чосер провел в доме у Вестминстерского аббатства, занимаясь юридической практикой, улаживая свои финансовые дела и приводя в порядок рукописи. Иногда к нему заглядывали сыновья, служившие в королевской свите, заходили друзья и поэты. Они вели неспешные разговоры, играли в шахматы.

На склоне жизни поэтическое вдохновение не покинуло Чосера. Он продолжал писать упорно и неистово, придавая стройный вид своему огромному по объему труду – «Кентерберийским рассказам».

В день своей смерти Чосер слабеющей рукой заполнил последнюю страницу рукописи. Затем он устало отдал перо сыну и навсегда закрыл глаза. Произошло это в октябре 1400 года. Тело его было погребено в Вестминстерском аббатстве.

Джеффри Чосер покинул сей бренный мир за несколько лет до начала английского Возрождения, но жизнь его протекала в эпоху, когда на континенте дух Возрождения уже проник в образ мышления просвещенных европейцев. Этим духом был проникнут и Чосер, своим творчеством перебросивший мостик из Средневековья в Возрождение. Его «Кентерберийские рассказы» – великолепный образец смеховой культуры далекой от нас эпохи, образец, демонстрирующий здравый смысл, простонародный добродушный юмор и шустрый натурализм.

О чем повествуют «Кентерберийские рассказы»?

Несколько человек уговорились ехать на богомолье в Кентерберии, к мощам святого Фомы Бекета. Коротая дорожную скуку, они рассказывают друг другу всякие занимательные истории. Вот одна из них, рассказанная монахом-кармелитом.

В округе, откуда был монах, проживал викарий, известный своей строгостью. Он не брал даров, не поддавался лести, карал развратников, сжег на своем веку много колдуний, являлся грозой ростовщиков, но строже всего относился к прелюбодеяниям. На службе у него состоял пристав, лихой малый. Гаже человека трудно сыскать.

Так вот, у пристава того на службе находились все сводни, которые помогали ему стричь клиентов. Тянул он в суд разинь и простаков, которые рады были откупиться от него горстью медяков или выпивкой в таверне.

Однажды поехал пристав в дальний приход за легкой добычей. Захотелось ему припугнуть одну вдову-старушку.

По дороге встретил пристава человека, ехавшего верхом на холеном коне. Они разговорились и познакомились. Церковный пристав, зная плохое отношение людей к его ремеслу, постыдился называться приставом и не сказал, что состоит при церковном суде.

– Где вы живете, дорогой брат? – спросил пристав, обращаясь к всаднику.

– Далеко на севере.

– Я хотел бы чаще с вами встречаться, чтобы можно было делиться жизненным опытом, ибо, как я вижу, вы человек весьма многоопытный.

– Особым нечем мне с тобой делиться, приятель, – усмехнулся попутчик. – Честно говоря, я кормлюсь вымогательством.

– Великолепно! – обрадовался пристав. – В этом мире так и надо поступать! А теперь открой мне свое имя.

В ответ на эту просьбу всадник громко рассмеялся и сказал:

– Я – бес, вылезший из ада.

– Не может быть! – недоверчиво вскричал охотник за ведьмами и звонкой монетой.

– Все может быть, – весело произнес собеседник и лукаво подмигнул

– Допустим, – все еще не веря, но принимая правила игры, произнес пристав. – Сейчас вы в человеческом обличье. А каков ваш облик там, в аду?

– У чертей в аду нет определенной формы. Зло, как и дьявол, многолико и зримо только в мире чувственных вещей, а в потустороннем, сверхчувственном мире оно не имеет конкретного образа, ибо там его существование имеет свой особый статус.

– А почему у чертей столь разные обличья на земле?

– Каждый человеческий порок требует особого к себе подхода.

– К чему такие хлопоты? – буркнул прямолинейный в своем деле пристав.

– Имеются кое-какие причины, но о них мне сейчас лень рассказывать, – зевнул бес или тот, кто назвался бесом. – К тому же ты, приятель, не поймешь всех дьявольских уловок. Но если очень хочешь знать, то скажу: своими хлопотами мы обязаны Богу, отдающему с нашей помощью праведников от грешников.

Так оживленно беседуя, они двигались по направлению к селению, жителей которого пристав хотел поугаить и ободрать. Около села им повстречался груженный сеном воз, колеса которого глубоко врезались в глину. Хозяин яростно хлестал коней, вопя:

– Да чтоб вас черт побрал с хвостом и гривой!

Пристав толкнул попутчика и, хитро шурясь, спросил:

– А не поймать ли на слове этого мужлана? Ведь он дарит тебе коней. Хватай их. Поскольку же он богомерзко выражается, я в суд его поволоку. И тебе выгода, и мне выгода.

– Увы, – произнес загадочный попутчик, – он неподсуден адскому суду, так как упоминает черта, не мысля о нем. Оставь его в покое. Здесь нечем поживиться.

В молчании они въехали в деревню. Предвкушая добычу, пристав радостно сказал:

– Здесь проживает одна скупая старуха. Давай попробуем ее потрусить, пусть расщедрится. Хотя за нею нет греха и она глуха, но вызов в суд старая карга расслышит. Вот тогда-то я и сдеру с нее двенадцать пенсов.

Сказав это, он постучал в ворота.

– Эй, старуха, вылезай из своего болота! У меня есть для тебя приказ. Завтра тебя поволокут в суд.

Хозяйка дома и церковный пристав долго препирались, а спутник пристава слушал их ругань со скучающим видом.

Убедившись в том, что старуха явно не собирается раскошелиться, пристав решил отобрать у нее сковороду. В ответ на это старуха яростно крикнула:

– Иди ты в ад с моей сковородкой! Пусть сатана подавится тобой!

Тут-то и оживился попугчик пристава.

– Ты хотела бы его отправить в ад? – обратился он к женщине.

– Да, да, пусть черт его возьмет, коль ему моя сковородка приглянулась.

– Ну, нет, карга, – зло прошипел пристав. – Что мне попало в когти, то уж мое.

– Постой-ка, друг, – прервал пристава его попугчик. – Понравится тебе это или нет, но сковородкой и тобой теперь я владею по праву. Хочу посмотреть, как в аду ты будешь отплясывать на этой сковородке. Там ты узнаешь такое, что и богослову не снилось.

С этими словами бес, а это был именно он, схватил пристава и уволок его в ад.

Известный английский литератор и ученый Джон Гарднер, трагически погибший в 1982 году в автомобильной катастрофе, так писал о Чосере: «Ни один поэт во всей английской литературе, даже сам Шекспир, не обладает большей привлекательностью как человек и художник, чем Джефри Чосер, и нет поэта более достойного внимания биографа».

Провансальские трубадуры и жонглеры. В XII–XIII столетиях в духовной жизни западноевропейского общества многое круто меняется. Фигура клирика-грамотея как-то незаметно теряет свою значимость и становится чем-то обыденным. На лугах Европы начинают расцветать новые цветы – цветы лирической поэзии. Их родиной становится юг Франции.

Еще совсем недавно церковь объявляла плотскую любовь грехом и провозглашала, что любовь должна быть духовной и только духовной. Как и священная война, духовная любовь служит спасению веры. Для верящих в непреложность церковного слова и все же стремящихся к теплоте человеческих чувств любовь становится весьма своеобразным рыцарским турниром, довольно рискованной игрой с бесом-искусителем. Эта любовная игра сделалась предметом куртуазной поэзии, возникшей в конце XI века в Провансе. Провансальские трубадуры бросили дерзкий вызов ханжеству ортодоксальных клириков, хотя многие из них сами были в недавнем прошлом клириками.

Сегодня академические книжные «черви» много знают о куртуазной культуре трубадуров, хотя и спорят с важным профессорским видом на страницах своих толстенных фолиантов о происхождении слова «трубадур». Одни из уважаемых мэтров заявляют, что сие слово происходит от глагола «trobar» в значении «изобретать», «находить новое». Другие, оспаривая мнение своих почтенных коллег, доказывают, что указанное слово ведет свою родословную от позднелатинского глагола «(con)trigare», означающего «сочинять тропы». Эти тропы, то есть выражения, употребляемые в переносном значении, добавляют они, являлись неканоническими вставками в литургические гимны, исполнявшиеся во время церковной службы.

Ученый люд спорит, а мы мотаем себе кое-что на ус и завязываем узелки на память, дабы при случае не перепутать трубадуров с трубачами или с трубочистами. Последние трубят нам в уши и порой чистят их, тогда как первые услаждают наш слух своими куртуазными виршами.

Итак, трубадуры – это прежде всего поэты, выходцы из Южной Франции, из Прованса. Их обычно именуют провансальскими поэтами. Эти поэты сочиняли стихи на народном, живом языке, а потом исполняли их под аккомпанемент виолы или лиры, то есть еще

сочиняли и музыку. Однако нередко в роли исполнителей написанного выступали так называемые жонглеры, которых не следует путать с нынешними цирковыми жонглерами. Жонглеры той поры являлись профессиональными певцами. Некоторые знаменитые трубадуры держали при себе постоянных жонглеров. Менее именитые трубадуры с тощими кошельками сами промышляли искусством жонглеров. В свою очередь, кое-кто из жонглеров не прочь был удариться в рифмоплетство и сочинить что-нибудь этакое, что-нибудь прелюбопытное и презабавное.

Все это более или менее известно и отражено в учебниках, но есть вещи и менее известные, хотя очень интересные и в некотором смысле удивительные. Вот о них и пойдет сейчас речь.

Юг Франции. Рукой подать до Испании, точнее говоря, до Кордовского эмирата. Этот эмират был основан эмиром Абд ар-Рахманом I (Абдаррахманом), который вынужден был бежать из своего имения в Ираке, спасаясь от посланных к нему убийц. Какое-то время он блуждал по Северной Африке, а затем перебрался в Испанию, где в 756 году захватил власть в Кордове и основал на Пиренейском полуострове Кордовский эмират. Таким образом было положено начало Кордовских Омейядов.

Как только арабы прочно укрепились в Испании, они начали проводить очень взвешенную и очень разумную политику, отличавшуюся большой веротерпимостью, поощрением наук и искусств. При них Кордова из захолустного городка превратилась в огромный, тщательно спланированный город с двумястами тысячами домов и более чем миллионом жителей. В темное время суток улицы столицы эмирата, отлично вымощенные, освещались общественными фонарями. Семьсот лет спустя в Лондоне не было ни одного уличного фонаря, а спустя несколько столетий улицы Парижа представляли собой некое подобие грязных сточных канав, которые во время дождя делались труднопроходимыми.

В архитектурном плане с Кордовой соперничали такие известные испанские города, как Гранада, Севилья и Толедо.

Правители Кордовского эмирата могли смотреть с презрением на жилища правителей Франции, Германии и Англии, которые были не многим лучше хлевов: без окон, без труб, с отверстиями в крыше для выхода дыма. В это время дворцы и дома мусульманской знати демонстрировали то, как должен жить человек, привыкший к чистоте, комфорту и красоте.

Изысканная мавританская архитектура поражала. Мраморные балконы, внутренние залы со сводами и разрисованными стеклами окон, украшенные великолепной мозаикой полы, фонтаны с хрустальной водой. В залах висели большие люстры. Стены украшали арабески и живописные картинки. Жарким летом прохладу приносил ветерок, веявший из цветников через вентиляционные башенки. В холодное время года помещение нагревалось глиняными трубами, заложенными в стенах.

Поражала и мебель. Она была выполнена из сандалового или лимонного дерева. Ее украшали перламутром, слоновой костью, серебром, рельефом из золота и драгоценных камней. Пышные подушки и мягкие диваны с красивой вышивкой манили присесть или прилечь.

Зимние комнаты обивались богатыми обоями; их полы устилались вышитыми персидскими коврами.

Большое значение придавалось опрятности. Этого требовала религия. Холодная или горячая вода, смотря по времени года, наполняла мраморные ванны.

Именно арабы приучили европейцев к нижнему белью, которое должно регулярно меняться и стираться.

Они же привили французским, германским и английским рыцарям любовь к лошади и научили гордиться искусством верховой езды.

Псовая и соколиная охота привилась в Центральной Европе тоже благодаря арабам.

Библиотека одного из эмиров была столь велика, что только один ее каталог состоял из сорока томов. При крупных библиотеках находились комнаты для переписывания, переплетения и украшения книг.

Старательно собирались и переводились на арабский язык сочинения греческих философов и ученых, но только не поэтов, поскольку в греческой поэзии было слишком много языческих элементов, противоречащих религиозным ценностям мусульман. Арабы развивали свою собственную поэзию. Широкое распространение у них получили поэтические диспуты, впоследствии доведенные до совершенства трубадурами. Благодаря арабам провансальцы познакомились с жонглерами.

Музыкальные училище в Кордове и других городах поддерживались щедростью правителей и подарили своим слушателям много знаменитых музыкантов.

Любознательные европейцы постоянно уходили за Пиренеи в поисках новых знаний. И находили их, а потом возвращались в Прованс или Лангедок, заражая своих соотечественников мавританским вкусом к изящному, утонченностью арабской эротики, отраженной в поэзии. В результате юг Франции наполнился очарованием женской прелести и танцами под звуки лютни и мандолины. Из Лангедока и Прованса любовные песни перекочевали в Италию и Сицилию, сделавшись любимой литературной формой. Даже в монастырях распевали стансы, которые едва ли бы одобрили святые отцы, воспитанные на строгих принципах монашества и аскетизма.

Когда степенные мусульмане Кордовы очнулись от сытой спячки и вспомнили о наставлениях пророка, чтобы осудить своих не в меру расшалившихся поэтов за их бесшабашность, традиция любовной песни, стихотворных состязаний, соперничества в восхвалении дам, исполнения серенад уже прочно укоренилась на юге Франции, в Италии и Сицилии, найдя там радушный прием.

Поэзия трубадуров не была рассчитана на широкие народные массы, которые во времена дремучего и не очень дремучего Средневековья больше заботились о своем пустом и злобно урчащем брюхе, чем о пище духовной и возвышенной. Вот и приходилось трубадурам проникать всеми правдами и неправдами в феодальные замки, чтобы развлекать их владельцев своим творчеством. Поэтому их поэзия была элитарной, аристократической.

подавляющее большинство трубадуров имело традиционное религиозное образование. Светских школ Западная Европа того времени просто не знала, если не считать частных учителей в богатых семьях, но и они были, как правило, клириками.

Для сочинения стихов по всем правилам искусства мало быть грамотным человеком. Требуется еще и доступ к библиотекам, к тем книгам, откуда можно черпать поэтический опыт предшественников, знакомиться с азами стихосложения. Главными же книгохранилищами Средневековья были монастыри. В монастырской среде из числа клириков и формировались будущие трубадуры, первоначально, судя по всему, принимавшие участие в создании и постановке литургических драм. Именно литургическая драма позволила клирикам адаптировать народный язык к поэтическому творчеству. Выйдя за пределы храма на паперть, литургическая драма как бы спровоцировала выход клириков за монастырские стены и превращение их в трубадуров. Позднее трубадуры самоорганизовались в некое поэтическое сообщество, в некую куртуазную среду, в которой, как в своеобразной школе, осуществлялась шлифовка поэтических талантов.

Поэзия трубадуров просуществовала на юге Франции с конца XI по XIII столетие. Она являла собой образец любовной лирики, хотя и не чуралась моральных и политических тем, блистая при этом юмором и сатирой. Кстати заметить, политически значимые темы чаще всего диктовались не политическими настроениями трубадуров, а политическими

симпатиями или антипатиями их влиятельных и богатых покровителей.

Воистину не будет преувеличением сказать, что поэзия провансальских трубадуров лежит у истоков лирики последующих европейских поэтов. Даже великие Данте и Петрарка ей многим обязаны, не говоря уже о других мастерах поэтического слова. В конце XVIII века о творчестве трубадуров вспомнили писатели и поэты романтической школы, хотя и не в состоянии были оценить ее должным образом. В XX веке поэзией трубадуров глубоко интересовался Александр Блок, читавший их произведения в подлинниках и посвятивший эпохе трубадуров пьесу «Роза и крест». Пристальное внимание этой эпохе уделяли французские сюрреалисты и многие другие литераторы, экспериментирующие с художественным словом.

Бесшабашный поэт Вийон, который любил вийонить. Параллельно куртуазной поэзии развивалась поэзия «бродячих людей» – вагантов. Поэзия вагантов воспевала озорство поклонников хмельной кружки и скандальные похождения нетерпеливых любовников. Большой популярностью ваганты пользовались у школяров и студентов, толкая шальные головы и горячие сердца на авантюрные проделки. Ваганты бесстрашно высмеивали лицемерие святош, стяжательство клириков, чванливость рыцарей. Они справедливо считаются предтечей умонастроений и мироощущения великих гуманистов эпохи Возрождения.

Удивителен и парадоксален мир поэзии французского Возрождения. У его порога с вызовом застыла фигура Франсуа Вийона.

В своей жизни Вийону пришлось претерпеть много невзгод. Сказался его бесшабашный характер, свою печать наложила и эпоха. Мы вряд ли сумеем когда-нибудь до конца разобраться в личности этого человека. Многое утеряно, еще больше выдуманно. Его биография состоит из жалких и разрозненных, противоречивых сведений. Попытаюсь хоть как-то склеить их.

Имя «Вийон» наш герой получил довольно поздно. Было остроумно замечено, что он взял это имя напрокат и сделал его нарицательным. Вийонировать означало обманывать, обжуливать, надувать. Может, и впрямь был таким Вийон – жуликоватым насмешником, вечным бродягой и даже воришкой. Но нельзя не согласиться с тем, что, будучи поэтом, он не чеканил из своих поэтических слов фальшивые монеты.

Франсуа Монкорбье (Делож) родился примерно в 1431 году в Олвере, близ Понтуаза. Имя «Вийон» позаимствовал у своего учителя и наставника Гийома де Вийона, священника и, возможно, родственника матери, ставшего для него «больше чем отцом».

Мать Вийона была бедной и набожной женщиной. Отец числился в небогатых лавочниках.

В двенадцать лет Вийон начал протирать штаны на студенческой скамье подготовительного факультета Парижского университета, не слишком обременяя себя зубрежкой. Учеба давалась ему легко. Он на лету запоминал лекционные курсы и тем самым был избавлен от механического заучивания, а следовательно, обладал неоспоримым преимуществом перед студентами-тугодумами – свободным временем для отдыха и проказ. Этот непоседливый остряк предпочитал университетским аудиториям студенческие пирушки и по праву считался заводилой студенческой братии.

В 1449 году Вийон заканчивает подготовительный факультет со степенью бакалавра, а через три года получает степень лиценциата и магистра искусств, что дает ему право преподавать или служить клерком. Но разве может эта живая поэтическая натура довольствоваться схоластическими университетскими словопрениями или привыкнуть к чернильной жизни клерка?

Нет, отвечает Вийон, и заводит дружбу с братством «Беззаботных ребят». Эти беспутные молодые гуляки, любящие выпить и закусить за чужой счет, живут только сегодняшним днем, волочась за красотками, срезая кошельки у зазевавшихся прохожих,

шатаясь по кабакам и притонам.

Конечно же, подобные «ребята» не очень-то в ладах с законом. Подтверждая это, Вийон впутывается в скандальную историю. Но закон тут как тут. И любитель хулиганских выходов бежит из Парижа с несколькими монетами в кошельке и без всяких радужных надежд на будущее.

Около года он где-то бродяжничает, а потом вновь появляется в Париже. Не успев смахнуть дорожную пыль со своих башмаков, он с лихими друзьями совершает ограбление Наваррского коллежа и быстренько ретируется из города.

Скитаясь вдаль от Парижа, Вийон сближается с кокильярами, то есть с бродягами и ворами. В этот период на воровском жаргоне им было написано несколько баллад.

Во время одной неудачной вылазки кокильяров Вийона арестовали и бросили в тюрьму, где подвергли пыткам и вроде бы приговорили к смерти. Но в последний момент судьба сжалилась над поэтом-авантюристом.

Когда жизнь нашего кокильяра уже висела на волоске, началось празднование дня рождения трехлетней принцессы Марии Орлеанской. Вийон решил воспользоваться предоставившимся ему шансом и настроил стихи, сладко воспевавшие появление на свет августейшей отроковицы. Ему чертовски повезло: благодаря этим виршам он был прощен, но при условии немедленного исчезновения из Орлеана.

По другой версии, в честь посещения Орлеана семьей герцога и въезда принцессы Марии в свое наследственное владение многие заключенные в соответствии с обычаем того времени были освобождены из орлеанской тюрьмы.

Четыре года Вийон мерил своими ногами пыльные дороги Франции. Иногда ему приходилось туго, настолько туго, что в голову закрадывалась мысль о самоубийстве.

Во владениях епископа Тибо д'Оссины наш скиталец попал в очередную передрагу из числа весьма обычных для него «недоразумений», за что был брошен в тюрьму на хлеб и воду. В подземной камере узник провел все лето, и кто знает, как с ним обошлись бы судьбы, не посети проездом город Мен-на-Луаре новый король Франции Людовик XI, направлявшийся на коронацию. В ознаменование этого события всех арестованных простили. Вийон снова на свободе, и его снова тянет в Париж.

Париж встретил поэта привычным шумом большого города. Он сливается с толпой горожан, надеясь раствориться в этой массе ремесленников, студентов, клириков, дворян и прочего люда. Увы, не тут-то было. Как на зло, Вийон оказывается свидетелем уличной драки, затеянной его товарищами. В этой драке тяжело ранят папского нотариуса. Поскольку у Вийона весьма подмоченная репутация, его хватают, волокут в тюрьму и угрожают виселицей. Возможно, тогда и были написаны эти строки:

Я – Франсуа, чему не рад,
Увы, ждет смерть злодея.
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

К счастью для бесшабашного поэта, его шея не узнала пеньковой «ласки». Приговор был обжалован и заменен десятилетним изгнанием из Парижского графства.

Годы изгнания, жестокая нужда и тюремные застенки подкосили здоровье поэта. Состарившись раньше времени, он продиктовал свою поэму «Большое завещание» и исчез в неизвестном направлении. Поговаривали, что он все же вернулся в Париж и умер там в возрасте пятидесяти трех лет. Доказательства на этот счет отсутствуют.

Ш.-О. Сент-Бев так сказал о Вийоне: он жил в то доброе старое время, когда люди спокойно мирились со своими пороками, не выставя их напоказ с видом мрачного отчаяния. До конца дней он с удовольствием пил то вино, от которого с удовольствием

пьянел, не теряя бодрости духа.

О себе самом Вийон написал:

От жажды умираю над ручьем.

Смеюсь сквозь слезы и тужусь играя.

Куда бы ни пошел, везде мой дом.

Чужбина мне – страна моя родная.

В своей поэзии Вийон выворачивал наизнанку незыблемые истины, показывал их неожиданные метаморфозы. Он чувствовал родовые судороги мира последних лет Столетней войны, но не обременял себя мыслями о туманном грядущем.

Смех Франсуа Рабле. Поэтический огонь Вийона или, точнее говоря, огонь, который разжигало Время не без помощи поэтов с лукавинкой в глазах, осветил дорогу многим. Осветил он дорогу и величайшему художнику французского Возрождения Франсуа Рабле, автору знаменитой книги «Гаргантюа и Пантагрюэль». Воспользуемся этой книгой для понимания некоторых черт личности автора и времени, в котором он жил.

Примерно в 1494 году на ферме Девиньер, близ города Шинона, родился Франсуа Рабле. Его дед был зажиточным крестьянином, исповедовавшим простую житейскую мудрость: в здоровом теле здоровый дух.

Дай Бог, чтобы каждому из нас была доподлинно известна его родословная. О родословной и жизни Рабле можно много говорить, отталкиваясь от содержания уже упомянутой книги и, например, учитывая, что дед писателя фигурирует в книге под именем Грангузье.

Великан Грангузье был большим шутником, который по тогдашнему обычаю пил непременно до дна и любил закусывать соленьким. Уже в зрелом возрасте Грангузье женился на девице из себя видной и пригожей, которая зачала ему сына. В положенный срок она разрешилась от бремени на широкой крестьянской кровати.

Появившегося на свете младенца назвали Антуаном. Антуан стал отцом писателя, который не поленился вывести папашу в образе Гаргантюа. Правда, в этом образе есть и элементы автопортрета. Фотографов тогда еще не было. Поэтому никто не удивлялся, когда в одном лице на семейном портрете совмещалось несколько людей. Так было если не проще, то экономнее и вполне соответствовало представлению наших предков о единстве черт родства.

Гаргантюа, покинув материнскую утробу, издал радостный и призывный вопль. Чтобы унять его, младенцу дали тяпнуть винца, затем окунули в купель и по доброму христианскому обычаю окрестили.

Папаша нашего Франсуа, получив хорошее юридическое образование в Париже, стал почтенным ассессором города Шинона. Удвоив свое состояние выгодной женитьбой, он занялся адвокатской практикой. Примерно так же складывалась судьба добродушного великана Гаргантюа.

Антуан, Франсуа и Гаргантюа росли обычными мальчишками. Они вечно валялись в грязи, пачкали свои физиономии всем, чем только могли, стаптывали башмаки, ловили мух и беззастенчиво какали в штанишки.

Когда пацанам исполнилось пять лет, к ним приставили учителей. В наставники, как правило, брались богословы, которые преподавали азбуку, учили писать готическими буквами и читать всякую ерунду. Если родители замечали, что их чадо, несмотря на большие, по мнению учителя, успехи в учебе, неотвратимо глупеет и тупеет, они безуспешно меняли учителей. Что касается Гаргантюа, то его очередным наставником стал Понократ, с которым отрок отправился в Париж набираться ума.

Не имея опыта жизни в столице, Гаргантюа довольно своеобразно распределил время

суток. Просыпаясь между восемью и девятью часами утра, он для прилива животных токов болтал ногами, прыгал и валялся в постели, затем одевался, причесывался, пукал, испражнялся, чихал, сморкался и, наконец, завтракал. Плотно набив свою утробу, Гаргантюа шел в церковь, а потом на какие-нибудь несчастные полчаса утыкался в книгу, но при этом душа его рвалась на кухню. Начитавшись до остервенения, он садился обедать. Обед сменялся двухчасовым праведным сном. Пробуждение отмечалось кружкой холодного вина, которое выпивалось с особым вкусом.

Понократ попытался внушить своему ученику, что пить прямо со сна вредно для здоровья.

– Но ведь так жили святые отцы, – возражал Гаргантюа, подливая себе вина. – Тем более сон у меня от природы какой-то соленый: во сне я словно все время ем ветчину.

Утолив жажду, Гаргантюа нехотя принимался за уроки.

После ужина наступало время азартных игр или не менее азартной охоты за любвеобильными девицами. Наигравшись, напившись и налюбившись, Гаргантюа с чувством большого самоудовлетворения отправлялся спать.

Увидев, какой неправильный образ жизни ведет Гаргантюа, Понократ решил обучать его наукам иначе. Был составлен такой план занятий, чтобы ленивый Гаргантюа не терял зря ни часу.

Теперь наш лодырь, обжора и гуляка вставал около четырех часов утра, как и большинство жителей Парижа, не избалованных электричеством и утренними телевизионными программами. В то время, как его растирали массажисты, он прослушивал несколько страниц из Св. Писания, а уж потом отправлялся в одно место, дабы извергнуть из себя экскременты. Там трудолюбивый наставник, зажав нос, повторял с ним прочитанное. Обсуждая содержание текста, Гаргантюа и Понократ выходили на воздух и шли в луга, где играли в мяч или в лапту. Нагуляв как следует аппетит, учитель и ученик садились за обеденный стол, и, вкушая пищу, читали какую-нибудь занимательную повесть о славных делах старины. После обеда приносили карты, но – упаси нас Бог! – не для азартной игры на деньги, а для решения умственно полезных арифметических задач. Перед сном они выходили во двор и смотрели внимательно на небо, наблюдая кометы, если таковые были, или положение, противостояние и совпадение светил. Засим молились и ложились спать.

Думаю, что в реальной жизни отец и сын Рабле занимали золотую серединную позицию. Они не забывали добросовестно трудиться, постигая науки. Антуан Рабле грыз сухарь юриспруденции, а Франсуа занимался медициной.

Однажды на родительской ферме Девиньер произошли события, заставившие Франсуа прервать на некоторое время учебу и поспешить домой.

В непосредственном соседстве с фермой Девиньер находилось поместье некоего Гоше де Сент-Марта, взбалмошного самодура. В один прекрасный день этот самый Гоше вздумал поставить на реке Луаре специальное заграждение для ловли рыбы. Заграждение стало серьезной помехой для судоходства на Луаре, имевшего большое коммерческое значение. Торговцы и лодочники не замедлили выразить свое возмущение по поводу действий этого самодура, который тупо твердил, что данный участок Луары примыкает к его поместью. В январе 1528 года одна торговая ассоциация начала против Гоше де Сент-Марта судебное дело, которое дошло до Парижского парламента.

Конфликт между двумя соседями представлен в книге как война между королем Пикрохолом и семейством Гаргантюа. В этой войне принял участие такой колоритный персонаж, как веселый брат Жан.

Армия Пикрохоля напала на ближайшее к королевству аббатство. Бедняги монахи не знали, какому святому молиться и где спастись. В то время в аббатстве находился монах по прозвищу Жан Зубодробитель, человек молодой, жизнерадостный и храбрый.

Брат Жан, услышав шум, производимый неприятелем на виноградниках, и поняв, что монастырь может запросто лишиться годового запаса вина, побежал на клирос за монахами.

– Ах ты, Господи! – вопил во всю глотку брат Жан. – Что же мы, теперь, горемычные, пить-то будем?

– Что здесь нужно этому пьянчуге? – вскричал рассерженный настоятель. – Отведите его в темницу!

– Но вы ведь сами, отец настоятель, любите хорошее вино, как и всякий порядочный человек, – обиженно промолвил брат Жан. – А эти ваши песнопения, ей-богу, сейчас не ко времени. Слушайти меня, все любители хмельного: с нами Бог, за мной!

С этими словами брат Жан скинул рясу и, схватив перекладину от ясеневоего креста, ринулся на врагов. Он так энергично и ловко орудовал перекладиной, что вскоре поле битвы было усеяно бездыханными и стонущими врагами. Победа была полной.

Узнав о подвигах брата Жана Зубодробителя, Гаргантюа попросил сей же час послать за монахом. Когда тот прибыл, Гаргантюа сказал:

– Не подлежит сомнению, что ряса и клобук навлекают на себя со всех сторон поношения, брань и проклятия. Как дармоедам, монахам отводят места уединенные, а именно – монастыри и аббатства, так же обособленные от внешнего мира, как отхожие места от жилых помещений.

– Да, но они молятся за нас, – заметил Грангузье.

– Какое там! – хмыкнул Гаргантюа. – Они только терзают слух окрестных жителей дилиньбомканьем своих колоколов. Дай Бог, если они молятся в это время за нас, а не думают о своих хлебцах да жирных супах. Исключением является лишь брат Жан. Он не святоша, он жизнерадостен, смел, он добрый собутыльник. К тому же он трудится, пашет землю, заступает за утесненных.

После завершения военных действий Гаргантюа решил одарить брата Жана. Он хотел было сделать его аббатом одного монастыря, но тот отказался.

– Как я буду управлять другими, раз я не умею управлять самим собой? – посетовал брат Жан. – Дозвольте лучше построить аббатство, какое я хочу.

Гаргантюа такое предложение понравилось, и он отвел для этой цели всю Телемскую область до самой Луары. В ответ же на просьбу брата Жана основать обитель, непохожую ни на какую другую он сказал:

– В таком случае вокруг нее не должно быть стены, ибо все прочие аббатства обнесены высокими стенами.

– Да, – поддержал его монах. – За стенами не лучше, чем в застенке: там и наушничанье, и зависть, и подсиживание.

Вскоре обитель была построена. В ее здании находились превосходные книгохранилища. Вся жизнь в Телемской обители подчинялась не уставам, а собственной доброй воле монахов. Их устав состоял только из одного правила: делай что хочешь. Людей просвещенных, находящихся в порядочном обществе, сама природа наделяет инстинктом и побудительной силой, которые постоянно наставляют их на добрые дела и отвлекают от порока, и сила эта зовется у них честью.

О такой необычной жизни в монастыре Гаргантюа сказал:

– Люди, преданные евангельскому учению, подвергаются гонениям с давних пор, однако ж счастлив тот, кто, не смущаясь этими гонениями, не соблазняясь и не обольщаясь влечениями плоти, прямоком идет к цели, которую преуказал нам Господь устами возлюбленного своего Сына.

Так словами своего персонажа Франсуа Рабле высказал еретическую мысль о положительном значении деятельности великих представителей Реформации. Позднее он разочаруется в Реформации, но тогда, когда писались строки о прелестях жизни в

Телемской обители, автору казалось, что подобная утопия возможна.

В 1510 году Рабле поступил послушником в монастырь ордена кордельеров недалеко от Анжера, а с 1511 года провел девять лет в монастырях Ла Бометт и Фонтене-ле-Конт. Большая часть этого времени связана с пребыванием во францисканском монастыре, расположенном в старинном маленьком городке Фонтене-ле-Конт.

Что побудило Рабле избрать духовную карьеру?

Вероятно, такова была воля семьи. В те времена духовная карьера считалась почетным и выгодным делом. К тому же духовенство являлось наиболее образованным сословием Франции. Монастыри владели большими собраниями старинных книг. Характерно, что первые гуманисты Возрождения были в свое время монахами, священниками и богословами. Богословие рассматривалось как необходимая ступень в развитии ученого человека. Эту ступень надо обязательно пройти, чтобы принять или отвергнуть догматы религии, но миновать ее невозможно. И Рабле добросовестно овладевает богословскими премудростями под присмотром францисканских монахов, о которых стоит сказать несколько слов отдельно.

Орден францисканцев возник в начале XIII века. Его учредителем был итальянец Франциск Ассизский, в миру Джованни Бернардоне, сын богатого торговца сукном. В молодости Бернардоне вел беззаботный образ жизни. Какое-то время он жил во Франции. Отсюда его прозвище – Франциск (офранцуженный).

На первых порах проповеди Франциска встречали недоброжелательное к себе отношение, поскольку он проповедовал добровольную нищету, осуждал деньги, торговлю и всякие материальные блага. Смирение и терпение проповедник считал высшими добродетелями и призывал верующих отказаться от собственности, помогать друг другу и добывать пропитание физическим трудом.

Проповеди Франциска идеалов первоначального христианства вызывали настороженное к нему отношение со стороны церковных иерархов, которые называли его «божьем дурачком», с издевкой советуя проповедовать свиньям, а не людям. Однако популярность Франциска росла, и с этим нельзя было не считаться. Конечно, его легко можно было объявить еретиком и жестоко расправиться, но папа Иннокентий III рассудил иначе. Прежде всего римский первосвященник учел, что Франциск выгодно отличается от известных еретиков и хулителей римской церкви отсутствием в его проповедях антицерковных нападок. Более того, Франциск всемерно подчеркивал свою лояльность по отношению к папскому престолу. Вот почему Иннокентий III одобрил предложение о создании нового монашеского ордена – нищенствующего ордена миноритов (францисканцев), но потребовал переформулировать правила, касающиеся обладания имуществом и церковной собственностью.

Довольно скоро подвижничество францисканцев пошло на убыль. Из нищенствующих монахов они уже через несколько десятилетий превратились в «сытых котлов», обладавших огромной недвижимой собственностью и большими денежными накоплениями. Дело дошло до того, что Франциск не выдержал такого предательства идеалов ордена и покинул его. Случилось это незадолго до его смерти. Подобного рода протест, который постарались не предавать широкой огласке, не помешал папской курии возвести Франциска после смерти в сонм святых, тогда как со строптивыми францисканцами, приветствовавшими протест основателя ордена, расправились руками инквизиции.

Из рядов францисканского ордена вышли многие крупные философы Средневековья, чьи имена мы встречаем на страницах книги Рабле. Это: Роджер Бэкон, Дунс Скот, Уильям Оккам, Раймонд Луллий и другие оригинальные мыслители. Хотя Рабле и подтрунивает над их «заумным» философствованием, но этот смех – не злая сатира, а добродушная ирония писателя-гуманиста, осознавшего, что прошло время схоластических

споров, оторванных от проблем земной жизни.

Рабле сочувственно относился к призывам францисканцев блюсти идеалы раннего христианства. Это было созвучно лозунгам деятелей Реформации. Но так как книга писалась долго и ее автор успел убедиться, во что могут выродиться религиозные утопии и благие призывы, он перестал мечтать о монашеской коммуне в духе Телемской обители. Этот отход от радужных, но не жизненных идеалов прослеживается при описании походов Пантагрюэля, сына Гаргантюа.

Первые годы учебы Пантагрюэля связаны с городом Пуатье. Затем он побывал в Бордо, откуда проследовал в Тулузу, где отлично выучился танцевать и фехтовать обеими руками. Но когда он увидел, как тулузские студенты-католики живьем поджаривают своих профессоров, уличенных в ереси, то не стал там больше задерживаться и, отбывая, воскликнул:

– Я от природы человек пылкий, куда мне еще подогреться на костре!

В чем заключалась ересь бедняг профессоров и другой культурной публики, которую предавали огню костра?

Ответ на этот вопрос следует искать в биографии Рабле.

Еще будучи членом францисканского монастыря в Фонтене, Рабле и несколько его друзей образовали небольшой кружок любителей философии и словесности. По примеру древних платоников они собирались в беседке и обсуждали с гуманистических позиций римское право, критиковали средневековых знатоков юриспруденции, воздавали должное античной философии. В конце 1523 года покой их монастырского существования был нарушен обыском с последующей конфискацией книг на греческом языке. Слежка и обыск явились следствиями запретительных мер Сорбонны, богословского факультета Парижского университета. Богословы Сорбонны вначале угрюмо, а потом с нарастающей злобой следили за распространением во Франции эллинистической культуры, которую они считали рассадником свободомыслия и ересей. Кружок, членом которого был Рабле, вполне соответствовал запретам Сорбонны.

В результате «нанесения оскорбления музам» Рабле расстался с монастырем и, воспользовавшись покровительством, которое ему предложил настоятель монастыря бенедиктинцев небольшого местечка Майезе – аббат Жоффруа д'Эстисак, становится секретарем аббата и воспитателем его племянника.

Новый секретарь сопровождал своего шефа в частых разъездах по его приходам и владениям в провинции Пуату. Во время этих разъездов Рабле посещает ряд университетов, включая университет в Пуатье.

Поблизости от монастыря бенедиктинцев Рабле находит новых друзей-единомышленников из числа просвещенного духовенства, которые позволяли себе судить о церкви и церковных делах с позиций культуры Возрождения. В этом кругу Рабле слышал разговоры об упадке церковных нравов, о выступлениях Лютера в Германии, о безнравственной политике Рима.

В 1527 году Рабле сбрасывает рясу монаха и покидает аббатство, чтобы посетить такие университетские города Франции, как Пуатье, Бордо, Тулуза, Бурж, Орлеан, Монпелье. В университете Монпелье он записывается на медицинский факультет и через некоторое время получает степень бакалавра медицины. Здесь, в Монпелье, он становится свидетелем сожжения на костре профессора права Жана де Катюрье, обвиненного богословами в ереси.

Во Франции той поры частенько пахло жареной человеченкой. В 1525 году Сорбонна, папский оплот в Парижском университете, добила учреждения во Франции комиссии для борьбы с ересью. Эта комиссия и соорудила первые костры для еретиков-протестантов. Именно по ее инициативе велась травля талантливого поэта Клемана Моро, который дважды был вынужден тайком покинуть родину и провести остаток дней на

чужбине. Поэтому смех Рабле иногда напоминает смех сквозь слезы.

В первой половине XVI века усиливаются евангелические тенденции в среде французских гуманистов, одним из ярких представителей которых был Франсуа Рабле. Поэтому не случайно гуманизм становится объектом злобных нападок со стороны Сорбонны. В ответ на это следует звонкая оплеуха Сорбонне в виде двух первых книг Рабле, проникнутых атакующим духом французского Возрождения и утопическими идеалами раннего христианства в его гуманистической редакции.

Рабле постоянно воюет с догматизмом и антигуманистической политикой римской курии. В последующих книгах, повествующих о приключениях Пантагрюэля, он выдвигает на первый план уже не брата Жана, а принципиального анархиста Панурга, который бесцеремонно расправляется с персонифицированным религиозным лицемерием, ханжеством и мракобесием.

Как и Рабле, Панург родился в зеленом саду Франции – в Турени. По словам писателя, это был мужчина лет тридцати пяти, среднего роста, с крючковатым носом, обходительный и слегка распутный. Сей обходительный мужчина знал шестьдесят три способа добывания денег, из которых самым честным являлась незаметная кража. Кроме того, Панург – отъявленный озорник, не менее отъявленный шулер, кутила, гуляка и жулик, каких и в Париже немного. Подобно Франсуа Вийону, он вечно строил каверзы полицейским и ночному дозору. Но особенно доставалось от него несчастным магистрам и богословам.

Однажды, заметив, что в Большом зале парижского суда монах-францисканец служит мессу, Панург вызвался ему помочь одеться и облачиться. Снаряжая монаха, он ухитрился пришить ему ризу к рясе и сорочке, а потом поспешно удалился, прысая в кулачок.

И вот когда ничего не подозревающий монах, произнеся «Идите, обедня окончена», стал снимать с себя ризу, то так задрал одежду, что обнаружил перед всеми свои внушительные мужские украшения. Узрев сие непотребство, один из членов суда возопил:

– Что же это такое? Уж не думает ли честной отец, что мы станем прикладываться к его заду? Нет, пусть антонов огонь его в зад поцелует!

С тех пор бедным честным отцам велено было раздеваться только у себя в ризнице, но ни в коем случае не при всех, особенно не при женщинах, дабы не вводить их в соблазн.

Богословы Сорбонны мгновенно отреагировали на появление книги «Пантагрюэль». В 1533 году они добились ее запрещения.

Работая над книгами, входящими в состав «Гаргантюа и Пантагрюэля», Рабле одновременно врачует людей, завязывает переписку с великим гуманистом Эразмом Роттердамским, публикует ряд медицинских сочинений. У древних медиков он заимствует идею единства человека и природы, а также идею единства тела и души. Эти идеи он будет последовательно развивать на страницах своей эпопеи, противопоставляя их теориям схоластической науки.

Начав свою работу врачом городской лионской больницы, Рабле быстро становится активным пропагандистом гуманистических идей в медицине, филологии, юриспруденции и философии. В Лионе он раскрывается как блестящий врач, незаурядный ученый и талантливый литератор.

В одну из октябрьских ночей 1534 года на улицах Парижа появились антикатолические плакаты. В ответ на это силы католической реакции погрузили страну в кошмар кровавого террора. «Просвещенный» монарх Франциск I, еще недавно выступавший в роли покровителя литературы и искусства, защитника гуманистов от нападок Сорбонны, ограничивает свободу слова и закрывает свои глаза на мерзости инквизиции. Многие гуманисты покидают Францию. Уезжает и Рабле, уезжает тайком, никого не предупредив.

Летом 1535 года Рабле появляется в Риме, где добивается аудиенции у папы, который милостиво отпускает ему грехи. Так поступить уговорил папу старый знакомый нашего

литератора, бывший епископ, а ныне кардинал Жан дю Белле, относимый историками к разряду широко образованного и гуманистически настроенного духовенства. И вновь Рабле одевает рясу, а вскоре получает должность каноника в монастыре Сен-Мор-де-Фоссе. Этот спектакль с переодеванием длится недолго. Благодаря кардиналу дю Белле он оставляет монастырь и отправляется в Монпелье, где получает ученую степень доктора медицинских наук, а также разрешение на чтение лекций и медицинскую практику. В те годы его имя упоминается в ряду лучших медиков королевства.

После Монпелье Рабле переезжает в Лион. Здесь он встречает своих старых лионских друзей-гуманистов, которые начали возвращаться в родной город, так как буря, вызванная «делом об афишах», несколько улеглась и показалось, что французский король снова благоволит гуманистам. Однако новые политические события продемонстрировали иллюзорность подобных надежд.

На какое-то время Рабле оказывается в свите французского короля, подписывающего с императором Карлом V договор, который ознаменовал окончательный поворот Франции в сторону католической реакции. Затем наш неугомонный литератор и достойный медикус объявляется в Пьемонте и становится придворным врачом Гильома дю Белле, брата его старшего покровителя – кардинала Жана дю Белле.

Наступает лето 1543 года. Франциск I назначает Рабле докладчиком прошений при собственной персоне. Спустя два года королевский докладчик получает от короля привилегию на дальнейшее издание «Пантагрюэля». Это покровительство было далеко не лишним, так как Сорбонна уже протягивала свои инквизиционные клешни к автору едких сатир. Спасаясь от огнедышащих ревнителей веры, он скрывается где-то в глухой провинции и там создает «Третью книгу героических деяний и речений Пантагрюэля», которая издается в Париже в 1546 году.

Несмотря на то, что в «Третьей книге» Рабле отказывается от всякой сатиры в адрес церкви и Сорбонны и даже упоминает о «добрых деяниях по искоренению ереси», богословы встретили книгу яростной бранью. Сомневаясь в заступничестве высоких особ королевской крови, он бежит за пределы французского королевства в город Мец, где работает врачом вплоть до 1547 года. В августе того же года мы встречаем его в свите кардинала дю Белле, направляющегося в Италию.

Во время очередного конфликта между Парижем и Римом могущественные покровители Рабле напомнили Генриху II, сыну Франциска I, об услугах, оказанных стране писателем на дипломатическом поприще. Король, идя навстречу ходатаям, дал разрешение на то, чтобы улучшить положение Рабле. Воспользовавшись этим, кардинал дю Белле выхлопотал ему место кюре в Медоне, близ Парижа. Это было доходное место, не требовавшее фактического исполнения обязанностей церковнослужителя. Благодаря новой должности Рабле мог тратить много времени на научные и литературные занятия.

«Четвертая книга» эпопеи увидела свет в 1552 году, а в апреле того же года французский король заключил мир с папой. Мрачно молчавшая до той поры Сорбонна начал подавать голос, полный угроз еретикам и свободомыслящим. Рабле считал благоразумным еще раз скрыться и заняться подготовкой пятой и последней книги героических деяний и подвигов Пантагрюэля. Завершить ее писателю не удалось, так как 9 апреля 1553 года его неугомонная душа отлетела в мир иной. Он умер в Париже и там же был похоронен во второй половине 1553 года.

«Пятая книга» увидела свет в 1564 году. В ней самому Рабле принадлежат лишь наброски и отдельные главы.

Последняя книга публиковалась под траурные звуки религиозных войн между католиками и протестантами. За два года до этого во Франции произошло избиение гугенотов, заставившее протестантов, последователей женеверского проповедника Кальвина, взяться за оружие и подняться против короля.

Хотя Рабле и не порвал до конца с католицизмом, но тем не менее он едко высмеивал косность римской церкви и догматизм мышления ортодоксальных богословов. То же самое можно сказать и о его отношении к протестантам, которым он одно время весьма сочувствовал, но затем понял, что их фанатизм в решении вопроса свободы выбора духовных ценностей ничем не лучше фанатизма католиков. Показательно, что еще при жизни Рабле на него нападали лично Кальвин, этот «протестантский папа». Рим, Сорбонна и Женева соревновались между собой в обличении острого на язык писателя-гуманиста, одновременно выливая ушаты помоев друг на друга и разжигая пожар религиозной ненависти, в огне которого рождался буржуазный мир.

Новый мир корчился и кривлялся, жадно глотая воздух надежд и звеня шутовскими погремушками. Не обретя твердой опоры в дряхлых традициях уходящих поколений, он готов был вцепиться во что угодно, лишь бы почувствовать подобие стабильности и устойчивости. И цеплялся, хватался за любое самое дикое пророчество.

В закатном сумеречном свете старые боги выглядели жалкими и забытыми всеми отшельниками. Они испуганно взирали на шумные толпы, резво носящиеся туда и сюда в слепом поиске неведомого.

Мелькают лица, маски, рожи, провалы оскаленных, орущих ртов, потные кулаки. Нешуточный карнавал вступает в свои безумные права. Кумиры и лжепророки настырно лезут на пьедесталы.

Поймет ли этот шум и гам человек, не испытавший на себе незавидную роль участника великих в своей драматичности или трагичности исторических событий?

Вопрос банален, ибо ответ очевиден. Не познав, не ощутив всем своим естеством боли и радости, человек будет лишь зрителем в театре абсурда. Абсурдными ему покажутся сваленные в кучу идола с выпученными глазами, галдящие кумиры на котурнах, что-то невнятно лепечущие мудрецы, тоскливо озирающиеся по сторонам обыватели-статисты. Не судите строго эту непонятливость, да не судимы будете, когда придет ваше время исповеди. Поступь грядущего бывает тяжелой. Тогда трепещут и храбрецы.

Глупцы и сумасшедшие глухи к вещим словам, но эти слова не всегда доступны и здоровым умам, которые привыкли соизмерять смысл сказанного с сиюминутными делами. Здравый ум мыслящего стереотипами человека плохой советчик на перекрестке многих дорог в неизвестное грядущее. Силу разуму придает не легко угадываемый выбор – назад в прошлое по ветхому от старости мосту, а выбор надежных средств для переправы на другой берег реки Времени.

Идущий навстречу неведомому, навстречу страху перед неизвестным должен знать: первопроходец может оказаться трагически одиноким и осмеянным, ибо его путь не застрахован от тупиков.

Устремляя наши очи
На бледнеющий восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, придет ли наш пророк.

И, с надеждою в сердцах,
Умирая, мы тоскуем
О несозданных мирах.
Мы неведомое чуем.

Дерзновенны наши речи,
Но на смерть осуждены
Слишком ранние предтечи

Слишком медленной весны.

Д. С. Мережковский